ISSN 2074–2975 октябрь 2014 № 10 (297)

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

Содержание номера 16+

Великому поэту и патриоту (стихотворение) 5

А.Цветков

Право на самоопределение и территориальная целостность государств 6

В.Карташкин

В статье анализируется содержание принципа самоопределения народов и принципа территориальной целостности государств в современном международном праве. Автор раскрывает их важное значение для мирного урегулирования споров между государствами и сохранения международной безопасности.

Российская цивилизация: обретение идентичности 16

В.Авксентьев, Б.Аксюмов

Вызовы, возникшие перед Россией в связи с кризисом на Украине, приводят к логичному выводу: в новых геополитических условиях необходимо пересмотреть прозападный стратегический курс развития постсоветской России и сделать ставку на формирование её идентичности как самобытной уникальной цивилизации.

Глобальные проблемы: вызовы и возможные ответы 28

А.Задохин

Рассматривая глобальные проблемы и причины их возникновения и обострения, автор предлагает свою типологизацию и возможные пути решения этих проблем.

Ассоциированные отношения государств и новая региональная клиентела 40

А.Багаева

Идея статьи рождена трагическими событиями, развернувшимися на Украине из-за решения об ассоциации с Европейским союзом. История ассоциированных отношений государств насчитывает не одно столетие. Но она имеет как положительные проявления, так и негативные, в том числе в возникновении нового типа клиентских отношений.

Нужна ли обществу идеология? 48

В.Сургуладзе

Происходящее в мире столкновение культур вызывает необходимость осмысления каждым обществом тех нравственных ценностей, на основании которых оно будет идти в будущее. Сегодня становится очевидно, что западные идеологические концепции не отвечают долгосрочным интересам гармоничного развития, так как игнорируют традиционные ценности и цивилизационные особенности незападных обществ.

Проекты «Экономический пояс Шёлкового пути» и ЕАЭС: конкуренты или партнёры? 56

Ван Шучунь, Вань Цинсун

Евразия никогда не вызывала такого серьёзного внимания всего мира, как сегодня. Ведущие державы предлагали и предлагают различные евразийские концепции, в частности новый интеграционный проект В.В.Путина «Евразийский экономический союз» и китайский проект «Экономический пояс Шёлкового пути». Большой географический район и частичное дублирование функций в определённой степени определяют конкурентные отношения между двумя проектами, но благодаря согласованному решению между Китаем и Россией они не соперничают друг с другом, а демонстрируют перспективные сферы сотрудничества.

Афганистан: вчера, сегодня, завтра 69

А.Исаков, Д.Филиных

На значительном фактическом материале авторы раскрывают геостратегическое значение Афганистана в системе центральноазиатских государств, важнейшие этапы его исторического развития, а также высказывают мнение о его ближайшем будущем.

К сотворчеству российской дипломатии и науки 79

Е.Кутовой

Современный мир и мировая система международных отношений, испытывающие на себе воздействие усложняющихся глобальных и региональных проблем, выдвигают новые

задачи перед внешнеполитическими ведомствами. Для их решения требуется повышение уровня взаимодействия дипломатии и науки, использование достижений научно-технической революции в дипломатической деятельности.

Русофобия – инструмент британской внешней политики. XIX век – взгляд с позиций политического реализма 98

А.Сетов, А.Топычканов

Британская русофобия XIX в. рассматривается как инструмент выстраивания системы международных отношений. В антироссийских памфлетах проявился весь арсенал средств влияния, которые были необходимы для формирования общественного мнения, принятия определённых внешнеполитических решений и организации альянсов. При этом важную роль играли бинарные оппозиции, используемые памфлетистами в формировании идентичностей Британии и её союзников и обосновывавшие биполярную систему международных отношений.

Рецензия

Политика и военная стратегия – *uniti aeternum*. Взгляд Андрея Кокошина 107

С.Лавренов

Статья посвящена анализу основных положений новой книги академика РАН А.А.Кокошина «Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности», которая стала итогом многолетней работы известного государственного деятеля и учёного.

Содержание на английском языке 123

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук. Перечень введён в действие с 1 января 2007 года.

Председатель Совета учредителей

К.Ф.ЗАТУЛИН

Издатель: Институт стран СНГ (Институт диаспоры и интеграции)

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В.В. – главный редактор, д.п.н., проф.

ЕГОРОВ В.Г. – шеф-редактор, д.и.н., проф.; ЕРЕМЕНКО И.Н. – исп. директор, к.т.н.; АБАШИДЗЕ А.Х. – д.ю.н., проф.; БОЙКО Ю.П. – д.п.н., проф.; ГРОМЫКО А.А. – д.п.н.; ГУСЬКОВА Е.Ю. – д.и.н.; ЗАДОХИН А.Г. – д.п.н., проф.; КОМАРОВ И.К. – д.э.н.; КРУГЛОВ В.В. – д.в.н., проф., генерал-майор; ЛУЗЯНИН С.Г. – д.п.н., проф.; ОРЛОВ А.А. – к.и.н.; ПАВЛЕНКО В.Б. – д.п.н.; ПЛЯЙС Я.А. – д.п.н., проф.; ПОНОМАРЕВА Е.Г. – д.п.н.; РУДОВ Г.А. – д.п.н., проф., Чрезвычайный и Полномочный Посол; ЦВЕТКОВ А.И. – д.в.н., проф., Заслуженный деятель науки РФ; ЦЫГАНКОВ П.А. – д.ф.н., проф.

Научно-редакционный совет:

АРИСТОВ В.В. – член-корреспондент РАН
ГАБАРАЕВ Б.А. – доктор технических наук, Заслуженный энергетик РФ
ГАЛОГАНОВ А.П. – президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
ГРИБ В.В. – заместитель Председателя комиссии по региональному развитию и местному самоуправлению Общественной палаты России, заместитель Председателя правления Ассоциации юристов России, доктор юридических наук
ДЕЛЯГИН М.Г. – директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор
ЖУРКИН В.В. – Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН
ЗОРИН В.С. – первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор
ИВАШОВ Л.Г. – президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор
КРЕМЕНЮК В.А. – заместитель директора ИСКРАН, доктор исторических наук, профессор
ЛАДЫГИН Ф.И. – вице-президент Совета ветеранов военной разведки, генерал-полковник
МУРАДОВ Г.Л. – заместитель руководителя Федерального агентства «Россотрудничество»
ПИВОВАРОВ Ю.С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН
ПРИМАКОВ Е.М. – академик РАН
СУХАРЕВ А.Я. – советник Генерального прокурора РФ, доктор юридических наук, профессор
ТИТАРЕНКО М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН
ТОРКУНОВ А.В. – ректор МГИМО(У) МИД России, академик РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель РАС ООН
ШАХНАЗАРОВ К.Г. – генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»
ЩЕРБАКОВ И.А. – директор Института общей физики им. А.М.Прохорова РАН, академик РАН, профессор
ЯКОВЛЕВ В.Ф. – советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© Институт стран СНГ

Великому поэту и патриоту

(к 200-летию со дня рождения М.Ю.Лермонтова)

Анатолий Цветков

Октябрь на Руси не богат на погоду,
Кругом непроглядная хмурая хлябь,
Но в нём родились, как награда народу,
Великий поэт и Великий Октябрь.

Россия взрастила борца и поэта,
Прошедшего много нелёгких дорог,
Родина наша была им воспета
Как самобытный земли уголок.

Был у поэта характер бунтарский,
Ему был понятен горящий Кавказ,
Он не в ладах был с прислугою царской,
Но правду сумел донести он до нас.

Такие герои опасны для власти –
Для них у неё есть стандартный ответ:
Убийцу найти, спровоцировав страсти,
Выстрел дуэльный – противника нет.

Но не убить его страстное слово,
Оно до сих пор над Россией звенит.
И заявляем мы снова и снова:
Лермонтов жив и не будет забыт.

Как же Октябрь? А он властно и громко
Народы призвал идти только вперёд.
Вот и сегодня на радость потомкам
По нашей планете с востока идёт.

ЦВЕТКОВ Анатолий Исаакович – член Союза писателей России. *E-mail:* anatoly2010@gmail.com

Право на самоопределение и территориальная целостность государств

Владимир Карташкин

За последние годы вновь широко развернулась дискуссия по вопросу о праве народов на самоопределение и территориальную целостность государств. Эта проблема одна из наиболее сложных и спорных в международном праве и мировой политике. Её актуальность и политическая острота неразрывно связана с судьбами как отдельных государств, так и мира в целом.

История международных отношений содержит многочисленные свидетельства того, что проблемы границ, взаимные или односторонние притязания государства на определённые территории с попытками обосновать их правом народов на самоопределение относятся к тем вопросам, из-за которых чаще всего возникают как внутринациональные, так и межгосударственные конфликты и войны.

Только по мирным договорам свыше восьми тысяч раз перекраивалась политическая карта мира, изменялись границы государств [1].

Возникновение национальных государств в результате Вестфальского мира (1648 г.) и их претензии на определённую территорию и население означало неизбежность будущих конфликтов. Рост их числа в современном мире, особенно на Ближнем Востоке и в Африке, во многом обусловлено созданием искусственных границ как в период колониальных захватов, так и при распаде колониальных империй [2].

КАРТАШКИН Владимир Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации. *E-mail:* v.kartashkin@mail.ru

Ключевые слова: самоопределение, целостность государства, споры, урегулирование, договор, международное право.

В современном мире широко распространены не только межгосударственные, но и межнациональные конфликты.

Среди них следует отметить трагедию в Югославии, события на постсоветской территории, проблемы меньшинств в Бельгии, Великобритании, Испании, Канаде, Китае и многих других странах.

Большинство конфликтов разворачивается под лозунгом обеспечения права народов на самоопределение, которое общепризнано в современных международных отношениях.

Принцип самоопределения в современном международном праве

Утверждение принципа самоопределения в международном праве многие учёные связывают с именем Президента США В.Вильсона и созданием Лиги Наций [3].

Американский профессор Дж.Хазард прямо называет принцип самоопределения «принципом Вудро Вильсона» [4]. Однако сам Статут Лиги Наций не содержал никаких упоминаний о самоопределении народов. Более того, он закрепил в международном праве колониальную зависимость и учредил мандатную систему.

Принцип равноправия и самоопределения народов в качестве всеобщего впервые был провозглашён в Уставе ООН как цель, к достижению которой должна стремиться Организация (п. 2 ст. 1). Провозглашая право народов на самоопределение и равноправие, Устав ООН содержал главы о несамоуправляющих и подопечных территориях (гл. XI и XII). Из содержания этих глав следует, что цель Организации Объединённых Наций состояла в создании условий для достижения подопечными народами самоуправления или полной независимости, «как это может оказаться подходящими для специфических условий каждой территории и её народов и имея в виду свободно выраженное желание этих народов» (п. b ст. 76).

Что же касается несамоуправляющих территорий, то члены Организации должны были развивать только их «самоуправление» (п. b ст. 73).

При учреждении ООН большинство её членов составляли западные страны, которые не были готовы признать право на самоопределение за колониальными странами и народами. Позиция многих из них стала постепенно меняться по мере принятия в Организацию новых государств, большинство из которых освобождалось от колониальной зависимости.

14 декабря 1960 г. Генеральная Ассамблея ООН, приняв Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам (резолюция 1514 (XV), внесённую 43 афро-азиатскими государствами, провозгласила, что «все народы имеют право на самоопределение, в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют своё экономическое, социальное и культурное развитие» (п. 2 Декларации).

За принятие декларации проголосовало 89 государств при девяти воздержавшихся.

В связи с этим нельзя не остановиться на вопросе о юридической силе резолюций Генеральной Ассамблеи.

Согласно ст. 10 Устава ООН, Генеральная Ассамблея по обсуждаемым вопросам принимает только рекомендации. Однако на конференции в Сан-Франциско подчёркивалось, что если толкование Устава ООН, данное соответствующим органом Организации, является общепринятым, то оно приобретает обязательную силу (*binding force*) [5]. Следовательно, резолюция Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 г., в которой даётся применительно к современным условиям толкование принципов Устава ООН и получают новое преломление определённые нормы и принципы международного права, является юридически обязательной для членов ООН. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам сформулировала не новый общий принцип международного права, а конкретизировала и развила принцип самоопределения народов, доведя его до логического завершения – обязательности немедленной ликвидации колониальной системы.

Наконец, оба Пакта о правах человека 1966 г. в первой же статье признали в договорном порядке право всех народов на самоопределение, воспроизведя формулировку процитированного второго пункта Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам.

Право на самоопределение трактовалось главным образом как право колониальных и зависимых народов на освобождение от колониального рабства и образование самостоятельных государств. Такое освобождение считалось правомерным не только мирным пуёем, но и в ходе вооружённой борьбы. Именно вооружённая борьба как способ волеизъявления колониальных народов была характерна для деколонизации. При этом международное право исходило из противоправности применения силы колонизаторами для воспрепятствования осуществления права народов на самоопределение.

Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам прямо запрещала «любые военные действия или репрессивные меры какого бы то ни было характера, направленные против зависимых народов» (п. 4).

Более детально и определённо этот вопрос решён в резолюции Генеральной Ассамблеи 3 314 (XXIX) «Определение агрессии» (1974 г.), которая была принята консенсусом. В этой резолюции прямо говорится, что применение вооружённой силы, которая в иных случаях рассматривается как агрессия, не препятствует осуществлению права на самоопределение народами, находящимися «под господством колониальных и расистских режимов или под другими формами иностранного господства» (ст. 7).

Современное международное право, признавая право на самоопределение и запрещая применение силы, делает такое единственное логичное исключение. В остальных случаях право на самоопределение может осуществляться правомерно лишь мирным путём.

Современное международное право признаёт право на самоопре-

деление только за народами и нациями, хотя до сих пор нет общепринятого определения этих понятий. Что же касается этнических, религиозных и языковых меньшинств, то, как подчёркивается в ст. 27 Пакта о гражданских и политических правах, «им не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, использовать свою религию и исполнять её обряды, а также пользоваться родным языком».

Вопрос о правах меньшинств много лет обсуждался в Организации Объединённых Наций сначала при разработке Пакта о гражданских и политических правах, а затем при подготовке Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. При разработке этих документов неоднократно вносились предложения о признании за меньшинствами права на самоопределение. Но эти предложения неизменно отвергались подавляющим большинством участников переговоров.

Содержание Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, обсуждалось в различных органах Организации Объединённых Наций [6]. Сначала в Подкомиссии ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств и её рабочей группе по меньшинствам, в Комиссии ООН по правам человека и, наконец, на Генеральной Ассамблее ООН, которая одобрила текст Декларации 18 декабря 1992 г. (резолюция 47/135).

Этот документ закрепил право лиц, «принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, активно участвовать в культурной, религиозной, общественной, экономи- ческой и государственной жизни, пользоваться достоянием своей культуры, использовать свою религию и отправлять религиозные обряды, а также использовать свой язык в частной жизни и публично, свободно и без вмешательства или дискриминации в какой бы то ни было форме».

В настоящее время в современном международном праве общепризнано, что право на самоопределение имеет внешний и внутренний аспект.

Внешний аспект означает, что колониальные и другие народы, находящиеся под иностранным господством и оккупацией, имеют право на самоопределение и образование самостоятельной государственности, в том числе путём использования вооружённой силы [7, 8]. К внешнему аспекту следует отнести и право любого народа и нации осуществлять право на самоопределение и образование независимого государства. Как подчёркивается в Декларации о принципах международного права (1970 г.), «создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определённого народом, являются формами осуществления этим народом права на самоопределение».

Такое право, однако, должно осуществляться исключительно мирным путём и с согласия заинтересованных сторон.

Внутренний аспект права на самоопределение состоит в предоставлении меньшинствам права пользоваться своей культурой, использовать свою религию и отправлять религиозные обряды, а также пользоваться родным языком. Это, однако, не означает, что национальное меньшинство не может отделиться и образовать самостоятельное государство. Но это может быть сделано только мирным путём и с согласия заинтересованных сторон.

Между тем в современном мире нередки случаи, когда национальные или религиозные меньшинства прибегают к вооружённой борьбе и развязывают гражданские войны в целях образования самостоятельного государства и даже «всемирного халифата». И при этом они зачастую получают вооружённую поддержку от других государств.

Декларация принципов международного права 1970 г. специально обязала «каждое государство воздерживаться от организации подстрекательства, оказания помощи или участия в гражданской войне или террористических актах в другом государстве». Определение агрессии, принятое Генеральной Ассамблеей (1974 г.), квалифицирует в качестве акта агрессии засылку «государством или от имени государства вооружённых банд, групп, иррегулярных сил или наёмников, которые осуществляют акты применения вооружённой силы против другого государства...» (ст. 3).

Современное международное право обязывает все государства разрешать свои споры исключительно мирным путём. Поэтому в случае любых конфликтных ситуаций все участники спора должны добиваться мирного урегулирования разногласий. Путь вооружённой борьбы за свои правомерные или мнимые права является преступлением, влекущим уголовную и иную ответственность.

Территориальная целостность государств

Провозгласив право народов на самоопределение как цель Организации, Устав ООН одновременно закрепил в международном праве в качестве принципа, в соответствии с которым обязаны действовать все её члены, принцип запрещения «угрозы силой или её применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместим с целями Организации Объединённых Наций» (п. 4 ст. 2).

Фактически в этой статье Устава ООН речь идёт о двух принципах современного международного права: принципа запрещения угрозы силы и её применения в международных отношениях и принципа уважения территориальной целостности государств. Такая же формулировка содержится и в Декларации Генеральной Ассамблеи ООН (1970 г.) о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций. В теории и практике международных отношений эти принципы справедливо рассматриваются как самостоятельные принципы, соблюдение

каждого из которых имеет важное значение для сохранения мира и поддержания международной безопасности.

На конференции в Сан-Франциско при разработке Устава ООН не проводилось различия между словами «целостность» и «неприкосновенность» территории государств. Некоторые её участники употребляли слово *integrity* (целостность, неприкосновенность), другие – *inviolability* (неприкосновенность, нерушимость), придавая им одно и то же значение [9].

Каждое государство осуществляет над своей территорией и в её пределах суверенную власть – территориальное верховенство или территориальный суверенитет. Из обязанности государства соблюдать территориальное верховенство друг друга вытекает принцип уважения территориальной целостности и неприкосновенности, который означает противоправность каких-либо посягательств на власть государства в пределах национальных границ.

Территориальная целостность и неприкосновенность являются двумя аспектами одного и того же принципа.

Территориальная целостность означает запрещение насильственного расчленения территории какого-либо государства или народа и их аннексию.

Территориальная неприкосновенность означает, что государства обязаны воздерживаться в их международных отношениях от каких-либо посягательств на территорию других государств или народов, от нарушения их границ.

Поэтому, несмотря на то что принцип территориальной целостности и неприкосновенности является одним принципом современного международного права, следует употреблять тот или иной термин в зависимости от существа его нарушения.

Так, попытки отторгнуть часть территории какого-либо государства является классическим посягательством на его территориальную целостность, в то же время как вторжение военных самолётов на территорию иностранного государства или засылка вооружённых групп и наёмников следует квалифицировать как нарушение территориальной неприкосновенности.

Осуществление государством на своей территории суверенной власти влечёт за собой обязанность всех государств соблюдать целостность и неприкосновенность его территории.

Принцип самоопределения народов непосредственно связан с территориальной целостностью государств.

В Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам подтверждалось право народов на самоопределение и одновременно объявлялась противоправной «всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны» (п. 2 и 6).

Оба эти принципа получили дальнейшее развитие в Декларации Генеральной Ассамблеи ООН 2825 (XXV) 1970 г. о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии

с Уставом Организации Объединённых Наций. В этой Декларации особо подчёркивается, что все упомянутые в ней принципы (принцип неприменения силы и территориальной целостности; принцип мирного разрешения международных споров; принцип невмешательства; принцип, обязывающий государства сотрудничать друг с другом в соответствии с Уставом ООН; принцип равноправия и самоопределения народов; принцип суверенного равенства государств; принцип добросовестного выполнения государствами своих обязательств) «являются взаимозависимыми, и каждый принцип должен рассматриваться в свете других принципов».

Эта связь чётко прослеживается в толковании Декларацией принципов самоопределения и территориальной целостности. Ставя применение силы вне закона и провозглашая принцип территориальной целостности, декларация одновременно запрещает «насильственные действия… лишающие народы их права на самоопределение, свободу и независимость». Аналогичным образом декларация запрещает «любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств». Вслед за Уставом ООН декларация обязывает государства разрешать свои споры мирными средствами, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность. Хельсинкский заключительный акт (1975 г.) и многие универсальные и региональные документы и соглашения подтверждают принципы, зафиксированные в Уставе ООН и вышеупомянутой декларации. Эти принципы приобрели всеобщее значение и являются общепризнанными.

Они рассматриваются международным сообществом как принципы *jus cogens*, действующие *erga omnes*.

Таким образом, современное международное право обязывает все государства решать спорные вопросы, в том числе относящиеся к самоопределению народов и территориальной целостности, исключительно мирным путём. Ни один народ и ни одно государство не имеют право прибегать к силе для разрешения тех или иных разногласий.

В этом отношении современное международное право, как отмечалось, признаёт только одно исключение. Народы, находящиеся под колониальным или иностранным господством, а также оккупацией, имеют право на сопротивление и достижение независимости даже путём вооружённой борьбы [2, 10, 7, 8].

Государство, являясь суверенным, вправе свободно определять свою судьбу в соответствии с волей народа, включая принятие решений о территориальных изменениях. Именно демократическое государство, основанное на свободном волеизъявлении народа, обеспечивает, как правило, наилучшие и безболезненные формы урегулирования территориальных разногласий.

Всеобщая ценность демократии для всего человечества признаётся подавляющим большинством государств – участников международного общения, всеми цивилизациями современного мира. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.

специально отметил, что «демократия – это универсальная ценность, основанная на свободном волеизъявлении народа, который определяет свои политические, экономические и культурные системы, на его активном участии в решении вопросов, касающихся всех аспектов жизни» (п. 135).

Государство, учитывая волю народа, может объединиться с другим государством, создать федерацию или конфедерации, принять решение о своей ликвидации.

Характерным примером в этом отношении является мирный распад Чехословакии или Советского Союза, присоединение ГДР к ФРГ и многие другие.

При этом не всегда окончательно урегулируются те или иные границы, остаются территориальные претензии. Но все эти вопросы должны решаться мирным путём при соблюдении общепризнанных принципов международного права.

Обычно значительно сложнее решаются территориальные проблемы между странами с диктаторскими режимами, при которых государственная власть характеризуется репрессиями в отношении населения страны, особенно национальных меньшинств.

Эти проблемы нередко перерастают в военные конфликты и гражданские войны. События в Северной Африке и на Ближнем Востоке, происходящие в последние годы, свидетельствуют именно о такой ситуации, связанной с решением как территориальных, так и иных проблем. В этой связи следует отметить, что современное международное право, признавая демократию в качестве универсальной ценности, рассматривает диктаторские режимы как противоправные или нелегитимные [11]. Организация Объединённых Наций неоднократно применяла меры для подавления диктаторских режимов, которые обычно приходят к власти в результате военных переворотов, революций, гражданских войн и сепаратистских движений. При этом международное сообщество исходит из того, что свержение демократического режима в результате революций, военных переворотов, сепаратистских движений и иного применения силы является с точки зрения современного международного права незаконным.

За последние годы в связи с участившимися территориальными спорами и неоднозначным толкованием права народов на самоопределение выдвигаются, как пишет профессор А.Г.Задохин, предложения о пересмотре принципа территориальной целостности «в пользу принципа права на самоопределение, и наоборот» [12]. Учёный предлагает критерий выбора между самоопределением народов и целостностью государств. Таким расплывчатым и неопределённым критерием, по его мнению, «должна быть судьба народов» [12].

Некоторые учёные высказывают ещё более радикальное мнение о том, что «новые международные реалии» ставят вопрос о правомерности существования принципа права народов и наций на самоопределение [13]. Профессор М.В.Филимонов вообще не отвергает возможности «его исключения из перечня основных принципов как выполнившего своё предназначение» [14].

Совершенно очевидно, что нельзя трактовать принципы и нормы международного права, а тем более общепризнанные, имеющие характер *jus cogens* и действующие *erga omnes* в зависимости от тех или иных международных реалий. Международные отношения в современном глобальном мире развиваются исключительно быстро, особенно в их переходный период, а международные принципы и нормы изменяются сравнительно медленно. Они формируются в результате обычно длительного переговорного процесса между государствами, а не по прихоти тех или иных учёных или государственных деятелей. Установление нормы происходит в результате достижения соглашений между участниками договорного процесса на международной конференции или в органах международной организации. Но этим не заканчивается процесс её создания. Обычно необходимо подписание договора, его ратификация государствами, вступление в силу. Норма международного права становится действующей только после вступления договора в силу.

Изменение или ликвидация договорной нормы может произойти лишь после нового согласования позиций государств. Ещё более сложным будет процесс в случае изменения содержания общепризнанных принципов и норм, особенно тех из них, которые зафиксированы в Уставе ООН.

Современный мир характеризуется возрастанием нестабильности, возникновением новых конфликтов и обострением нерешённых противоречий между государствами. Возникающие кризисы требуют форсированного и эффективного реагирования не только со стороны ведущих стран мира, но и Организации Объединённых Наций.

При этом особенно важно, чтобы великие державы отказались от своих геополитических притязаний, а руководствовались в международных отношениях интересами поддержания мира и всеобщей безопасности.

Иной путь может привести к самым непредсказуемым последствиям.

Примечания

1. *Bouthout G.* 8000 treaties de Paix. P., 1948.
2. *Карташкин В.А.* Территориальные проблемы развивающихся стран. М., 1965. С. 111–119.
3. *Eagleton C.* Self determination in the United Nations // American Journal of International Law. 1953. Vol. 47. № 1. P. 88.
4. *Hazard J.* Codifying Peaceful Coexistence // American Journal of International. 1961. Vol. 55. № 3. P. 118.
5. Document of the United Nations Conference on International Organization. Sax. Francisco, 1945. Vol. XIII. P. 710. London – N.Y. 1995; *Тункин Г.И.* Вопросы международного права. М., 1958. С. 128.
6. Human Rights Study Series. Study on the Rights of Persons belonging to Ethnic, Religious and Linguistic Minorities. N.-Y., 1991. Doc. UN E /4/ CN/ Sub.2/1993/34.
7. *Crawford J.* The Right to self determination in International Law: its Development and Future // In book Peoples? Rights. Edited by P. Alston. Oxford, 2001. P. 7.

8. *Shutter O de.* International Human Rights law. Cambridge, 2010. P. 687.
9. Documents of the United Nations Conference on International Organization. San Francisco, 1945. Vol. VI. P. 560–562.
10. *Murswief D.* The Issue of a Rights to Self-determination. Dodrecht, 1993. P. 21.
11. *Карташкин В.А.* Диктаторский режим власти и права человека // Актуальные проблемы современного международного права. М., 2012. Ч. I. С. 41–50.
12. *Задохин А.Г.* Самоопределение народов и территориальная целостность государств: категории, проблемы, перспективы // Обозреватель–Observer. 2011. № 5. С. 13–24.
13. *Абашидзе А.Х.* Защита прав меньшинств по международному и внутригосударственному праву. М., 1996. С. 183–184; *Тимофеев Е.В.* Новые аспекты права наций на самоопределение // Московский журнал международного права. 1933. № 4. С. 100.
14. Международное публичное право. 3-е изд. / отв. ред. К.А.Бекишев. М., 2004. С. 117.

Подписка на 2014 г.

на журнал «Обозреватель–Observer»
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:

47653 — на полугодие

36789 — на год

Российская цивилизация: обретение идентичности

Виктор Авксентьев
Борис Аксюмов

Двадцать три года прошло с момента крушения Советского Союза и образования новой политической, культурной, геополитической реальности – постсоветской России. Длительный и тяжёлый трансформационный период, вместивший в себя почти катастрофическую ситуацию 90-х годов и постепенное возрождение в 2000-х годах, похоже, подходит к концу. Сегодняшняя Россия – это уже не осколок советской империи, испытывавший все тяготы поражения в холодной войне, это сложившийся субъект мировой истории и современной геополитики; у России есть все инструменты и возможности полноценного и, не будет преувеличением, решающего воздействия на формирование мира XXI в.

Украинский фактор идентификационных поисков России

Окончательный переход Российской Федерации из постсоветского в новый период исторического развития происходит на наших глазах и связан с событиями на Украине. Украинский кризис обострил,

АВКСЕНТЬЕВ Виктор Анатольевич – доктор философских наук, профессор, директор Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН. *E-mail:* avksentievv@rambler.ru

АКСЮМОВ Борис Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета. *E-mail:* aksbor@mail.ru

Ключевые слова: цивилизационная идентичность, цивилизационный выбор, культурно-цивилизационная система.

либо эксплицировал, многие вопросы, находившиеся если не на периферии исследовательского интереса, то считавшиеся или решёнными, или само собой разумеющимися.

По словам Л.Ивашова, «в мире сложилась революционная геополитическая ситуация: Москва бросила вызов американскому беспределу, беззаконию и наглости, остановила неофашизм на подступах к своим границам. И получила (явную или скрытую) поддержку международной общественности в лице Китая, Индии, Латинской Америки, Ирана, Турции, значительной части исламского мира, Африки. За спиной России Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), БРИКС, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), да и ряд стран Европы наверняка молчаливо приветствуют шаги российского руководства. А это уже совершенно новый мировой расклад сил» [1].

Действительно, однополярный мир с диктаторскими полномочиями Запада (а фактически США) уже не историческая реальность, а скорее обращённый в прошлое ностальгический концепт, используемый идеологами Запада в целях удержания своего падающего могущества хотя бы в информационно-символическом пространстве. Наступает эпоха многополярного или полицентричного мира, приход которой уже достаточно давно предсказывали многие политики и учёные, особенно представляющие «не-западные» страны.

Одним из центров силы формирующегося нового мира неизбежно станет Россия.

В отношении России необходимо принять геополитическую аксиому, имеющую скорее метафизический характер: положение России на глобусе не оставляет ей иного выбора, кроме как быть одним из крупнейших геополитических центров.

Поэтому многочисленные советы о превращении России в «нормальную страну» имеют целью предотвратить становление России как центра геополитического притяжения и в конечном итоге обеспечить утрату ею самодостаточного статуса в будущем мироустройстве. Однако для обретения Россией нового геополитического статуса недостаточно восстановления экономической и военной мощи, усиления политического и геополитического влияния на происходящие процессы. Важнейшим фактором возрождения России в качестве мировой державы является обретение новой цивилизационной идентичности, которая должна быть основана на великой российской истории и не менее великой русской культуре, поэтому новой её назвать можно только условно, имея в виду факт её формирования в принципиально новых исторических условиях. В то же время очевидно, что цивилизационный выбор в этих новых исторических условиях необходимо делать, опираясь на историческую память, на опыт предыдущих столетий, которые обеспечили России тяжёлое, неоднозначное, но вместе с тем великое и славное историческое прошлое.

Украинский кризис в очередной раз поставил Россию перед необходимостью цивилизационного выбора. В настоящее время мы переживаем тот исторический момент, когда

становится очевидным, что стратегический курс на сближение с Западом, проводившийся с большей или меньшей степенью рельефности все постсоветские годы, необходимо как минимум пересмотреть. Прозападная ориентация постсоветской России была обусловлена не культурно-цивилизационным родством с западной цивилизацией, а той новой геополитической ситуацией, которая сформировалась после развала Советского Союза и окончания холодной войны.

Показательным является тезис одного из идеологов реформ 90-х годов, писателя и философа И.Клямкина, который утверждал, что «Россия может сохраниться, только став частью западной цивилизации, только сменив цивилизационный код» [2]. Этот тезис И. Клямкина является одним из наиболее цитируемых в современной российской *цивилизациологии*, чаще всего в порядке критики, однако важно подчеркнуть, что в первое постсоветское десятилетие в разном терминологическом оформлении он стал одной из господствующих идеологем. Для обывателей, измученных тотальным дефицитом «поздней перестройки», западная цивилизация ассоциировалась с потребительскими ценностями, которые были быстро восприняты как новой российской элитой, так и «неэлитными» массами.

В этой связи становится понятно, что необходимо было определенный период времени пройти по этому пути, чтобы осознать ошибочность выбранного курса. Сегодня это осознание произошло, не в последнюю очередь благодаря украинскому кризису, в основе которого лежат геополитические устремления Запада во главе с США оторвать Украину от России и сделать её форпостом НАТО на границах Российской Федерации. Таков был замысел американских стратегов, вдохновлявшихся рассуждениями Бжезинского о том, что без Украины Россия перестанет быть евро-азиатской империей, а останется лишь азиатским государством. В этом смысле рассматривать происходящее сегодня на Украине как сугубо внутриукраинский кризис, не имеющий никакого отношения к геополитическому противостоянию между Россией и Западом, было бы большим и непростительным заблуждением.

Однако реальное развитие событий может привести к совершенно неожиданному для Запада результату – не к окончательному геополитическому нокауту России, а наоборот к её возрождению в качестве великой мировой державы. Необходимым условием подобного возрождения является адекватная, соответствующая тысячелетней российской истории переоценка цивилизационного и геополитического статуса России.

Ещё 20 лет назад, в самый разгар «дружбы» с Западом, известный представитель неоевразийства А.Панарин отмечал, что Россия «не может игнорировать ни собственную геополитическую традицию, ни систему внешних ожиданий, обращённых к ней (негативно или позитивно) как держателю хартленда. Ей необходимо понять, что она не может самовластно, по произволу каких-либо элит, перейти из разряда континентальных держав-участников хартленда – в разряд океанических, относящихся к римленду. Здесь самые го-

рячие намерения, касающиеся возвращения в Европу или послушного следования Америке, помочь не смогут. Пребывание в континентальном пространстве как особенность российской судьбы накладывает свои ограничения на политический набор и геополитическое творчество» [3].

Действительно, сегодняшняя ситуация, возникшая вокруг украинского кризиса, лишний раз показывает, что противостояние России и Запада имеет не сиюминутный политический или экономический характер, а гораздо более глубокую, уходящую корнями в далёкое историческое прошлое культурно-цивилизационную и геополитическую основу. Данное противостояние имело различные формы – от попыток папских легатов обратить православную Русь в католичество до вероломных военных походов, заканчивавшихся полным поражением Запада. Сегодня это многовековое противостояние имеет форму борьбы за Украину, за её политическое и культурное будущее.

Помимо важности происходящих событий с точки зрения будущего Украины необходимо отметить и огромное значение этих событий для самой России. Именно сейчас, без преувеличения, решается очень и очень многое – быть ли снова России великой мировой державой, которая деятельно отстаивает свои национальные интересы, или, как это часто бывало за последнюю четверть века, постоянно поступаться ими, лишь бы не вызвать недовольство у своих западных партнёров; идти ли и дальше по пути западного культурного постмодерна, снимая все табу и переступая все границы, или сделать ставку на культивирование традиционных ценностей, чтобы окончательно не разрушить морально-нравственную сферу общества и сохранить институт семьи в его традиционном виде, чтобы, в конце концов, не легализовать инцест.

Помимо этого, «Россия и её цивилизационное пространство призваны выполнить не просто миссию, но двойную миссию: сохранив себя как противоречие Запада, обеспечить возможность развития в мире различных политических и экономических систем, а значит, сохранить многообразие и уникальность самого мира» [4].

Для эффективного решения этих и других важных задач необходимо всестороннее развитие цивилизационной идентичности России как самобытной уникальной культурно-цивилизационной системы, имеющей свой особый путь исторического развития. Идея, конечно, далеко не новая, однако в современных условиях совершенно необходимая.

Как показывают результаты социологических замеров, российское общество, разочаровавшись в идее евроинтеграции, вполне готово к восприятию именно такого цивилизационного статуса России.

По данным Института социологии РАН, «в сегодняшней России стремление к сближению с Западом, как и мечта об «общеевропейском доме», характерны для 10% меньшинства. А реальное чувство общности с европейцами проявляет и вовсе малозначимая часть социально активного и трудоспособного населения страны – всего 2%» [5].

Думается, что в контексте последних событий, связанных с украинским кризисом, эти показатели стали ещё скромнее.

Эти тренды в общественном сознании вызвали активное сопротивление либеральной элиты, которая внедряет в общественное сознание мысль, что Россия, расставшись с западными цивилизационными иллюзиями, останется с такими «ценностями», как «жестокость, ненависть, предательство, корысть, нелюбовь к родине, нетерпимость к людям другой национальности и религии» [6].

Россия: от гражданской идентичности к стране-цивилизации

Формирование цивилизационной идентичности России как самобытной культурно-цивилизационной системы будет символизировать преодоление постсоветского кризиса, иногда переходящего в депрессию, когда государство металось из стороны в сторону в поисках своего места в новом мире, а общество, принявшее как некое новое Евангелие западные аксиологические принципы, атомизировалось и морально деградировало. Такая цивилизационная идентичность не только укрепит позиции России на международной арене, снова превратив её в привлекательный цивилизационный центр, но и будет способствовать решению внутренних проблем страны, в частности, в важнейшей сфере межнациональных и межконфессиональных отношений.

В то же время следует отметить, что на сегодняшний день в научном, политическом и общественном дискурсе центральное место занимает представление о гражданской идентичности как основной форме национальной консолидации. По нашему мнению, гражданская идентичность, при всей своей безусловной значимости, является по своему генезису формальной и не способна стать реальной основой культурно-аксиологической общности российского народа и тем самым выступить фактором снижения этноконфессиональной конфликтности, фундированной на выраженных и намеренно демонстрируемых этнокультурных различиях. В полиэтничном российском государстве этнокультурные ценности, традиции и обычаи явно выпадают из смыслового объёма понятия «гражданская идентичность», поскольку прочно входят в сферу охвата таких видов идентичности, как этническая и конфессиональная. В этом смысле гражданская и этноконфессиональная идентичности чаще всего выступают не как взаимодополняющие, а как конкурирующие между собой [7]. В доказательство данного тезиса сошлёмся на результаты проводимых в различных российских регионах социологических исследований.

Например, как показали исследования в Башкирии (2012 г.), «этническая идентификация в настоящее время преобладает над государственно-гражданской в силу специфики выполняемых функций (обеспечение чувства «онтологической безопасности», социально-экономической и политической мобилизации и др.)». Более того, «даже признающие в той или иной степени существование российской нации не готовы отречься от национальности, первостепенности этнической принадлежности» [8].

Подобные явления, когда этническая или этноконфессиональная идентичность начинает выступать

как своеобразная альтернатива идентичности национальной (гражданской), нередки и в других республиках Российской Федерации, особенно это касается республик Северного Кавказа [9].

Как отмечают учёные из Южного научного центра РАН, «при исследовании социально-политической напряжённости на Юге России необходимо учитывать специфику менталитета проживающих здесь народов. Он характеризуется такими чертами, как уважительное отношение к традициям, своему историческому прошлому, крепкие семейно-родовые связи, обострённое чувство социальной справедливости, стремление к независимости, воинственность, готовность ответить силой на насилие. Крайне важна такая особенность, как акцентирование внимания на национальной принадлежности» [10].

Альтернативность этнической и конфессиональной идентичностей по отношению к гражданской идентичности, более того, их фактическое доминирование, лежат в основе многих конфликтов на этноконфессиональной почве, возникающих в различных регионах Российской Федерации, а также в центральных городах страны, принимающих в себя существенные потоки не только внешней, но и внутренней миграции. В этих условиях становится всё очевиднее, что гражданская идентичность, какой бы высокой и значительной ни была степень её сформированности, не может выступать реальным барьером на пути возникновения межэтнических конфликтов, стать той самой искомой общенациональной идентичностью, которая будет способна консолидировать россиян в единый народ. В условиях межкультурной разобщённости, дисгармонии мировоззренческих принципов и ценностных приоритетов гражданская идентичность выступает в роли формального маркера принадлежности граждан к определённому государственному целому, и не более того.

Гражданское сообщество, формируемое на основе гражданской идентификации, лишено сегодня глубинных интегрирующих связей, того цементирующего аксиологического начала, которое делает общество сплочённым, консолидированным, исключает конфликты между гражданами на основе принципиальных ценностных противоречий.

Этнокультурные различия в условиях доминирования этноконфессиональной идентичности приобретают абсолютное значение при формировании отдельных людей и целых социальных групп.

Как отмечает Ю.Ставропольский, «этнические меньшинства желают жить среди своих и учить детей в «своих» школах. Разумеется, у этнических меньшинств должны быть свои права. Но в Москве доходит до формирования, по сути дела, этнических школ» [11].

Важно подчеркнуть, что стремление к автономизации воспитания и образования присуще не только этническим меньшинствам, проживающим на территории России, но и ряду коренных российских этносов, особенно это касается некоторых северокавказских республик. В результате этнокультурные различия и их культивирование становятся первостепенной ценностью, и уже с самого раннего возраста у человека закладывается представление о его этнокультурной исключительности. Ценности гражданской идентичности позднее накладываются на уже сформированный этноконфессиональный культурно-аксиологический фундамент и не способны соста-

вить им реальную конкуренцию в ментальном мире субъекта. По этой причине факт общего согражданства никоим образом не компенсирует дезинтегрирующую по самой своей сущности силу этнокультурных различий, которые в условиях тесного контакта между различными социокультурными нормами и моделями поведения приобретают выраженный конфликтогенный характер. Поэтому можно утверждать, что в **современной России интегрирующие общегражданские ценности и символы имеют по преимуществу формальный характер, а дезинтегрирующие этнокультурные различия – реальный.**

Концепт российской цивилизации: современные контуры

В этих условиях возникает необходимость поиска и формирования такого вида интегрирующей идентичности, который будет способен сделать разрозненных граждан с их этнокультурной спецификой единым народом. Таким видом идентичности, по нашему мнению, является цивилизационная идентичность, основные принципы и конкретное содержание которых только предстоит разработать совместными усилиями научной и общественно-политической мысли.

Интерес к цивилизационной идентичности как новой возможности обеспечения национального единства России актуализировался после статьи В.В.Путина «Россия: национальный вопрос». На фоне краха политики мультикультурализма во многих европейских странах стало очевидно, что ставка на формирование только гражданской идентичности при абсолютизации цивилизационного самоопределения, культурной автономии себя не оправдывает.

По словам В.В.Путина, «цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Это тот культурный код, который подвергся в последние годы серьёзным испытаниям, который пытались и пытаются взломать. И тем не менее он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь» [12].

Тема поиска цивилизационной идентичности получила продолжение и в принятой полтора года назад Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.

В ней отмечается, что «современное Российское государство объединяет основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, историко-культурного наследия всех народов России единый культурный (цивилизационный) код, который характеризуется особым стремлением к правде и справедливости, уважением самобытных традиций населяющих Россию народов и способностью интегрировать их лучшие достижения в единую российскую культуру» [13].

Сложность в формировании цивилизационной идентичности России заключается не столько в том, *как* это сделать, и даже не в том, *что* именно нужно делать, а прежде всего в том, *что это такое* и *зачем это* делать. Дело в том, что Россия до сих пор не определилась со своим цивилизационным статусом.

В российском интеллектуальном поле присутствуют два конкурирую-

щих концепта: Россия как периферийная часть западной цивилизации и неоевразийство.

Более скромное место в современном цивилизационном дискурсе о России занимает промежуточная концепция, имеющая, по сути, несмотря на солидную историю, постмодернистский характер. Согласно этим взглядам Россия – не Запад, не Восток и даже не «огромный Восток-Запад», соединяющий два мира [14], а самобытная цивилизация, находящаяся на стыке двух миров и способная заимствовать всё положительное из обоих.

Л.Семенникова, например, считает Россию цивилизационно неоднородным обществом [15].

На наш взгляд, это важный тезис, позволяющий послужить отправной точкой для дальнейшего обсуждения проблемы.

Классическое обсуждение феномена российской цивилизации ведется в русле апелляции к традиционным русским ценностям, среди которых называются духовность, православие, соборность, нестяжательство. Критики российской цивилизации чаще всего обращаются к таким признакам российской жизни, как отсутствие приоритета свободы, подчинение человека государству, индивидуальных интересов – коллективным. Представляется, что для подобных выводов как о позитивных, так и негативных чертах русской ментальности (в зависимости от выбранной шкалы ценностей) имеются основания. Однако главная проблема заключается не в этой амбивалентности, присущей любой цивилизации и любому обществу. Проблема заключается в том, что речь должна идти не о русской цивилизации, а о современной российской цивилизации, формирующейся в геополитических реалиях XXI в. И хотя генетическая связь между русской культурной матрицей и современной российской цивилизацией неоспорима, следует иметь в виду следующие особенности современного цивилизационного развития.

Первое. Современная российская цивилизация не может быть православной в силу того факта, что неправославные этнические группы в своём большинстве являются не этническими меньшинствами, а *этническими россиянами*, т.е. имеют на территории России свою этническую родину. Кроме того, атеистическая «прививка» советских времён имела своим результатом глубокие корни светскости, и постоянная апелляция к православным ценностям при обсуждении феномена современной российской ментальности далеко не всегда соответствует реалиям. Об этом также свидетельствует широкое распространение нетрадиционных верований как следствие поощрения религиозности в постсоветской России.

Тем не менее православные ценности (не являющиеся по своим истокам чисто православными, но закреплёнными в православии) составляют важную часть и русского, и российского социокультурного кода, что важно учитывать при обсуждении проблемы. К числу таких элементов традиционно относят духовность, соборность (коллективизм), благодеяние, жертвенность.

Второе. Советский период оказал исключительно большое влияние на социокультурный облик современ-

ной России, как и других народов, составлявших более 20 лет назад братскую семью. По мере развития советского общества и перехода в 70-е – 80-е годы на идеологию мирного сосуществования двух систем советская идентичность всё больше утрачивала формационный смысл и приобретала, говоря современным языком, цивилизационное содержание. Идея о «советской цивилизации» родилась уже в постсоветское время в соответствии с новой терминологией социальных наук [16].

В советском обществоведении существовал концепт «советского образа жизни» для обозначения того факта, что при всех огромных региональных различиях в Советском Союзе действительно сложился единый социум с типичными формами жизнедеятельности и социокультурными ценностями.

Это понятие было введено в общественно-политический лексикон на XXIV съезде КПСС и получило дальнейшее развитие в многочисленных публикациях.

Несмотря на наличие проблем, созданная в СССР национально-государственная конструкция позволяла обеспечить гармоничное сосуществование не просто разных народов, но народов, исторически принадлежащих к различным культурно-цивилизационным системам. При этом сохранялось культурообразующее значение русской культуры, русского языка, но тем не менее каждой этнической культуре нашлось место в этой схеме. Ностальгия по СССР во многом связана с характером межэтнических отношений в 60-е – 70-е годы, которые воспринимались и воспринимаются как стабильные.

Третье. Современная российская цивилизация должна быть обращена в будущее. Многие исследователи отмечали, что российскому менталитету нужны мобилизационные сверхзадачи, что Россия не может ориентироваться на идеологию *глобального провинциализма.* Это не учитывают многие современные адепты идеи «России как «нормальной» страны», пытаясь сформулировать её в терминах общества потребления, требуя, по словам А.Проханова, «для русских тех же калорий и того же комфорта, как для швейцарцев и англосаксов. Это унизительная для русского сознания идеология. Она уступит место русскому мессианству, великой русской альтернативе, русской святости, русскому космизму – учению о вселенской справедливости и богооткровенной правде» [17].

Четвёртое. Коммунитаристские идеологии имеют историческое преимущество перед индивидуалистскими, и цивилизации, основанные на коммунитаризме (китайская, индийская, мусульманская), обладают большим запасом «исторической прочности». С точки зрения либерализма коммунитаризм является признаком традиционализма, по сути, отсталости, и преодолевается в эпоху модерна.

Однако последние десятилетия показали, что это не так. Если мы действительно имеем дело со столкновением цивилизаций, то его контуры становятся всё более зримыми: общества, основанные на взаимной связи и ответственности людей, граждан и государства, общества, в которых их культурой и идеологией предусматривается возможность подчинения индивидуальных инте-

ресов общественным, оказываются более жизнеспособными в исторической перспективе, чем общества, зиждущиеся на абсолютизации личной свободы, идеологии «усыхания государства» (от которой в последние годы отказываются ввиду несоответствия реалиям).

Сдвиги в гендерной ситуации на Западе (от регистрации и даже церковного оформления однополых браков до предложений легализовать инцест) перестали выглядеть как эскапады отдельных экзальтированных либералов и укладываются в представление о мейнстриме развития западной цивилизации. В этом плане Россия относится скорее к коммунитаристским социальным системам, несмотря на усилия, предпринятые в 90-е годы по «либерализации» страны. Эти усилия привели к разновекторным ориентациям в общественном сознании.

Противоречивую ситуацию показывают и социологические исследования: согласно опросу Левада-Центра, посвящённому ожиданиям граждан от власти, Россия остаётся левой страной с доминирующей идеей Большого государства.

Главный запрос россиян к государству – забота об их материальном благополучии (43% – против 14%, считающих самой значимой защиту гражданских прав и свобод).

Когда граждан спрашивают, что им кажется более важным – интересы государства и страны в целом или интересы отдельного человека, 47% выбирают первый вариант и 39% – второй.

В 2005 г. это соотношение выглядело иначе: 41% против 52%, т.е. модель «государство для человека» на протяжении последних девяти лет теряла популярность.

Приоритет частного над общим как принцип не очень близок россиянину. Однако это же исследование показало, что ситуация меняется, если абстрактное частное лицо в опросе заменить конкретным. Личные интересы и интересы собственной семьи 69% ставят выше интересов государства и страны в целом [18].

Пятое. Необходимо признать, что центр мирового развития медленно, но неуклонно смещается из западного мира в Азию. В этом случае положение России на стыке разных миров, между Западом и Востоком, превращается из недостатка, периферийного положения, «цивилизационной пограничности» в преимущество. При этом России придётся отказаться от некоторых стереотипных представлений о Южной Азии, в частности Индии и Китае, как о странах, способных развиваться только на основе использования западного опыта. Эти страны предложили вполне удачные модели гармонизации традиционализма и модерна (развития) на основе собственной культурно-цивилизационной матрицы.

Выстраивать цивилизационную идентичность новой России необходимо с учётом указанных факторов. Каковы будут и должны быть конкретные параметры этой идентичности – тема для широкого общественного обсуждения. В то же время вполне допустимо использовать уже имеющийся опыт конструирования современных макроидентичностей, в частности, общеевропейской идентичности.

Так, немецкий исследователь Х.Бонненберг, изучавший основания формирования единой европейской идентичности, выделил следующие структурные элементы:

– идеалы;
– повседневные бытовые аспекты;
– страдания;
– вызовы будущего, мифы, ключевые фигуры европейского самосознания;
– города;
– города, важные с точки зрения общеевропейской истории;
– культурные и спортивные мероприятия, общеевропейские институты;
– великие личности;
– выдающиеся женщины;
– выдающиеся спортсмены;
– великие первооткрыватели;
– великие борцы за свободу;
– великие реформаторы;
– великие деятели искусств, науки и техники [19].

Часть из этих идентификационных оснований формировалась столетиями, но понадобились усилия, чтобы придать им не национальное, а общеевропейское звучание.

Представляется, что современная цивилизационная идентичность России должна строиться вокруг сходных оснований. В первом десятилетии XXI в. было предпринято несколько удачных медийных проектов, позволивших выйти на формирование позитивных компонентов российской идентичности.

Среди них можно выделить теле- и интернет-проект «Имя России», проведённый в 2008 г. телеканалом «Россия», Институтом российской истории РАН, фондом «Общественное мнение», а также проект «Семь чудес России», организованный газетой «Известия», телеканалом «Россия» и радиостанцией «Маяк».

Во втором десятилетии – проект «Имя Победы», проведённый Российским военно-историческим обществом и ВГТРК.

Актуализация славных страниц нашей истории, великих творений российской культуры является залогом эффективного культурно-цивилизационного развития страны, становления российской цивилизации как полноценного центра многополярного мира XXI в.

Вместе с тем современная российская цивилизационная идентичность должна строиться на современности и будущем. Особое внимание следует уделить общим вызовам, стоящим перед народами России и требующим совместных усилий. Обращённость в будущее была важнейшей составляющей советской идентичности – одного из наиболее успешных макросоциальных проектов прошлого столетия. Быть впереди всех в мире, говоря современным языком, быть конкурентоспособными – одна из главных идей, составлявших советскую идентичность. Проекты космических исследований, развития Севера и Дальнего Востока поддерживали советскую идентичность вплоть до конца 70-х годов.

Подобные глобальные проекты удачно вписались в новую культуру, поскольку имели глубокие социокультурные корни. На место мессианства в тра-

дициионном варианте российской идентичности должна прийти идея сверхзадачи – прорыва в будущее, интеллектуального, технологического, социального.

Примечания

1. *Ивашов Л.Г.* Украина на геополитических перекрестках // Обозреватель–Observer. 2014. № 4. С. 9.
2. Цит. по: *Соловей В.Д.* Русская история: новое прочтение. М.: АИРО-XXI, 1995. С. 21.
3. *Панарин А.С.* Россия в Евразии: геополитические вызовы и цивилизационные ответы // Вопросы философии. 1994. № 12. С. 26.
4. *Пономарева Е.Г., Рудов Г.А.* Евразийская интеграция и цивилизационное пространство России // Обозреватель–Observer. 2013. № 9. С. 27.
5. *Горшков М.К.* Российская идентичность в контексте западноевропейской культуры // Власть. 2013. № 1. С. 13.
6. *Таратута М.* Россия не Запад и не Восток. Это отдельная цивилизация // URL: http://uainfo.org/yandex/305300-rossiya-ne-zapad-i-ne-vostok-eto-otdelnaya-civilizaciya.html
7. *Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В.* Россияне: от гражданской к цивилизационной идентичности // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 33.
8. *Шайхисламов Р.Б., Ирназаров Р.И., Садретдинова Э.В. [и др.].* Гражданская идентичность: региональное измерение глобализации // Вестник ВЭГУ. 2013. № 3. С. 82, 84.
9. *Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В.* Конфликтологические сценарии Юга России в контексте социокультурного развития региона // Обозреватель-Observer. 2012. № 7. С. 5–14.
10. *Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Пащенко И.В.* Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. IV. Причины и обстоятельства роста напряженности, поиск путей стабилизации на Северном Кавказе: Специальный выпуск. Р.н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 7.
11. *Ставропольский Ю.В.* Качественный контент-анализ публикаций об идентичности в российской прессе // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. С. 460.
12. *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос // URL: http://premier.gov.ru/events/news/17831/
13. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. // URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139350
14. *Бердяев Н.А.* Судьба России. М.: Мысль, 1990. С. 22.
15. *Семенникова Л.И.* Цивилизационные парадигмы в истории России // Общественные науки и современность. 996. № 6. С. 86–102.
16. *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация: в 2 кн. Кн. 1. От начала до Великой Победы. М.: Алгоритм, 2001; *Он же.* Советская Цивилизация. Кн. 2. От Великой Победы до наших дней. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
17. *Проханов А.А.* Битва за Кавказ // Завтра. 2011. № 18 (911).
18. Россия – страна левого индивидуализма // НГ, 2014. 17 июня
19. Европейская идентификация // Известия, 2009. 15 апреля

Глобальные проблемы: вызовы и возможные ответы

Александр Задохин

В 70-е годы введение в оборот политической лексики категории «глобальные проблемы» связано не только с осознанием глобальных проблем, но и с необходимостью найти ту сферу международного сотрудничества, которая бы позволила консолидировать человечество перед лицом общих опасностей и тем самым нейтрализовать или хотя бы ослабить остроту соперничества двух сверхдержав, которое в период холодной войны поставило человечество на грань гибели.

Так, вопрос решения глобальных проблем, выйдя за рамки научных дискуссий, окончательно становится частью мировой политики. Этому способствовало и переосмысление политологами концептуальных основ международной и национальной безопасности после окончания холодной войны. Теперь обеспечение международной, глобальной и национальной безопасностей связывают с решением глобальных проблем человечества. Это придаёт последним большую остроту и, можно сказать, высший статус как в государственной, так и мировой политике, нацеливая на обеспечение безопасности непосредственно человека и общества вне их принадлежности к тем или иным политическим системам и идеологиям.

Типологизация глобальных проблем

Рассматривая вопрос о глобальных проблемах человечества с точки зрения возможных перспектив и характера его развития, необходимо определиться с типологизацией и иерархией этих проблем.

В методологическом плане легче и правильнее не просто перечислить глобальные проблемы (в условиях глобализации их становится всё больше и больше), а для начала предложить их возможную

ЗАДОХИН Александр Григорьевич – доктор политических наук, профессор Дипломатической академии МИД России. *E-mail:* aleksander_1945@mail.ru

Ключевые слова: глобальные проблемы, глобальное управление, человеческая безопасность.

типологизацию по сути. Например, такую:

– проблемы, связанные с естественными геологическими и природными процессами, протекающими на земле и в ближайшем и дальнем космосе, с которыми человечество сталкивается и которые ему по определению необходимо решать или искать подходы к их решению;

– проблемы, изначальной причиной возникновения которых является непосредственно человек самим фактом своего выделения из живого мира и существования в нём;

– проблемы, возникшие как результат деятельности человека, т.е. деятельности с конкретными целями, направленными на изменение геологической и биологической, социальной, культурной и политической среды его обитания;

– проблемы, связанные с политической, в том числе и международной деятельностью человека, суть которой конкуренция и соперничество, приобретшие самодостаточный и опасный для человечества характер;

– проблемы, связанные с определением направления будущего развития человеческой цивилизации.

Следует особо подчеркнуть, что отношение государств к глобальным проблемам различно.

С одной стороны, обременённые собственными проблемами, развивающиеся страны не могут реально участвовать в решении «глобальных проблем» и считают, что их должны решать страны западного сообщества, которые, по их мнению, и создали все эти проблемы, а *с другой* – западные страны находят возможность упрекать правительства развивающихся государств в их нерациональной и даже в ряде случаев опасной для своего народа и в целом для человечества политике. Есть такие, которые по тем или иным причинам обособляют себя от мирового сообщества и, соответственно, от глобальных проблем. Более того, внутренняя и внешняя политика отдельных государств или группы государств может создавать глобальные проблемы или усугублять их.

В свою очередь, в период холодной войны подходы к решению глобальных проблем являлись аргументом в идеологической борьбе двух социально-политических систем. Но прекращение конфронтации СССР и США не только не способствовало решению глобальных проблем или хотя бы продвижению в этом направлении, например, через конверсию военных производств и бюджетов стран, но и породило новые проблемы глобального характера, такие как международный терроризм и трансграничная преступность, масштабная легальная и нелегальная иммиграция и контрабанда людей, контрабанда наркотиков и оружия и т.д. [1].

Безусловно, названные проблемы существовали и в период биполярного мира, но при его распаде они приобрели именно глобальный характер и еще более обострились.

Дефицит жизненно важных ресурсов

Тема глобальных проблем необъятна. Достаточно, для примера их остроты, рассмотреть вопрос дефицита водных ресурсов и продовольствия.

В прошлом борьба за воду всегда являлась одной из причин межгосударственных, межэтнических и даже межрелигиозных конфликтов [2].

Они и сейчас происходят во многих странах.

Дело в том, что в результате экологических изменений как последствий урбанизации и индустриализации земного пространства, а часто политических и экономических кризисов, эти проблемы обострились. Так, 40% населения мира сейчас испытывает острую нехватку воды для питья и приготовления пищи и осуществления элементарных санитарных потребностей. Более того, некачественная вода становиться причиной эпидемий, наносит вред человеческому организму. А засушливые территории, непригодные для жизни и ведения сельского хозяйства, и пустыни постоянно увеличиваются [3, 4].

Международные эксперты отмечают, что если существующие тенденции с водопользованием и распределением водных ресурсов сохранятся, то и цель развития тысячелетия ООН по сокращению к 2015 г. вдвое пропорциональной доли людей, не имеющих доступа к элементарным санитарным условиям, на глобальном уровне достигнута не будет [5].

Плохое качество воды является основной и прямой причиной ухудшения условий жизни и состояния здоровья. В 2002 г. заболевания, связанные с диареей, и малярия унесли жизни приблизительно 3,1 млн чел. 90% этих смертей пришлось на долю детей в возрасте до пяти лет. По оценкам экспертов, обеспечение доступа к надёжным источникам питьевой воды, санитарным условиям и гигиене позволило бы спасать до 1,6 млн человеческих жизней ежегодно [6].

Факты свидетельствуют о том, что в упадок приходит также разнообразие пресноводных экосистем, причём зачастую их деградация идёт даже быстрее, чем наземных и морских экосистем.

Многие проблемы с вододефицитом вызваны неправильным землепользованием. Примером является тяжёлая затяжная засуха в Восточной Африке, где в последние десятилетия прошла крупномасштабная вырубка леса в связи с производством древесного угля и заготовкой дров. Например, площадь озера Чад начиная с 60-х годов постоянно сокращается, прежде всего из-за чрезмерного выпаса скота, обезлесения и осуществления крупных, но неустойчивых ирригационных проектов.

Итак, рост дефицита воды и ухудшение её качества является следствием урбанизации и индустриализации планеты. Тот факт, что в настоящее время половина человечества живёт в городских населённых пунктах, а к 2030 г. эта цифра возрастёт приблизительно в 2,3 раза, то это повлечёт за собой резкое увеличение потребления воды в городских районах. Предполагается, что примерно 2 млн городского населения будут проживать в самовольно застроенных поселениях и трущобах. Это – городская беднота, которая в большей мере страдает от недостатка чистой воды и отсутствия санитарных условий. В то же время во многих районах мира огромное количество воды – от 30 до 40 и даже более процентов – пропадает из-за протекания труб, утечки воды из каналов и нелегального подключения пользователей.

В XXI в. становится очевидным, что индустриализация и урбанизация планеты негативно сказываются на всей биосфере земли, включая

самого человека, и чреваты непрогнозируемыми по своим последствиям мутациями.

С момента своего возникновения промышленное производство развитых стран потребляет всё больше и больше невозобновляемых природных ресурсов, находящихся за их пределами, одновременно перемещая свою промышленную инфраструктуру в страны третьего мира и разрушая их природу.

Глобальная продовольственная проблема

Следует отметить, что продовольственная проблема, как и проблема дефицита воды, не нова. Дефицит продуктов питания сопровождал человечество на всём протяжении его истории. В Средние века голод косил миллионы людей, за ним следовали эпидемии (голодный тиф, чума и др.). Хлебные бунты сотрясали страны, а голодные массы свергли ни одного правителя. Причём продовольственная ситуация трагична из-за своей противоречивости. С одной стороны, голод является причиной смерти миллионов людей. От голода и вызванных им болезней ежегодно погибает в несколько раз больше людей, чем погибло во время взрывов атомных бомб над Хиросимой и Нагасаки в 1945 г., а с другой – масштабы мирового производства продуктов питания растут и в целом соответствуют потребностям населения земли. Но не все развивающиеся страны, да и часть населения богатых государств, имеют возможность позволить закупать это продовольствие. По различным оценкам, в мире голодает и недоедает от 0,8 до 1,2 млрд чел.

В числе причин обострения продовольственной проблемы можно назвать:

– финансово-экономический кризис 2008–2010 гг.;

– резкий скачок цен на продовольствие на мировых рынках;

– рост цен на нефть;

– сокращение более чем вдвое по сравнению с началом 90-х годов объёма международной финансово-экономической помощи на развитие сельскохозяйственного производства в развивающихся странах, а также резкое снижение размера средств, выделяемых этими странами на поддержку своего сельского хозяйства;

– сокращение посевных площадей;

– продолжающийся рост народонаселения в мире;

– увеличение объёма сельхозпродукции на производство биотоплива; разрушительные последствия для сельского хозяйства недавних природных катастроф в Таиланде (2011 г.), по масштабам аналогичных тем, которые произошли на Гаити (2009 г.) и в Чили (2010 г.)[7].

По признанию бывшего Генерального директора ФАО Ж.Диуфа, продовольственная проблема давно приобрела глобальный характер, требуя от мирового сообщества уже срочных и важных мер, прежде чем она перерастёт в глубокой комплексный мировой кризис [8].

Вполне очевидно, что проблема голода связана с другой глобальной проблемой – преодоления социально-экономической отсталости постколониальных и зависимых государств. Таким образом, водная и продовольственная проблемы имеют многоаспектный характер, решение которо-

го выходит за рамки собственно экологии и сельского хозяйства.

Исследователи отмечают, что при росте населения, истощении природных ресурсов и росте нагрузки техносферы повышается вероятность коллапса цивилизации. Хотя считается, что атомная энергетика решает проблемы глобального энергетического кризиса, но даже менее страшные, чем Чернобыль и Фукусима, аварии на электростанциях и хранилищах радиоактивных отходов могут привести к долговременному экономическому и социальному параличу целые регионы и вызвать цепную реакцию экологической катастрофы [9].

Решить проблему мирового дефицита воды и продовольствия можно за счёт перехода к безопасным ресурсосберегающим технологиям. Экологический подход – это не просто один из вариантов, а необходимый шаг для придания импульса экономике стран и создания дополнительных рабочих мест. Во всём мире в высокотехнологичном секторе возобновляемой энергии, где уже заняты 2,3 млн чел., имеется больше рабочих мест, чем непосредственно в нефтяной и газовой отраслях. В США сегодня больше рабочих мест в секторе ветроэнергетики, чем во всей американской угольной промышленности.

Таким образом, на примере рассмотрения проблем дефицита воды и продовольствия видно, что глобальные проблемы человечества тесно связаны между собой – по сути, они представляют причинно-следственную систему. Определяющим элементом этой связки являются человеческая деятельность и международные отношения – как их причина, и как препятствие и инструмент их разрешения.

Факторы, препятствующие решению глобальных проблем

Ключевой проблемой в системе глобальных проблем является проблема непрекращающейся гонки вооружений. В последние годы тенденция возрастания фактора силы в международных отношениях оказала неблагоприятное воздействие на разоружение, контроль над вооружениями и нераспространения ОМУ. Если в биполярный период две сверхдержавы худо-бедно, но договаривались по вопросам разоружения, то в постбиполяный период гонка вооружений захватывает всё больше и больше государств. Находятся аргументы даже для того, чтобы оправдывать понижение порога применения ядерного оружия. К обладанию ядерным и другим оружием стремятся различные террористические организации.

Например, 95% всего оружия, используемого в военных конфликтах только на Африканском континенте, где существует запредельная нехватка воды и продовольствия, поступает из-за рубежа. Причём именно неконтролируемые поставки оружия являются основным фактором, способствующим расцвету насилия и криминала на континенте в ущерб решению проблем выживания [10].

Производство вооружений превратилось в самодостаточный глобальный процесс, который трудно объяснить только ссылкой на национальные интересы, получение сверхприбыли или какие-то иные сверхце-

ли. Скорее всего, гонка вооружений является формой существования, самомобилизации без какой-то определённой рациональной цели. Этим гонка вооружений и представляет особую опасность для человечества, поглощая его ресурсы, которые можно было бы направить на решение именно глобальных проблем.

Как представляется, решение глобальных проблем может принести позитивный результат только при условии демилитаризации международных отношений и сосредоточении на целях глобального порядка – безопасности человечества в самом широком плане.

Кроме того, на решение продовольственной проблемы оказывают влияние физико-географические условия и размещение населения; развитие мирового транспорта и мировая торговля, в том числе торговля зерном и пр. Так же необходимо отметить давнюю экономическую отсталость большинства государств третьего мира, выражающуюся в низком уровне развития производительных сил сельского хозяйства, в его узкой аграрно-сырьевой специализации, бедности и малой покупательной способности основной массы населения. Слабая материально-техническая база сельского хозяйства, зависимость от погоды, недостаточное применение органических и минеральных удобрений, отсутствие средств химической защиты растений, трудности мероприятий по орошению и мелиорации земель – всё это порождает и низкую производительность труда в большинстве развивающихся стран.

Новое развитие приобретает демографическая проблема. В разных странах она носит противоположный характер – перенаселение (большинство развивающихся стран) и депопуляция развитых стран, сопровождающаяся миграцией населения из стран Востока в страны Запада, что ведёт к «перегреванию» социально-экономических и политических систем, создавая условия для возникновения конфликтов на национальной и расовой почве.

Человеческая безопасность и устойчивое развитие

Несмотря на то, что в политике и науке категория «глобальные проблемы» предшествовала появлению категории «глобализация», осознание нового качества и нового уровня взаимозависимости глобальных проблем приходит после распада биполярной системы международных отношений и глобализации. Сейчас глобальные проблемы понимаются иначе, чем в 70-е годы, когда о них заговорили эксперты.

Нетрудно заметить, что глобальные проблемы угрожают скорее безопасности и благосостоянию непосредственно человека, нежели абстрактной или мифологизированной государством так называемой национальной безопасности, интерпретация которой в значительной степени или полностью монополизирована его властными структурами.

Реагируя на беспомощность государств в решении глобальных проблем или на нежелание их решать, в конце XX в. в качестве альтернативы традиционной концепции национальной безопасности возникло понятие «человеческая безопасность» (*human security*). Это отдаёт приори-

тет проблеме сохранения непосредственно человека. Указанная антропоцентрическая концепция, не подвергая сомнению легитимность существующих суверенных государств, повышает его ответственность за безопасность своих граждан, в том числе каждой отдельной личности. В определённой степени это вызов государству или тем государств, которые не справляются со своими функциями.

Осмысление взаимосвязи глобализации и глобальных проблем и поиск ответов на их вызовы представлено также в концепции устойчивого развития [11], появление которой, а затем и программы ООН по устойчивому развитию человечества связано с попыткой системного ответа на глобальные вызовы цивилизации. Суть концепции устойчивого развития выражается в ориентации человека и человеческих групп на модели поведения, альтернативные разрушающим формам деятельности. Концепция устойчивого развития имеет своею целью гармонизацию отношений человека со средой обитания. Отмеченное предполагает трансформацию социальной и политической культуры, в том числе и в сфере международных отношений и мировой политики. Ясно и то, что устойчивое развитие, как новая приоритетная задача мировой политики, требует от национальных государств освоения новых форм и методов разработки и реализации внутренней и внешней политики.

Глобальное регулирование

Одной из важных глобальных проблем современности стало обострение проблемы отсталости развивающихся стран, другими словами – проблемы «Север – Юг», а в самом общем плане – неравенства «богатого и бедного миров». Решением этой проблемы пытались заниматься бреттон-вудские международные финансовые институты, которые предлагали свои рецепты по оздоровлению экономической и социальной жизни беднейших стран. При этом предполагалось, что и развитые страны в своей политике по отношению к третьему миру будут придерживаться, рецептов, выработанных на наднациональном уровне.

В частности, Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк (ВБ) прилагали усилия по реструктуризации и списанию государственных долгов беднейших стран. ВБ в начале 70-х годов провозгласил стратегию «перераспределения за счёт роста», предусматривавшую отток капиталов от богатых стран к бедным, осуществляемый в глобальном масштабе и под наднациональным регулированием. Однако реальная эффективность этих усилий в решении проблемы отсталости Юга была небольшой, возможно, в силу слишком большой сосредоточенности исключительно на её финансовых аспектах. Финансовая помощь и льготные кредиты просто разворовывались чиновниками или сгорали во внутренних и международных вооружённых конфликтах.

На этом фоне принципиально важным моментом в развитии подходов к названным проблемам стала активизация деятельности Программы развития ООН (ПРООН) на рубеже 80-х – 90-х годов.

ПРООН начиная с 1990 г. издаёт специальные всемирные доклады о человеческом развитии. С 1995 г. публикуются и национальные доклады России на эту тему.

Общая идеология ПРООН, предусматривающая отход от зацикленности на чисто экономических показателях и введение более широкой категории для анализа уровня жизни в мире – индекса развития человеческого потенциала, внесла новое измерение и в исследование перспектив глобального управления. Деятельность ПРООН поставила на повестку дня вопрос о необходимости глобального управления «с человеческим лицом», которое было бы принципиально отлично по своим целям от транснациональной сети финансовых институтов и крупнейших корпораций. Такая модель глобального регулирования должна была ориентироваться в первую очередь на более адекватную реализацию человеческих потребностей во всём мире. Эта противопоставленность и полемика между двумя подходами в значительной степени усилилась после масштабного финансового кризиса 1997–1998 гг., когда «традиционные» рецепты МВФ по разрешению глобальных социально-экономических проблем были подвергнуты серьёзной критике и встал вопрос об их эффективности.

В этой связи укрепление международных механизмов контроля за глобальными проблемами стало бы тем инструментом, с помощью которого смогло бы развиваться глобальное сотрудничество и осуществляться глобальное регулирование [12]. Важным аспектом этого вопроса является сбалансированное распределение международной ответственности между странами за решение глобальных проблем.

В частности, проблемой решения всё того же дефицита воды занимается целый ряд международных организаций [13], прежде всего это ООН. Генеральная Ассамблея провозгласила 2005–2015 годы Международным десятилетием действий «Вода для жизни».

Под эгидой ООН действуют различные структуры, имеющие отношение к решению глобальной водной проблемы.

Например, Совет по сотрудничеству в области водоснабжения и санитарии (ССОВС), который был учреждён в 1990 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН в целях сохранения импульса, полученного в результате проведения в 80-х годах Международного десятилетия снабжения питьевой водой и санитарии, и расширения сотрудничества между развивающимися и развитыми странами.

В 2001 г. ССОВС провёл кампанию *WASH* (водоснабжение, санитария и гигиена), которая явилась результатом глобальных информационно-пропагандистских усилий с участием всех партнёров и сторонников деятельности Совета.

Ресурсы пресной воды являются одним из приоритетных направлений работы Программы Организации Объединённых Наций по окружающей среде (ЮНЕП).

В рамках своей деятельности, касающейся политики и стратегии в области водных ресурсов, ЮНЕП изучает проблемы неадекватности их объёма, ухудшения их качества и недостаточного доступа к ним, а также способствует более глубокому пониманию взаимосвязи между вопросами ресурсов пресной воды, прибрежных районов и морской среды.

Во взаимодействии с другими партнёрами ООН и недавно созданного Центра ЮНЕП по сотрудничеству в области водных ресурсов для окружающей среды ЮНЕП помогает странам учитывать экологические аспекты в их деятельности по достижению целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия, и добиваться выполнения связанных с экологией целевых показателей в области водоснабжения и санитарии, согласован-

ных на Всемирной встрече на высшем уровне по устойчивому развитию и других международных форумах, состоявшихся в последнее время.

В Программе обеспечения устойчивого развития одно из центральных мест занимают водные ресурсы.

На страновом уровне ПРООН сосредоточивает свои усилия на поддержке мероприятий, направленных на то, чтобы расширить к 2015 г. доступ к питьевой воде и услугам в области санитарии и прекратить нерачительную эксплуатацию водных ресурсов. В течение истекшего десятилетия ПРООН принимала участие в решении связанных с водными ресурсами проблем в 90 странах на основе своих программ. Будучи одним из учреждений – исполнителей Глобального экологического фонда (ГЭФ), она добивается экологически безопасного использования международных водных ресурсов, включая озёра и речные бассейны. В рамках финансируемой ГЭФ Программы малых субсидий ПРООН уже выделены субсидии на осуществление свыше 3900 проектов на уровне общин.

ПРООН вместе со своими партнёрами учредила Программу по водным ресурсам и санитарии (*www.wsp.org*), Совет по сотрудничеству в области водоснабжения и санитарии (*www.wsscc.org*) и Глобальное партнёрство в области водоснабжения (*www.gwpforum.org*) и занимается наращиванием потенциала в области комплексного использования водных ресурсов и предоставления услуг (*www.cap-net.org*).

Проблема недостатка воды решается и в отдельных регионах.

Так, в соответствии с декларациями ООН в Израиле принят проект о вторичном использовании воды из кондиционеров. Использовать воду из кондиционеров для поливки действительно выгодно:

– *во-первых*, это экономия столь ценного в стране ресурса – воды;

– *во-вторых*, это позволит не поднимать цены на питьевую воду, закупать которую в других странах становится всё дороже;

– *в-третьих*, в условиях недостатка воды, к которым мы приближаемся, это позволит сохранить для жителей зелёные насаждения городов.

Хотя, пожалуй, из стран Ближнего Востока реально проблему воды решают, помимо Израиля, только страны Персидского залива. Хотя названные страны трудно отнести к слабо развитым, их опытом можно воспользоваться.

Всемирный экономический форум в Давосе постоянно обсуждает проблему недостатка воды на своих заседаниях.

В частности, одним из его выводов – это богатый мир должен экономить воду, используемую на промышленные и бытовые нужды, а также и на развлечения. Например, пора кончать со снеговыми пушками.

В свою очередь, и развивающиеся страны должны изменить своё мышление. Проблему дефицита воды не решить, проводя одну кампанию за другой. Предлагалось также создать посредническую сеть, призванную максимизировать ценность проектов за счёт их координации, стремления удовлетворить потребности как людей, так и промышленности.

Безусловно, активно занимается вопросами освоения водных ресурсов Организация по продовольствию и сельскому хозяйству (ФАО). Её программа в области водных ресурсов формируется с учётом трёх основных задач:

– производить больше продовольствия при меньших затратах водных ресурсов;

– сохранять качество водных ресурсов и окружающей среды, включая здоровье людей;

– ликвидировать разрыв между потреблением и производством продовольствия, особенно в Африке.

Организация придерживается лозунга «Всё для обеспечения максимальной отдачи водных ресурсов», делая упор на применение ирригационных методов для повышения эффективности использования водных ресурсов и на передачу соответствующей технологии.

ФАО, в частности, осуществляет следующие мероприятия:

– ведение кадастра и оценку водных ресурсов;

– разработку глобальной информационной системы по водным ресурсам, базирующуюся на Географической информационной системе;

– составление программы выработки стратегии в области водных ресурсов и планирования в отношении речных бассейнов;

– совершенствование технологий водопользования и средств управления;

– составление программы освоения водных ресурсов и расширение ирригационных систем;

– разработку проектов по вопросам контроля качества водных ресурсов, их сохранения и воздействия на окружающую среду.

Продовольственной проблемой занимаются многие межгосударственные официальные и общественные организации и учреждения ООН, в том числе уже названная ФАО. В интересах скорейшего искоренения голода и недоедания в мире ФАО инициировала проведение, начиная с 1974 г., 9 всемирных встреч на высшем уровне и международных конференций по продовольственной проблематике, решения которой пока остаются в основном нереализованными. К этому делу присоединились и влиятельные банки: Международный банк реконструкции и развития (МБРР), региональные банки развития, специальный фонд ОПЕК (Организация стран – экспортёров нефти), которые финансируют многочисленные проекты подъёма сельского хозяйства в развивающихся странах.

Определённую роль в смягчении продовольственного кризиса в развивающихся странах играет помощь развитых стран. На долю США приходится свыше 60% такой помощи, стран – 20%, Канады – 10%, Австралии – 5%. Продовольственная помощь странам Африки составляет до 2/5 их общего продовольственного импорта.

Одним из основных направлений политики развитых европейских государств и Евросоюза являлась помощь развитию (ОПР) слаборазвитым странам Азии и Африки. Она наращивалась в течение 60-х – 80-х годов прошлого века. В конце 80-х годов официальная помощь составляла 50% всех финансовых средств, поступающих в развивающийся мир. Но в 90-е годы объём помощи начал снижаться. И это было вызвано не только финансовыми затруднениями.

Изменения в практике предоставления помощи нашли своё отражение в признании необходимости формирования между Севером и Югом партнёрства на основе взаимных интересов. Реализация подобной цели накладывала на обе стороны диалога «Север – Юг» определённые обязательства. С одной стороны, развивающиеся страны должны были осуществлять «надлежащее управление», что предполагало ускорение перехода к рыночной экономике, развитие демократии, активизацию борьбы с коррупцией, а с другой – от индустриальных держав требовалось увеличение финансирования технологического развития на всех уровнях, открытие своих рынков для товаров из стран Азии и Африки, дополнительное списание долгов развивающихся стран и расширение помощи по различным направлениям и т.д.

Предполагалось, в частности, что средства по линии ОПР должны стать стимулятором экономического роста и направляться на выполнение программ структурной перестройки, разработанных при участии МВФ, нацеленных на увеличение роста экспорта и привлечение иностранных частных инвестиций.

Лидером по абсолютному объёму помощи является ФРГ. Второе и третье места делят Великобритания и Франция.

При всех колебаниях по годам в относительном выражении помощь ведущих держав региона оказалась ниже, чем у некоторых малых стран. Норвегия, Швеция, Дания, Нидерланды и Люксембург выделили на ОПР 0,7% ВВП и более, тогда как Великобритания –

0,31%, ФРГ – 0,27%. Официальная помощь развитию Франции (0,33%) соответствует среднему уровню ЕС.

Французская официальная помощь развитию осуществляется на двусторонней (в рамках межправительственных договорённостей и соглашений) и на многосторонней основе (по линии международных организаций – Всемирного банка, МВФ, региональных банков реконструкции и развития и других международных кредитных организаций). Это также региональная многосторонняя помощь через различные структуры ЕС.

В 2001 г. Франция занимала 5-е место в мире по общему объёму помощи развивающимся странам, 8-е место в мире по доле ОПР в ВВП и 8-е – по величине помощи на душу населения.

Одним из регионов, куда направляется помощь Европы, является Африка – в силу давней исторической традиции и афро-европейских соглашений об ассоциации.

Но последние международные трансформации и потрясения в мире заставили европейские государства задуматься о роли Европы в новой расстановке сил и необходимости противостоять специфическим вызовам и угрозам, исходящим главным образом из её нестабильного южного соседства.

Всем европейским странам приходится учитывать, что Африка развивает сотрудничество и с неевропейскими странами, например с США [14] и Китаем [15], которые в настоящее время активно внедряются в регион. Это ставит перед европейцами задачу своевременной перестройки её африканской политики помощи и сотрудничества в направлении, максимально отвечающем её интересам. В противном случае существует опасность потерять влияние в бывших колониях не только Испании, Италии и Португалии, но и Франции. И дело не в разворачивающейся конкурентной борьбе, а в том, что в этой борьбе решение всё таких же проблем дефицита воды и продуктов питания, лекарств и т.д. отодвигается на периферию политики.

В целом же речь идёт о том, что на повестку дня мировой политики встаёт вопрос об изменении существующего миропорядка. Современный кризис диктует комплексную перестройку устаревшей и неэффективной системы международного управления.

Основной акцент, как представляется, следует сделать на формировании новой культуры взаимодействия всех участников управленческого процесса как условия устойчивого развития человечества и решения глобальных проблем. Так как возникающие в процессе эволюции кризисные состояния и глобальные опасности – это результат деятельности человека, то только его сознательная деятельность сможет предотвратить катастрофу человеческой цивилизации. Но прежде всего следует избавиться от милитаристского мышления и осуществить демилитаризацию международных отношений.

Примечания

1. *Хлобустов О.* Терроризм – метка XXI века // Обозреватель–Observer. 2003. № 7–8.
2. *Рудов Г.А.* Дефицит пресной воды и его международное регулирование // Мир и политика. 2011. № 9 (60).

3. *Комаров И., Лемешев М. [и др.].* Приватизация водных услуг: благо или бедствие // Обозреватель–Observer. 2008. № 9, 10.
4. *Лемешев М., Максимов А., Маслов Б.* Тупики торговли водоёмкой продукцией // Обозреватель–Observer. 2010. № 12; 2011. № 1, 2, 3.
5. *Филоник А.О., Рогожина Н.Г.* Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов. М., 1998. С. 24–27.
6. URL: http://un.by/news/digest/March2006/06-13/13-03-06-03 .html
7. *Ковалев Е.В.* Обострение мировой продовольственной ситуации. // МЭ и МО. 2009. № 9.
8. The State of Food Insecurity in the World, FAO. Rome. P. Ll. Продовольственная безопасность в мире // Международная жизнь. 2009. № 6. С. 5.
9. *Луговской В.М.* Осторожно: внутри хрупкая цивилизация! // НГ-наука. 2012. 26 января.
10. *Жуйков Д.* Оружие или лекарства? // РБК. 2007. 12 октября.
11. *Вебер А.* Появится ли у России стратегия устойчивого развития? // Обозреватель–Observer. 1999. № 10.
12. *Барабанов О.Н.* Глобальное управление и глобальное сотрудничество // Глобализация: человеческое измерение. М., 2002. С. 31–35.
13. URL: http://www.un.org/russian/events/water/depart.htm
14. *Зименков Р.* Торгово-экономические отношения между США и Африкой // Россия и Америка в современном мире. 2011. № 1.
15. *Бергер Я.М.* Китай: кризис и коммерция с мечом в руках // НГ-сценарии. 2009. 28 апреля; *Мамонов М.В.* Китай устал от стратегических партнёрств. В Пекине формируют новые подходы к мировому развитию // НГ. 2010. 26 октября.

Ассоциированные отношения государств и новая региональная клиентела

Алиса Багаева

События на Украине, вольным или невольным импульсом которых стал отказ бывшего президента В.Ф.Януковича подписать Соглашение об ассоциации с Европейским союзом, требуют введения проблемы ассоциированных отношений в более широкий исторический и политико-управленческий контекст.

Многообразие форм взаимоотношений государств как акторов мировой политики является результатом длительного процесса встраивания их связей в определённые рамки, которые каждому из субъектов, сотрудничающих в таких рамках, давали бы необходимое: свободу поведения на рынках, пространство для перемещения рабочей силы, защиту территории и т.д. Совершенно очевидно, что отсчёт времени поиска приемлемых для сторон форматов подобных отношений следует вести практически с момента появления ранних государств и первых юридически закреплённых актов об их совместном существовании на определённом пространстве, которое является зоной общего интереса.

Образование мощных государств Средиземноморья внесло в такой поиск элемент не только упорядоченности, ибо уже понятно было, что импульс силы власти может исходить только из центра, но это дало и возможность перенести формы и принципы отношений между людьми на отношения между территориями.

БАГАЕВА Алиса Валерьевна – кандидат социологических наук (кафедра международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова). *E-mail:* bagaeva@socio.msu.ru

Ключевые слова: власть, общество, ассоциированные отношения, региональная интеграция, клиентела.

Так, понятие «клиентела» (*лат. clientela*), означающее форму социальной зависимости в Древнем Риме, построенной на взаимных правовых, социальных и экономических обязательствах между плебеями и патрициями, становится юридической категорией в отношениях между Римской республикой и зависимыми и союзными государствами. С этим приходит понимание того, что клиентские обязательства передаются по наследству: не только клиенты поддерживают своего патрона на выборах и служат на войне под его началом, но и патрон обязан их защищать, выкупать членов их семей, попавших в зависимость, поддерживать минимальные жизненные потребности.

Если на пространстве Апеннин Италийская федерация могла существовать как система разноранговых союзников и подданных во главе с Римским полисом, то при расширении римских владений за пределы полуострова римляне столкнулись с серьёзными проблемами.

Например, превращение Сицилии в римскую провинцию наглядно продемонстрировало преимущества именно провинциальной системы управления:

– налоги и дешёвый хлеб поступали в государственную казну;

– контроль над территорией и населением стал постоянным и более надёжным;

– материальную пользу стал получать больший круг нобилей; проконсулы и пропреторы в качестве наместников обогащались, обирая провинциалов;

– в перспективе появилась возможность «привязать» новые земли к Риму политически, экономически, культурно;

– поглощение соседей и непосредственное их включение в состав своего государства – это признак более развитой агрессии [1].

Pax Pomana, провозглашённый Августом, предполагал вовлечение представителей провинциальной аристократии в более широкое участие в управлении государством. Сенат постепенно стал пополняться выходцами из провинций. Росло экономическое значение и финансовое благополучие торговой верхушки окраин. Но в то же время перегрины (от *лат. peregrinus* – иностранец, чужеземец), т.е. лично свободные, но не имеющие римского гражданства лица, в основном обитатели покорённых Римом областей, не имели гражданских прав. И лишь после принятия в 212 г. эдикта Каракаллы о даровании гражданских прав всему свободному населению империи римляне и потомки покорённых ими народов стали юридически равными. Однако здесь следует видеть ещё один процесс – романизацию провинций.

Таким образом, переход к провинциальной системе управления, уничтожив замкнутые этнические анклавы государств-клиентов, привёл к ассимиляции покорённых народов. Римский опыт инкорпорации завоёванных земель в единый государственный механизм можно считать первой попыткой создания региональной интеграционной модели управления.

Этот античный опыт не был забыт и его отголоски можно было обнаружить и в имперской политике

средневековых государств, и в строительстве империй Нового времени. Подобные территориально-управленческие отношения наблюдались и в истории Российской империи. Например, Польша и Финляндия, а также государственные образования в Бухаре и Самарканде входили в её состав, но при этом проводили достаточно самостоятельную внутреннюю политику [2]. Они даже имели право входить в контакт с государствами, граничащими с ними, но с другими странами связь осуществлялась только через Санкт-Петербург.

Были аналогии с клиентельной моделью управления и в колониальном строительстве. Но в отличие от Древнего Рима такие действия нельзя было оценивать как эффективные, ибо они не имели в результате ассимиляции населения завоёванных территорий с населением метрополии, более того, такая программа ассимиляции даже не предусматривалась или ограничивалась рамками правящего класса. Поэтому можно говорить о том, что до процесса деколонизации проблема взаимодействия неравных по силе и мощи государств решалась внутренними соглашениями сначала метрополий и колоний, а затем бывших метрополий и бывших колоний.

В контексте таких взаимодействий ассоциированные отношения явились промежуточной формой полностью независимого суверенного государства.

В частности, Гранада с 1967 г. была ассоциированным с Великобританией государством, а в феврале 1974 г. обрела независимость и вошла в Содружество (до 1947 г. Британское Содружество наций).

Антигуа и Барбуда также с 1967 г. было ассоциированным с Великобританией государством, а в 1981 г. оно получило независимость и сегодня входит в Содружество.

Этим был обозначен вектор изменения понятия и правового наполнения суверенитета в сторону добровольной передачи государствами части своих полномочий другим государствам или вообще надгосударственным структурам.

Когда в таком объединении сохраняется не только автономия меньшего государства во внутренних делах, но его собственная династия правителей, то оно имеет черты протектората.

В качестве примера – это отношения Индии и Сиккима. В 1947 г. при предоставлении Индии независимости в Сиккиме был проведён референдум, на котором предложение о вхождении территории в состав Индии было отвергнуто.

Тогда премьер-министр Индии Джавахарлал Неру подписал соглашение о протекторате Индии над Сиккимом. Кроме того, до 1955 г. Сикким являлся абсолютной монархией, но затем был учреждён Государственный совет для формирования конституционного правительства. В 1975 г. премьер-министр Кази Лхендуп Дорджи Кхангсарпа, находившийся в оппозиции королю (чогьялу), обратился к парламенту Индии с просьбой о преобразовании Сиккима в штат Индии. Индийские войска оккупировали Сикким, заняли столицу Гангток и разоружили дворцовую охрану. Позже был проведён референдум, на котором 97,5% проголосовавших при почти 60%-ной явке избирателей высказались за присоединение к Индии [3]. В 1975 г. Сикким официально вошёл в состав Индии.

С появлением Организации Объединённых Наций стало возможным рассматривать эту универсальную организацию как «зонтик» для выстраивания нового типа отно-

шений – ассоциированных. Несмотря на то что внешне инициатива исходила «снизу», она не менее устраивала государство, готовое выступить в роли патрона.

В 1965 г. Конгресс Микронезии, бывших японских владений, ставших подопечной территорией ООН под управлением США, вместе с некоторыми другими подопечными территориями ООН, в частности Маршалловыми островами и Палау, направил в конгресс США ходатайство о выработке возможных форм межгосударственных взаимоотношений.

В 1969 г. появились рекомендации суверенному народу Микронезии образовать собственное государство и при желании вступить в свободные ассоциированные отношения с другим государством – Соединёнными Штатами Америки.

В этой связи представляется целесообразным напомнить о том, что не всегда Основной закон государства может дать ответ на то, как следует себя вести в подобных случаях. Например, в Конституции США нет упоминания об ассоциированных отношениях, поскольку на момент её принятия (сентябрь 1787 г.) они не были ни фактом межгосударственных взаимодействий (за исключением Испании, Франции и Андорры), ни предметом размышлений специалистов в области международного права.

Поскольку на переговорах представители островных территорий сразу отвергли предложение США о преобразовании их в зависимые территории, то был выбран вариант свободной ассоциации. Только в 1978 г. в результате переговоров четыре территории (Яп, Трук, Понапе и Коррае) приняли решение образовать единое государство – Федеративные Штаты Микронезии (ФШМ).

Маршалловы острова обрели суверенитет и преобразовались в Республику Маршалловы острова; Палау – в Республику Палау.

Пакты об их свободной ассоциации вступили в силу в 1986 г.

Что даёт этим государствам свободная ассоциация с США?

Во-первых, они являются суверенными государствами, входящими в ООН.

Во-вторых, обладают полной свободой проведения внутренней политики, но ограниченной свободой в установлении внешней политики, что, правда, объясняется ещё и отсутствием технических и материальных возможностей вести самостоятельно полноценную внешнюю политику.

Таким образом, изначально эта форма государственного объединения, которую иногда рассматривают как одну из форм конфедерации, была нацелена на спасение и сохранение государственности и самобытности малочисленных народов.

Сейчас ассоциированное государство представляет собой форму конфедерации неравнозначных государств, объединившихся на двусторонней основе. При таком объединении свободно присоединившееся государство формально сохраняет свой суверенитет и независимость, но доверяет существенную долю своих властных полномочий большему государству – государству-патрону. Речь, как правило, идёт о внешней политике, связи, транспорте, вооружённых силах.

Старейшими ассоциированными отношениями можно считать отношения Андорры с Францией и Испанией, длящиеся с 1278 г., когда было достигнуто соглашение между графом де Фуа и испанским епископом Урхельским об установлении двойного суверенитета Андорры.

Франция и Монако установили такое взаимодействие в 1814 г., а Швейцария и Лихтенштейн – в 1923 г.

В 1929 г. были подписаны Латеранские соглашения между итальянским государством и Святым престолом, которые стали основой

правового урегулирования взаимных претензий сторон и разрешения «Римского вопроса», существовавшего с 1870 г.

Можно указать и такие свободные ассоциации, существующие сегодня в мире, как:

– Нидерландов с Арубой (1986 г.), Кюрасао и Синт-Мартеном (2010 г.);

– Новой Зеландии с островами Кука (1965 г.) и Ниуэ (1974 г.);

– Соединённых Штатов Америки с Пуэрто-Рико (1952 г.), Северными Марианскими островами (1986 г.), ФШМ (1986 г.), Маршалловыми островами (1986 г.), Палау (1994 г.);

– Франции с Новой Каледонией (1998 г.).

При этом Ватикан, Монако, Андорра, Лихтенштейн, ФШМ, Маршалловы острова, Палау являются независимыми субъектами международного права.

Также надо понимать, что свобода выбора не исключена из процесса принятия решений об ассоциации, поэтому, согласно итогам референдумов 2006 г. и 2007 г., Токелау так и не стало ассоциированным с Новой Зеландией государством.

Разновидности отношений ассоциации расширяются. И относительно недавно они были пополнены Косово, которое не имеет какого-либо одного сильного государства-партнёра. Его функции для Косово выполняют Евросоюз и НАТО. ЕС выделяет Косово финансовую помощь, позволяет использовать евро в качестве платёжного средства, а Североатлантический альянс обеспечивает оборону. Правда, и здесь есть несоответствие. Косово – это уникальный случай ассоциации: военную базу в Крае содержат США, а платит за неё Европейский союз. При этом Косово не является членом ООН, относится к числу беднейших стран мира, существует благодаря международной помощи, а также является территорией, по которой пролегает наркотрафик.

С точки зрения теории международных отношений государством ассоциации для Косово должна была бы стать Албания. Однако, будучи одним из беднейших государств Европы, она не может себе этого позволить экономически, и кроме того, сохраняется след конфликта, связанного с трагическим распадом Югославии, в которой Косово было автономным краем в составе Сербии.

Ассоциированные отношения могут строиться не только между государствами, но и между отдельным государством и союзом государств. Эта возможность предусмотрена Европейским союзом, причём даже и для государств, расположенных вне Европы. Предусмотрена она и Уставом Содружества Независимых Государств 1993 г.

Цели сотрудничества касаются развития политических, торговых, социальных, культурных связей и вопросов безопасности. Если в СНГ такой механизм предусмотрен, но не запущен, то ЕС использует его весьма активно. Правовая база для этого заложена в Римском договоре (ст. 217.), подписанном в 1957 г. ФРГ, Францией, Италией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом о ликвидации всех преград на пути свободного передвижения людей, товаров, услуг и капитала.

Тогда, в 1957 г., предоставление Соглашения об ассоциации было включено в Римский договор в качестве средства обеспечения будущего сотрудничества ЕЭС с Великобританией.

В 60-е годы первыми государствами, заключившими Соглашения об ассоциации с Европейским сообществом, стали Греция и Турция.

Тогда же Соглашения об ассоциации были заключены ЕЭС с такими странами Средиземноморья, как Кипр и Мальта.

Содержание и текст соглашений были чрезвычайно близки, что давало основания называть Соглашение об ассоциации своего рода типовым соглашением. Вместе с тем каждое соглашение уникально, потому что закрепляет конкретные вопросы ассоциации с учётом специфики двусторонних отношений конкретной страны с ЕС, имеющихся приоритетов и сфер взаимных интересов. Для ЕС важно, и в Соглашениях об ассоциации это закреплено, чтобы ассоциированное государство принимало на себя обязательство проведения политических, экономических, торговых или судебных реформ. В обмен на это оно может получить беспошлинный доступ к некоторым или ко всем рынкам ЕС, в том числе рынку сельскохозяйственных продуктов и т.д., финансовую или техническую помощь. Соглашение об ассоциации может включать в себя соглашение о свободной торговле между ЕС и третьей страной.

Европейский союз к настоящему времени имеет соглашения с Албанией, Алжиром, Андоррой, Боснией и Герцеговиной, Грузией, Египтом, Израилем, Иорданией, Исландией, Канадой, Ливаном, Лихтенштейном, Республикой Македония, Марокко, Молдавией, Мексикой, Норвегией, Палестинской автономией, Сан-Марино, Сербией, Тунисом, Турцией, Украиной, Фарерскими островами, Черногорией, Чили, Швейцарией, Южной Кореей и ЮАР.

С учётом того что на стадии переговоров находятся соглашения не только с отдельными государствами (Эквадор, Перу, Саудовская Аравия, Сирия), но и с региональными организациями, такими как ССАГПЗ*, Меркосур, Центральноамериканский общий рынок, то это надо расценивать как переход к новому этапу международного взаимодействия, когда его субъектами выступают не суверенные государства, а региональные интеграционные структуры.

Это ещё больше заостряет проблему управления и роли управленческого класса. Если Евросоюз при заключении такого соглашения на всех уровнях управления сохраняет свои демократические традиции и институты, что отражено даже в необходимости ратифицировать Ссоглашение об ассоциации всеми государствами – членами ЕС, то в стране, ассоциированной с ЕС, для её соответствия новым требованиям должны трансформироваться эти институты.

Такой период можно считать временем функционирования гибридных режимов. Однако до настоящего времени нет единого понимания специфики поведения общества и власти в процессе перехода. Можно отметить концепцию «делегативной демократии», предложенную аргентинским политологом Гильермо О'Доннеллом [4]. Не перечисляя все её характеристики, следует подчеркнуть, что ей присущи такие черты, как низкий уровень институционализации власти, радикальный характер политики, проводимой общенациональным лидером, и отсутствие механизмов согласования интересов. То есть именно то, что часто является крайне необходимым государствам с переходной экономикой для того, чтобы соответствовать

* ССАГПЗ – Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива.

требованиям, содержащимся в Соглашениях об ассоциации с ЕС. И в то же время «делегативная демократия» как промежуточный тип политического режима может давать ход развитию институтов представительной демократии, хотя и нельзя списывать со счетов возможность отката к авторитаризму.

И тот, и другой варианты во многом зависят от поведения той части управляющего класса, которая позиционирует себя как политическая клиентела Евросоюза, т.е. выступает как специфическая форма сети вертикального типа, в рамках которой позиции привилегированных акторов-патронов занимают официальные властные институты ЕС и их руководители, а не национальные политические институты и их руководители.

С учётом того что новый тип управления формируется на основании потребностей внешнего и более сильного актора, можно выделить несколько типов клиентских отношений [5].

Первым из них является тип, основанный на интеграции национальной элиты по принципу политико-идеологической преданности лидеру или лидерам институтов интеграции при отсутствии собственного однозначного лидера и общественного согласия.

Второй тип клиентских отношений основывается на соединении элитных групп различной политико-идеологической ориентации и социального происхождения, ради национального согласия консолидирующихся вокруг патрона, способного быть арбитром во внутригосударственном споре.

Третий тип клиентских отношений, возникающих между ассоциированным государством и государством-патроном, допускает сохранение в системе управления государством прежнего лидера, но при его политико-идеологическом согласии с курсом патрона и допуске существования неприкрытой клиентелы, всячески подчеркивающей необходимость следовать опыту патрона.

Наличие клиентелы нельзя оценивать однозначно негативно.

В какой-то части политических решений её поведение способствует обеспечению условий самосохранения нации, предотвращению возможности интенсификации потребления ресурсов. Однако притом что взаимодействие с патроном построено на основе субординации, а порой подчинении нижестоящего произволу вышестоящего, главным ориентиром деятельности клиентелы в случае ускоренной региональной интеграции при отсутствии бесспорного национального лидера становится принятие зарубежных образцов лидерства.

К негативным последствиям поведения представителей клиентелы следует причислить также не свободу, а ограниченность потоков информации, вплоть до прямого диктата её содержания и направленности. Нельзя не отметить также того, что основным принципом распределения ресурсов от патрона к клиенту являются результаты демонстрации преданности и заслуг последнего перед лидером, а главной личностной чертой членов клиентелы – угодничество. В итоге вместо укрепления системы интеграционных отношений рождается новая системная тенденция – рост энтропии [6].

Все эти положительные и негативные результаты для создания модели эффективного государства умножаются при участии в ассоциированных отношениях региональных интеграционных объединений.

Предотвратить негативные сценарии может расширение форм ассоциированных отношений, которые помимо взаимосвязей крупных и маленьких государств должны включать ассоциированные отношения по конкретным вопросам: финансам, торговле, борьбе с преступностью и пр.

Обязательно должна соблюдаться свобода ассоциации с несколькими государствами, но при условии ненанесения вреда партнёрам по другим вопросам сотрудничества и направлениям деятельности. Этим, кстати, резко сужается поле для возможных злоупотреблений, в том числе представителями клиентелы.

Примечания

1. *Белшков А.П.* Альтернативы оформления власти Рима: клиентела или провинция? // Античное общество – IV: Власть и общество в античности. Материалы международной конференции антиковедов. Исторический факультет СПбГУ 5–7 марта 2001 г. СПб.: СПбГУ, 2001.
2. *Остен-Сакен В.* Государственно-правовое положение Великого княжества Финляндского в Российском государстве. СПб.: Государственная типография, 1910.
3. *Sushobhan Sen.* The Story of Sikkim // http://opinions24x7.blogspot.ru/2009/07/story-of-sikkim.html
4. *О'Доннелл Г.* Делегативная демократия // http://old.russ.ru/antolog/predely/2–3/dem01.htm
5. *Бирюков С.В.* Клиентела как модель политического порядка и политических изменений. М.: МГУ, ТЕИС, 2009; *Он же.* Клиентела и патримониализм как основания политического порядка. Современное состояние и перспективы. Saarbrucken: LAP Lambert Academic Publishing, 2013.
6. *Гильбо Е.В.* Управление и новые социальные формы. Клиентела как основа социальной структуры российского общества XXI века // Альманах «Восток». 2004. Вып. № 4(16).

Нужна ли обществу идеология?

Вахтанг Сургуладзе

Сегодня можно выделить две основные тенденции духовного развития человечества: с одной стороны – это традиционные культуры, часть из которых, как например ислам, отличается значительной пассионарностью, с другой – западные общества воинствующего либертарианства. Промежуточное положение занимают страны, стремящиеся к западному образу жизни, западным моделям потребления, но культурно сохраняющие значительную долю традиционности мышления и оценок.

Радикальный ислам с идеалом всемирного халифата – одна крайность, вторая крайность – доведённое до абсурда понимание прав личности как наиболее важной ценности, отталкиваясь от которой должно развиваться общество в целом. При этом личность воспринимается как абсолют без оглядки на то, как подобная сакрализация индивида влияет на общество в целом.

Альтернативные пути развития мира, предлагаемые религиозными фундаменталистами, при последовательном применении на практике приведут к новому Средневековью, а следование либертарианским моделям Запада – к деградации общества. Причём деградации не только моральной, но и материальной. Культ потребления и потворства физиологическим потребностям во всех формах ослабляет общество как морально, так и материально. Потребительское отношение к жизни приводит не только к снижению рождаемости, но и к ослаблению социальных связей, распаду семьи как ячейки общества.

СУРГУЛАДЗЕ Вахтанг Шотович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований (РИСИ). *E-mail:* bafing@mail.ru

Ключевые слова: идентичность, идеология, национальное самосознание, культура, общие ценности.

С точки зрения экономического осмысления социальной реальности – это закономерный процесс [1]. Люди постиндустриальной информационной эпохи становятся эгоистами, общаются в социальных сетях, не хотят идти на компромиссы, а поэтому предпочитают одиночество, жизнь без детей. В этих условиях личный комфорт и личная свобода становятся самостоятельными ценностями. Однако на практике подобное мировоззрение чревато стратегическим крахом, деградацией общества в целом. В случае высокоразвитых стран богатство и высокий уровень экономического развития оказываются началом внутреннего разложения.

Когда индивидуальные устремления перестают соотноситься с благом всего общества, можно говорить о нравственном кризисе и близком упадке такого общества. Сосредоточиваясь на индивидуализме, оно утрачивает чувство сопричастности, объединяющие его ценности, т.е. теряет базовые характеристики собственной идентичности, перестаёт быть морально единым, а значит, становится более уязвимым перед идеологическими, информационными, демографическими, культурными, военными угрозами извне.

Обществу нужна идеология

Для нормального функционирования государства люди должны ощущать сопричастность к его судьбе, чувствовать, что государство является их государством, а не отдельной, не имеющей отношения к народным массам чиновничьей надстройкой, особой кастой. Обеспечение этого чувства сопричастности и общности является основной задачей идеологии. Идеология при этом необязательно должна носить формы жёстких доктрин, быть всепроникающей или авторитарной, она может не походить на идеологии национал-социалистической Германии, фашистской Италии, СССР или теологических режимов прошлого и настоящего. Важно, чтобы в обществе сохранялись общие ценности и оценки знаковых для истории данного общества исторических событий, общие символы.

Строительство и поддержание национальной общности в гражданско-правовом понимании опирается на патриотизм, который невозможен без знания страны, её истории, культуры. Патриотизм не возникает сам собой, а основывается на общих ценностях, которые люди готовы защищать. Если общих ценностей нет или они размыты, то исчезает и патриотизм. Именно поэтому для выживания общества, для его гармоничного развития необходимо постоянное поддержание общей ценностной базы общества. Если её нет, такую базу необходимо создавать. Причём это постоянный и неравномерный процесс. Создание полноценного национального государства (в гражданско-правовом смысле) не может быть достигнуто раз и навсегда. Ценности меняются и размываются, поэтому не может быть выработано единственной «вечной» идеологии. Однако не проводить идеологическую работу, не заниматься патриотическим воспитанием, поддержанием и созданием общих ценностей губительно для общества и государства, так

как лишает его смысла существования и понимания своего особого исторического пути и места в мире.

Общество, лишённое общих ценностей, чувства сопричастности к своей стране и государству, лишённое идеологической базы, подвергается опасности оказаться беззащитным перед вызовами групп, обществ, государств, идеологий, обладающих указанными качествами – общими ценностями, чувством сопричастности, патриотизмом. Идеологически экспансивные государства и общества начинают пропагандировать свои ценности, транслировать их на других. В случае если объекты такого идеологического воздействия ценностно уязвимы, им нечего противопоставить информационному давлению извне, они оказываются внутренне уязвимыми, не могут противопоставить выдвигаемым оппонентами тезисам свои антитезисы, противопоставить навязываемым ценностям свои ценности.

Если ответом на агрессивно пропагандируемые ценности служит молчание, то это подстёгивает к увеличению пропагандистского воздействия и усиливает разложение морального, ценностного, духовного стержня общества – объекта информационного воздействия. Если же общество, напротив, находит ответ и чётко заявляет о своей позиции, воздействовать на него становится значительно сложнее.

Ярким примером столкновения идеологий и ценностей может служить сложившееся в 30-е годы противопоставление ценностей демократических стран и фашистских режимов. Указанные политические и идейные течения придерживались противоположных ценностных установок и агрессивно отстаивали их, постоянно заявляли об их самодовлеющей и непреходящей значимости. Противостояние либерально-демократических и фашистских режимов привело к положению идеологического клинча. В этой ситуации аргументы сторон блокируют, нейтрализуют друг друга. Общество заявляет о том, что развивается в рамках собственной системы ценностей, собственной цивилизации, собственных исторических закономерностей и не желает быть объектом чужой ценностной экспансии, имеет альтернативные ответы на вопросы собственного существования и развития.

Идеологии, принятые за абсолют, как высшая и единственная самостоятельная ценность, в долгосрочной перспективе показали свою неэффективность. Тем не менее на определённых этапах исторического развития разных государств и обществ такие идеологии демонстрировали колоссальные успехи. Проблема заключалась в том, что принятые раз и навсегда догмы постепенно переставали быть адекватными в меняющихся обстоятельствах, переставали содействовать развитию. Учитывая эту особенность, актуальность приобретает выявление закономерностей формирования саморазвивающихся мягких общественных идеологических конструкций, когда само общество выдвигает ценностный фундамент своего существования, постоянно обновляя его. В современных условиях государство должно содействовать обществу в этом процессе. Выявлять общие тенденции общественного развития, определять угрозы национальной информационной безопасности и предотвращать их,

способствуя укреплению чувства национальной идентичности, развитию культуры, исторических и иных знаний общества о своём государстве и стране. Без проведения такой информационной работы общество обречено на медленное, но неизбежное сползание к дезинтеграции.

Важным аспектом обеспечения информационной безопасности является возникновение, по сути, анархических либерально-демократических тенденций, когда демократическая государственная политика приводит к исключительному утверждению личности вопреки всему историческому прошлому общества, всем его исконным ценностям, а сами эти ценности отмирают.

Данное явление проявляется в сексуальной революции стран Запада, итогом которой стало уравнивание в правах людей нетрадиционной сексуальной ориентации. Это явление – закономерное развитие радикальных либеральных идей о свободе личности, логичное следование либеральным идеологическим установкам. Это пример того, как идеология, доведённая до логического конца, становится разрушительной для общества. Когда права индивида становятся выше прав группы, общество в значительной мере утрачивает стратегическую государственную выживаемость.

Такие «общие ценности», как свобода личности во всех её проявлениях, которые не сплачивают, а разделяют, приводят к духовной дезинтеграции. В обществе становится меньше патриотизма, меньше чувства сопричастности. Общество становится собранием одиночек. С точки зрения внешней политики, государственного и национального самосохранения такое общество само себя стратегически ослабляет. Одним из следствий становится падение рождаемости. Этот процесс увеличения разъединения оказался характерной чертой развитых стран. Можно было бы считать его необратимым, закономерным и не уделять ему внимание, если бы в мире отсутствовали традиционные и агрессивные альтернативы. Новое глобальное переселение народов, которое медленно, но верно захлёстывает экономически развитые, но демографически и ценностно ослабленные страны, приводит к столкновению традиционных культур с обществами Постмодерна.

Без свободы общества, без самоопределения группы невозможно отстаивать свободу личности, если жизненные силы утрачивает общество в целом, то не удастся сохранить и права личности. В исторической ретроспективе национальное государство выступало самостоятельной ценностью как венец самоопределения народов. Люди старались сохранить свою страну, традиции и культуру. В условиях Постмодерна стало нормой отстаивать «абсолютные», оторванные от реальности гипертрофированные и абстрактные «права личности» без оглядки на государство. Чувство сопричастности размывается, наступает эпоха ценностного кризиса. Западные страны сталкиваются с сильными традиционными идеологиями иммигрантов из экономически менее развитых и ментально традиционных стран Азии, Африки, исламского мира. Указанная тенденция – стратегический тупик для Западной Европы, которая в результате кризиса либеральной

идеологии в долгосрочной перспективе приведёт к утрате собственного культурного, цивилизационного, национального лица.

Дезинтегрированные либеральные общества не могут устоять перед напором традиционной идентичности, представителей технически менее зрелых обществ. Для развитых стран проблема заключается в том, что носителями традиционных ценностей сегодня являются по большей части представители других, незападных народов, религий, цивилизаций, культур.

В условиях демографического дисбаланса и иммиграционных проблем, связанных с культурными различиями, вопросы патриотического воспитания, национальной идентичности, информационной безопасности государства и его идеологической работы становятся чрезвычайно важными факторами сохранения социальной стабильности и развития государства.

История знает много примеров краха идеологий, но если рассмотреть вопрос глубже, то окажется, что многие примеры краха государств и цивилизаций, окончание целых эпох было связано с изживанием идеологии, утратой ценностей. Одним из таких примеров является Римская империя – сложнейший политический организм, который на определённом этапе своего развития оказался ценностно опустошён и отступил перед моральной силой новой идеологии – христианства. Отсутствие моральной стойкости приводит к материальному краху, и напротив, моральная сила способна приводить к осязаемому материальному успеху.

Сложно противостоять чужим ценностям, не имея и не отстаивая своих. Без картины мира, альтернативной, навязываемой извне, отстоять национальную независимость невозможно. Именно поэтому обществу нужна система ценностей и идеология. Особенно важную роль понятное целеполагание играет во внешней политике в качестве противовеса навязываемым извне правилам игры и критериям оценок.

Пришло понимание мнимости «универсальных западных ценностей»

В XXI в. государство, правящая и интеллектуальная элита не обязаны навязывать идеологию, но должны всеми средствами способствовать развитию национального достоинства, сохранению самобытных ценностей. С точки зрения историка, эти ценности могут не быть действительно исконно народными, они могут основываться на сложном синтезе местного и заимствованного у других, но в любом случае восприниматься эти ценности должны как самобытные, исконные, защита их должна исходить из национальных интересов, а не ориентироваться на внешние модели.

После распада СССР Россия очень долго старалась найти своё место в мире, обрести себя, найти смысл своего существования. Снова вопрос о пути развития стал основным вопросом русской истории. Неудачи советского глобального идеологического проекта привели к тому, что российское общество 90-х годов оказалось дезориентированным. Советские ценности оказались отвергнуты,

традиционные ценности исторической России приходилось осваивать заново, а действительность ставила перед страной новые вопросы в мире, как тогда многим казалось, победившего Запада. В этих условиях общество утратило коллективную идентичность, чувство самотождественности, понимания того, кем оно является и зачем существует. Чужеродные модели, успешные образцы извне стали казаться панацеей от всех бед и бездумно внедряться в России.

С течением времени пришло понимание мнимости «универсальных западных ценностей». Понимание того, что нужна альтернатива, национальная, российская, альтернатива чужим ценностям и оценкам.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что опыт бездумной вестернизации и следования западным моделям оказался несостоятельным. Более того, особое значение приобретает нравственная пустота, являющаяся результатом неверия в собственные силы и краха глобального мессианского проекта, который олицетворял Советский Союз.

Советский поэт Василий Фёдоров, пророчески предвосхищая процесс краха национальных надежд и идеалов 90-х годов, писал:

Всё испытав,
Мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая займёт их враг,
Займёт, сводя всё те же счёты,
Займёт, засядет,
Нас разя…
Сердца!
Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя [2].

Для стратегического выживания общество должно сохранять свою коллективную идентичность, не забывать объединяющих его членов ценностей, не допускать взаимного отчуждения и внутренней пустоты, духовного вакуума, который могут заполнить чуждые национальным интересам идеологические течения.

Наступает момент, когда опыт Запада станет для России примером того, как не надо жить. Традиционность России – надежда на возможность стратегического выживания русского общества и государства.

Агрессивная пропаганда прав различных меньшинств в ущерб большинству неприемлема для России. С точки зрения либерально мыслящих, прозападно настроенных интеллектуалов, это свидетельство отсталости. Однако в исторической перспективе можно констатировать, что в действительности это совершенно не так.

Крайние формы индивидуальной свободы личности наблюдались в различные эпохи и всегда свидетельствовали об упадке. Крайняя степень индивидуальной свободы за счёт и вопреки интересам большинства – верный признак движения общества к деградации и закату.

Если смотреть на происходящие на современном Западе процессы через призму исторического осмысления, то становится ясно, что умеренная традиционность России – надежда на возможность стратегического выживания её общества и государства. Всё более очевидная чуждость западной социокультурной трансформации российскому культурному коду позволяет надеяться,

что в России сформируется более чёткое представление о своей фундаментальной цивилизационной самоценности. Произойдёт процесс, сформулированный Арнольдом Тойнби в теории «вызова-и-ответа» [3], когда толчок общественного развития возникает в качестве реакции на пришедший извне импульс.

В научной литературе данный феномен применительно к национальному самосознанию именуют негативной идентичностью [4], когда объединительные процессы в обществе происходят благодаря осознанию того, чем общество не является или чем оно не хочет быть.

Негативная идентичность – объединение на почве неприятия – важный фактор развития коллективного самосознания. Происходящие в Европе процессы не могут не вызывать реакции в российском обществе. Есть основания предполагать, что ответом на эти вызовы станет более осознанная приверженность России традиционным ценностям.

Отдельные подвижки в этом направлении видны уже сейчас. Общество перестаёт отмалчиваться. Очень чётко в диалоге с западными партнёрами формулирует ценностную позицию России её президент. Вполне бескомпромиссно цивилизационный, культурный аспект международных отношений выделен в принятой в феврале этого года Концепции внешней политики Российской Федерации [5].

Учитывая многонациональный, многоконфессиональный характер российского общества, масштабы нашей страны, неоднородность её экономического развития, становится ясно, что предлагаемый Западом путь для России совершенно несостоятелен.

Хочется надеется, что происходящие в мире события смогут сплотить российское общество, помогут сформировать максимально приемлемую для большинства населения страны ценностную базу. России необходима действенная политика развития гражданского национального самосознания, которая должна идти параллельно с гибким управлением национальными отношениями в стране. Информационная безопасность Российской Федерации, её идеологическая неуязвимость и ценностная самодостаточность не должны оставаться без внимания.

России необходим мир, порядок и диверсифицированное экономическое развитие. Всего этого можно достичь, сосредоточившись на национальных и государственных интересах. Доведённые до крайности ценности личных свобод – аномальны для российского общества. Они аномальны и с точки зрения нормального социального развития.

В непростом мире XXI столетия надо пытаться проводить масштабную техническую модернизацию, брать самое лучшее в технологической сфере и на Западе, и на Востоке, но ни в коем случае не жертвовать ради этого собой, собственной национальной идентичностью.

Особенностью текущего исторического момента является то, что сегодня проводить модернизацию можно на базе собственных духовных ценностей. Вестернизация перестала быть синонимом модернизации. Это даёт незападным обществам возможность быть современными, оставаясь при этом собой.

У России есть практически неограниченные возможности развития, значительный потенциал. Однако реализация этого потенциала требует большого труда и политической воли. Прежде всего важно не закрывать глаза на проблемы и не отказываться от необходимой работы. В условиях значительной иммиграции и меняющегося демографического баланса вместе с угрожающими извне идеологическими и сепаратистскими проектами важно проводить осознанную государственную политику по сохранению межнационального мира и созиданию более широкой коллективной идентичности на базе гражданско-правового понимания нации.

Многие могут сказать, что подобная политика обречена. Например, несмотря на всю идеологию и сложную национальную политику, распался СССР, распалась Югославия. С другой стороны, любой тип национализма, какой бы характер он ни носил, можно сравнить с загипнотизированной звуками флейты змеёй. Исторически многонациональное государство вынуждено выступать в роли факира-флейтиста, заклинающего змея национализма. Это неизбежный процесс, сложность которого отнюдь не доказывает его ненужность. Лучше жить многонациональной и сильной семьёй народов, представляя собой субъект мировой политики и какую-то весомую величину, чем оказаться десятком фрагментированных объектов чужих геополитических проектов.

Общие ценности, консенсус, уважение к Гимну, Флагу, Гербу, общей истории, видение перспектив, целей, стоящих перед обществом, позитивных изменений, в нём происходящих, содействуют стабильности общества и его гармоничному развитию.

Патриотизм может существовать и без жёсткой идеологии. Идеологией должны стать общие для большинства общества ценности и их осознание. И здесь важно учитывать мировой опыт. Анализировать историю других стран и обществ, не забывая, разумеется, об изучении собственной страны. Изучение прошлого страны – необходимый элемент воспитания любви к Родине.

Примечания

1. *Нордстрем К., Риддерстрале Й.* Бизнес в стиле фанк навсегда: Капитализм в удовольствие. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008; *Они же.* Караоке-капитализм: Менеджмент для человечества. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008.
2. *Фёдоров В.Д.* Собрание сочинений: в 5 т. М.: Современник, 1987. Т. 1. С. 157.
3. *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. Сборник. 2-е изд. М.: Айрис-пресс, 2002.
4. *Гудков Л.* К проблеме негативной идентичности // Мониторинг общественного мнения. 2000. № 5; Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005.
5. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 12 февраля 2013 г.) // URL: // http://www.mid.ru

Проекты «Экономический пояс Шёлкового пути» и ЕАЭС: конкуренты или партнёры?

ВАН Шучунь
ВАНЬ Цинсун

Два проекта: Россия – ЕАЭС, КНР – «Экономический пояс Шёлкового пути»

Осенью 2011 г. тогдашний российский премьер-министр, а ныне президент Владимир Путин опубликовал в «Известиях» статью о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на базе Таможенного союза и Единого экономического пространства трёх стран – России, Белоруссии и Казахстана, на основе принципов равноправия, суверенитета и добровольности, который способен стать одним из полюсов современного мира и играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом [1]. В день своего вступления в должность президента (7 мая 2012 г.) Владимир Путин подписал Указ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», в котором было чётко заявлено намерение «рассматривать развитие многостороннего взаимодействия и интеграционных процессов на пространстве Содружества Независимых Государств как ключевое направление внешней политики Российской Федерации; спо-

ВАН Шуцунь – профессор, директор Юридического института Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли (Гуанчжоу, КНР), доктор юридических наук. *E-mail:* mybetterfuture2012@mail.ru

ВАНЬ Цинсун – докторант факультета русского языка Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли. *E-mail:* mybetterfuture2012@mail.ru

Ключевые слова: «Экономический пояс Шёлкового пути», ЕАЭС, Россия, Китай, сферы сотрудничества.

собствовать углублению евразийской интеграции в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан и созданию к 1 января 2015 г. Евразийского экономического союза, исходя из открытости этих процессов для присоединения других государств, прежде всего членов Евразийского экономического сообщества и участников Содружества Независимых Государств; содействовать международному позиционированию новых интеграционных структур» [2].

В новой Концепции внешней политики Российской Федерации, утверждённой Президентом России 12 февраля 2013 г., мы находим следующие слова: «Россия считает приоритетной задачу формирования Евразийского экономического союза, призванного не только максимально задействовать взаимовыгодные хозяйственные связи на пространстве СНГ, но и стать определяющей будущее стран Содружества моделью объединения, открытого для других государств. Строящийся на универсальных интеграционных принципах новый союз призван стать эффективным связующим звеном между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом» [3].

В своем Послании Федеральному Собранию РФ за 2013 г. В.В.Путин отметил, что «к 1 мая 2014 года согласование текста Договора будет завершено и он поступит в парламенты России, Белоруссии и Казахстана… Уже сейчас действуют рабочие группы, которые готовят «дорожные карты» по присоединению к Таможенному союзу Киргизии и Армении. Уверен, реальные достижения евразийской интеграции только повысят интерес к ней со стороны других наших соседей, в том числе и со стороны украинских партнёров» [4].

Это означает, что Путин во время своего нового президентства прилагал, прилагает и будет прилагать все усилия для продвижения евразийской интеграции и возрождения русской нации, чтобы Россия могла стать независимой стратегической силой, с которой нужно считаться другим странам в будущем, а затем стать одним из полюсов современного мира и важной силой создания нового типа международных отношений.

29 мая 2014 г. президенты Белоруссии, Казахстана и России по согласованному графику подписали Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). С 1 января будущего года, после ратификации документа парламентами стран-союзниц, на территории союза будет поэтапно формироваться режим свободного передвижения товаров, капиталов, рабочей силы, услуг, а также будет обеспечен равный доступ к транспортной и энергетической инфраструктуре, будут действовать общие правила таможенно-тарифного регулирования. Ожидается, что к новому интеграционному объединению чуть позже присоединятся Армения и Киргизия. Этот исторический документ ознаменует новый этап экономической интеграции, и создавшийся союз выведет страны-участницы на более высокий уровень интеграции.

В то же время ЕАЭС не единственный случай в своём роде. 7 сентября 2013 г., выступая с речью в Назарба-

ев Университете (Казахстан), председатель КНР Си Цзиньпин предложил Китаю и странам Центральной Азии объединить усилия и создать «Экономический пояс Шёлкового пути» и призвал все страны Евразии уплотнять экономические связи, углублять взаимное сотрудничество, расширять пространство для развития, выбирать новаторскую модель сотрудничества и совместно построить новый «Шёлковый путь».

Можно сказать, что это важное заявление китайского лидера о будущей политике Китая в Евразии и чёткий сигнал к всестороннему экономическому сотрудничеству между Китаем и странами Евразии, а также важное послание о сотрудничестве, переданное странам Центральной Азии и всем регионам вдоль «Шёлкового пути».

Две вышеизложенные идеи достаточно широко обсуждаются в политических и экспертных кругах многих стран, естественно, включая и Китай, и Россию. Среди российских экспертов и учёных пока нет единого мнения о создании «Экономического пояса Шёлкового пути».

Одни считают, что, несмотря на «стратегическое партнёрство», Москва и Пекин являются конкурентами в Евразии. Китай рассматривает создание ЕАЭС как угрозу своим экономическим и геополитическим интересам. И проект создания «Экономического пояса Шёлкового пути» в противовес ЕАЭС позволит усилить китайские позиции в Центральной Азии и замкнуть на себя грузопоток из Юго-Восточной Азии на Европу.

Другие восприняли идею Китая более положительно. По их мнению, Россия и Китай могут начать двусторонний диалог по данному проекту. При желании и умении двух стран договариться экономическая выгода России от его реализации будет несомненна. Кроме того, реализация этого проекта позволит России и Китаю развивать более активное экономическое сотрудничество, затрагивающее не только российские районы Дальнего Востока и Сибири, но и ее европейскую часть.

Ожесточённый спор вокруг двух проектов всё ещё продолжается среди экспертов и учёных.

Так что возникла насущная необходимость понять, почему Китай предложил проект «Экономический пояс Шёлкового пути» именно в тот момент?

В чём заключается суть данного проекта?

Какое соотношение между российским и китайским проектами: конкуренты или партнёры?

Не означает ли, что новые масштабные проекты могут привести к столкновению интересов России и Китая в Евразии?

Если ответ отрицательный, то какие перспективные сферы сотрудничества между ними? Как КНР превратит свою инициативу в реальность?

Ответить на эти вопросы мы постараемся в настоящей статье.

Почему появился проект «Экономический пояс Шёлкового пути»

Для Китая идея создания «Экономического пояса Шёлкового пути» не новая: в течение многих лет руководители Китая неустанно призывали к восстановлению древнего «Шёлкового пути». Ныне председа-

тель КНР Си Цзиньпин впервые выдвинул эту инициативу на официальный уровень. По нашему мнению, для этого имеется ряд причин.

Во-первых, с точки зрения экономического развития и роста расширение регионального экономического сотрудничества – это основной лейтмотив политики Китая в отноше- нии всех регионов, в первую очередь в отношении своих соседей. В 2008 г. глобальный экономический и финансовый кризис нанёс тяжёлый ущерб мировой экономике, хотя Правительство Китая предприняло своевременные антикризисные меры и быстро вышло из кризиса, но экономика Китая, после динамичного 30-летнего роста, начала проявлять признаки усталости. В связи с этим, с одной стороны, Китай всё больше рассматривает нераскрытый потенциал внутреннего спроса менее развитых районов страны – центральной и западной частей (в частности, Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР), который граничит со странами Центральной Азии) как средство для избавления от зависимости экономики от экспорта и для перехода на путь, ориентированный на потребителя. С другой стороны, Китай проводит перестройку экономической структуры и активно ищет новые внешние пути для стимулирования экономического роста. Для Китая страны – участницы Содружества Независимых Государств как близкие соседи и важные партнёры сотрудничества, без всякого сомнения, имеют весьма важное значение и ценность. СНГ обладает значительным природным и экономическим потенциалом.

По оценкам экспертов, страны СНГ располагают 16,3% мировой территории, почти 5% численности населения, 25% разведанных запасов природных ресурсов (в том числе 7% мировых запасов нефти и 40% природного газа), 10% мирового промышленного потенциала [5].

Вообще, благодаря географическим преимуществам «Экономический пояс Шёлкового пути» обладает огромным потенциалом для рынка Китая и будет иметь огромое значение для устойчивого экономического развития Китая.

Во-вторых, с точки зрения безопасности. Территориальные вопросы в Южно-Китайском море привели к нестабильности отношений Китая с Вьетнамом, Филиппинами и другими странами Юго-Восточной Азии, что также рассматривается как повод, подталкивающий Китай обратить внимание на Евразию. Кроме того, американский фактор тоже играет ключевую роль в дестабилизации отношений Китая с соседями. После окончания холодной войны США как единственная сверхдержава в мире стремятся предотвратить любой вызов своему господству. Америка рассматривает крупнейшую социалистическую страну мира – Китай как условного противника и постоянно создаёт и укрепляет так называемые «кольца окружения» Китая, что напрямую отражается на безопасности КНР.

Администрация Б.Обамы выдвинула в ноябре 2011 г. концепцию «тихоокеанского разворота» (*Pacific Pivot*) и объявила о возвращении США в Юго-Восточную Азию, а также о вмешательстве в ситуацию Южно-Китайского моря. Концепция связана с инициативами в торгово-экономи-

ческой и военно-политической сферах. В экономической сфере развитие Транстихоокеанского партнёрства (ТПП) – зоны свободной торговли и инвестиций, стало одним из важнейших приоритетов политики США в АТР.

США уже предприняли значительные усилия для активизации диалога со странами АСЕАН в области экономики и безопасности в рамках программы «Расширенное экономическое вовлечение США – АСЕАН» (*U.S. – ASEAN Expanded Economic Engagement-E3*). В военно-политической сфере «тихоокеанский разворот» связан с дальнейшим и более активным переоснащением сил ВМС и ВВС, развёртыванием системы ПРО в регионе, развитием различных форматов сотрудничества с новыми и старыми региональными союзниками (Япония, Республика Корея) и партнёрами США (Филиппинами, Вьетнамом) в сфере безопасности. С ростом противоречий США и их союзников и партнёров с КНР, в особенности в связи с эскалацией напряжённости вокруг спорных районов Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, а также территориальных проблем в регионе, Китай всё больше ощущает политическое и силовое давление США. Если конфликты на море будут и дальше накаляться, то открытие торгового маршрута через Евразию позволит сократить зависимость Китая от транспортных путей Южно-Китайского моря и Малаккского пролива.

Наконец, исходя из сбалансирования векторов внешних торгово-экономических обменов и сотрудничества, «Экономический пояс Шёлкового пути» позволит Китаю ещё больше открыться в сторону Запада. Однако это не означает его отхода от традиционных восточного и юго-восточного направлений, а нацелено на то, чтобы сбалансировать векторы сотрудничества, не умаляя значения ни одного из них. Кроме того, «Экономический пояс Шёлкового пути» придаст новый импульс развитию экономического сотрудничества с Россией и странами Центральной Азии и продвижению региональной интеграции в рамках ШОС, которая была создана Китаем и странами СНГ.

Шанхайская организация сотрудничества является первой региональной международной организацией с момента образования Нового Китая, которая носит имя китайского города, и ее секретариат находится в Китае.

В Центральной Азии Китай и государства – члены ШОС уже добились значительных успехов в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, транснациональной преступностью, незаконным оборотом наркотиков и в других нетрадиционных областях безопасности.

Однако результаты региональной экономической интеграции не стали пока чем-то особенным.

Китай ещё в 2003 г. предложил программу многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств – членов ШОС, а на второй встрече премьер-министры организации утвердили эту программу, и «до 2020 года государства – члены ШОС будут стремиться к максимально эффективному использованию региональных ресурсов на взаимовыгодной основе, содействию создания благоприятных условий для торговли и инвестиций в целях постепенного осуществления свободного пере-

движения товаров, капиталов, услуг и технологии» [6].

Но торгово-экономические связи государств – членов ШОС в основном пока остаются на двустороннем уровне.

Таким образом, создание «Экономического пояса Шёлкового пути» придаст новый импульс реализации стратегии развития КНР, окажет огромное влияние на процесс экономической интеграции в рамках ШОС, поможет Китаю и далее расширять доступ на рынки СНГ, будет содействовать устойчивому экономическому развитию и создаст условия для формирования зоны свободной торговли в границах стран – членов ШОС. Именно в этом контексте китайский проект «Экономический пояс Шёлкового пути» для Евразии и появился на свет.

«Экономический пояс Шёлкового пути» и ЕАЭС: конкуренты или партнёры?

Евразия никогда не вызывала такое широкое внимание всего мира, как сегодня.

Как сказал Фёдор Лукьянов, «в XXI столетии Евразия всё больше и больше попадает в центр международного внимания, будь то политические перемены, экономические перспективы, ресурсный потенциал, риски и угрозы или дискуссии о наличии моделей национально-государственного строительства, альтернативных западной. …Потенциально Евразия является единым регионом, где могут быть созданы региональные институты и действовать общие правила, и в этом случае он претендует на лидирующую роль в мире, на определение того, какую форму примет глобализация» [7].

Действительно, ведущие державы одна за другой предлагали различные евразийские концепции, включая американский «Новый Шёлковый путь», новый интеграционный проект Путина – Евразийский экономический союз, китайский проект «Экономический пояс Шёлкового пути», южнокорейский проект «Евроазиатская инициатива» и т.д. И здесь, естественно, возникают вопросы: какое соотношение между ними? конкуренты или партнёры (особенно между российским и китайским проектами)? не приведёт ли это к столкновению интересов России и Китая в Евразии?

Чтобы дать ответы, нужно знать, в чём заключается суть каждого из этих проектов.

«Экономический пояс Шёлкового пути», вне всякого сомнения, – это в основном экономический проект, направленный на ускоренное развитие западных провинций Китая и на формирование между государствами региона тесных отношений в экономической, политической и гуманитарной областях. Политика и архитектура строительства «Экономического пояса Шёлкового пути» полностью соответствуют естественной географии и экономическим реалиям региона, одновременно отражая и желание соответствующих стран и народов. Проект географически охватывает Центральную Азию, Южную Азию, Западную Азию и Евразию. Граница с КНР, Центральная Азия, конечно, играет особую роль. Однако это не означает, что Китай считает её особым регионом и будет

проводить в отношении неё специальный политический курс, хотя конкретные формы и проявления политики Пекина в Центральной Азии могут отличаться от его международной деятельности в других регионах. Речь идёт о следующих пяти субрегионах.

Во-первых, пять стран в Центральной Азии, а именно **Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан** и **Туркменистан**, соприкасающиеся с западной границей Китая, имеют сухопутные пути сообщения друг с другом, население многонациональное, а его расселение носит мозаичный характер. Этот регион поддерживает самые тесные экономические связи с Китаем, он является важным поставщиком энергетических и природных ресурсов для Китая, а также главным рынком для инвестиций и китайских товаров.

Страны Центральной Азии, в свою очередь, ценят сотрудничество с Китаем, надеются на развитие местной экономики через сотрудничество с Китаем, который имеет достаточный потенциал, чтобы развивать двустороннее и многостороннее сотрудничество и полностью раскрыть взаимодополняющие преимущества в экономике. Поэтому Центральная Азия очень важный регион в строительстве «Экономического пояса Шёлкового пути».

Во-вторых, **Иран, Ирак, Иордания, Сирия, Саудовская Аравия, Турция** и другие страны в Западной Азии, которые главным образом опираются на производство и экспорт нефтегазовых ресурсов и отличаются относительно развитым энергетическим сектором экономики. Однако перед ними стоит задача ухода от моноструктуры экономики. Эти страны надеются развивать другие отрасли и сельское хозяйство за счёт сотрудничества с Китаем, поэтому этот регион является потенциальным рынком для китайских товаров и идеальным местом для размещения промышленного производства.

В-третьих, **Азербайджан, Грузия, Армения, Украина, Белоруссия, Молдавия**. Эти страны расположены около границы Европы и Азии, у них развитая, но относительно односторонняя структура экономики. Они склоняются к экономической интеграции с ЕС, и сотрудничество с Восточной и Западной Азией для них пока находится на второстепенном месте. Но в будущем они могут повысить статус восточной дипломатии и сотрудничества с Востоком, чтобы получать выгоды и от Запада, и от Востока.

В-четвёртых, **Россия**. Россия частично расположена на «Шёлковом пути» и является составляющей частью экономического пояса. Однако она сама является самостоятельным региональным центром и имеет тесные связи с Центральной Азией, Кавказом и Западной Азией, где обладает особым влиянием. Для строительства «Экономического пояса Шёлкового пути» необходимо учитывать фактор России и формировать естественную стыковку со стратегией России по евразийской интеграции, а также её интересы в Центральной и Западной Азии.

В-пятых, **Афганистан, Пакистан** и **Индия**. Отношения этих трёх стран с центральной зоной «Экономического пояса Шёлкового пути», а именно с Центрально-Азиатским регионом, и их будущее развитие глав-

ным образом зависят от разрешения проблемы в Афганистане. Если там успешно будет продвигаться мирный процесс, то повысятся темпы экономического сотрудничества трёх стран с Центральной Азией. В противном случае этим странам будет достаточно сложно присоединиться к данному экономическому проекту.

Таким образом, эта стратегическая концепция имеет грандиозный размах и охватывает огромную территорию Евразии, отражая идею Китая о развёртывании взаимовыгодного сотрудничества и совместного развития со странами Евразии. Для оформления структуры регионального сотрудничества Китай намерен укреплять политические контакты, развивать транспортные коммуникации, обеспечивать бесперебойную торговлю, укреплять сферу денежного обращения, а также способствовать сближению народов региона.

Основная цель проекта заключается в укреплении экономических связей, углублении взаимодействия и расширения пространства сотрудничества стран Евразии. Его конечная цель – способствовать комплексному экономическому сотрудничеству в Евразии.

Новый интеграционный проект Путина – Евразийский экономический союз тоже имеет свои объективные основы. Создание Евразийского экономического союза необходимо для реинтеграции постсоветского пространства. В контексте развития глобализации и региональной интеграции разные страны и регионы в мире стремятся к своему национальному и региональному развитию. Вступление в региональные интеграционные институты для укрепления экономических связей между странами является неизбежным выбором для продвижения региональной интеграции. Евразийский экономический союз в качестве новой формы интеграции соответствует мировой тенденции. В связи с высокой степенью экономической интеграции и взаимной зависимостью в СССР были сформированы общие инфраструктуры, общее промышленное пространство, общий язык, общее культурное пространство. Эти благоприятные факторы способствуют интеграции и обеспечивают прочную основу и долгосрочное устойчивое сотрудничество в сферах экономики, безопасности, гуманитарной области и др. Поэтому эти страны смогут избежать угрозу маргинализации и укрепить своё влияние в международных и региональных делах. Под влиянием финансового кризиса страны стремятся к региональной интеграции, чтобы противостоять внешним рискам, преодолевать трудности, добиваться экономического подъёма и защищать общие политические и экономические интересы. В целом реализация региональной интеграции соответствует общим интересам государств – членов Евразийского экономического союза.

Таким образом, ЕАЭС является одним из проектов, направленных на содействие региональной экономической интеграции. Кроме того, как отметил В.В.Путин, «Евразийский экономический союз – это открытый проект. Мы приветствуем присоединение к нему других партнёров, и прежде всего стран Содружества. При этом не собираемся кого-либо

торопить или подталкивать. Это должно быть суверенное решение государства, продиктованное собственными долгосрочными национальными интересами» [1].

Это значит, что ЕАЭС действительно будет создан на основе принципов равноправия, суверенитета и добровольности. Новый интеграционный проект Путина обладает немалой привлекательностью в странах СНГ. ЕАЭС призван содействовать евразийской интеграции, и с этой точки зрения создание ЕАЭС представляет собой уникальное «окно возможностей» для других стран Евразии. Осуществление реинтеграции на постсоветском пространстве является одной из стратегических целей России, с чем согласны и другие члены СНГ, особенно страны Центральной Азии, потому что участие в интеграционных процессах отвечает их национальным стратегическим интересам. Например, Казахстан активно выступает за укрепление процесса евразийской интеграции.

Одним словом, интеграционное сотрудничество в Евразии играет важную роль в обеспечении экономического развития, укреплении безопасности и стабильности, способствует формированию в регионе общего экономического и гуманитарного пространства.

С точки зрения логики охват большого географического района и частичное дублирование функций в определённой степени определяют конкурентные отношения между двумя проектами. Тем не менее мы считаем, что их отношения в значительной степени будут зависеть от того, как Россия и Китай договорятся, т.е. китайско-российские отношения добрососедства, дружбы и сотрудничества играют решающую роль в реализации двух проектов. Китайское видение роли России в Центральной Азии абсолютно прозрачно.

Объявляя об открытии экономического пояса, президент Си Цзиньпин заверил, что Китай не стремится к господству в регионе или к созданию там зоны своего влияния. Он призвал к сотрудничеству с Москвой, недвусмысленно дав ей понять о благих намерениях Пекина. У КНР нет оснований выдвигать проекты в ущерб интересам России и нашим двусторонним отношениям, которые Китай высоко ценит. Главная движущая сила проекта – естественное стремление к экономическому сотрудничеству. Географические параметры неизменны. И поэтому Китай и Россия должны выстраивать двусторонний диалог на долгосрочную стратегическую перспективу. Сотрудничество – наилучший из форматов для обеспечения интересов обеих сторон, а конкуренция с прицелом на вытеснение соперника нанесёт ущерб и той, и другой стороне. В интересах обеих стран – иметь дружественного соседа, стабильный регион, надёжного и доброжелательного соседа, близкого экономического партнёра. Пекину и Москве нужно объединить усилия и обеспечить в регионе стабильность, безопасность и процветание. И это отвечает интересам обоих государств.

Благодаря согласованному решению между Китаем и Россией эти два проекта не конкурируют друг с другом, по меньшей мере в обозримом будущем. Такие отношения зависят

от сотрудничества двух ведущих государств и их общей задачи в реализации региональной экономической интеграции в Евразии. Характерно, что в Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия (20 мая 2014 г.) говорится: «Россия считает важной инициативу Китая по формированию «Экономического пояса Шёлкового пути» и высоко оценивает готовность Китайской Стороны учитывать российские интересы в ходе её разработки и реализации. Стороны продолжат поиск путей возможного сопряжения проекта «Экономического пояса Шёлкового пути» и создаваемого Евразийского экономического союза. В этих целях они намерены и дальше углублять сотрудничество между компетентными ведомствами двух стран, в том числе для осуществления совместных проектов по развитию транспортного сообщения и инфраструктуры в регионе» [8]. И российский, и китайский проект предоставляют новые платформы для взаимовыгодного сотрудничества, способствуют дальнейшему обогащению и углублению их двустороннего стратегического партнёрства и взаимодействия. С нашей точки зрения, это полностью соответствует так называемым двум логикам развития китайско-российских отношений:

– *внутренняя логика* – две большие соседние страны должны дружить, а не выступать против друг друга, мы нуждаемся друг в друге, так что стратегическое сотрудничество между двумя странами неизбежно;

– *внешняя логика* – подъём Китая и возрождение России сталкиваются с давлением внешних сил, будь то с идеологической точки зрения или с точки зрения национальных интересов; некоторые западные страны рассматривают Китай и Россию как вызов западному миру и продолжают оказывать на них давление. Китай и Россия должны прилагать совместные усилия для того, чтобы уменьшить свои собственные расходы по возрождению.

Россия считает, что Евразийский экономический союз сыграет важную роль на международной арене, поэтому её новые идеи и инициативы не могут обойтись без поддержки Китая. В настоящее время она уже выдвинула новую стратегию подъёма.

Китай и Россия совместными усилиями будут способствовать формированию нового международного политического и экономического порядка. XXI в. будет веком Азиатско-Тихоокеанского региона, политический и экономический центр мира уже переместился туда. Путин намерен направить Российскую Федерацию по пути современного развития и наращивать участие в региональных интеграционных процессах в целях содействия ускоренному социально-экономическому развитию регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Китай на сегодняшний день вполне может стать источником оживления экономики как для России, так и для масштабной интеграции в рамках ЕАЭС. Тем более что в Китае есть накопленный полезный опыт взаимодействия с Европейским союзом, АСЕАН и другими региональными структурами, который будет весьма

выгоден для всех заинтересованных сторон.

Только взаимовыгодное сотрудничество и совместные усилия всех стран региона позволят всем занять достойное место в сложном мире XXI в., особенно в период, когда происходят глубокие преобразования международного ландшафта, сопровождающиеся волнениями в сферах экономики, политики и международных отношений.

Перспективные сферы сотрудничества и китайская политика ближайшего будущего

В обозримом будущем перспективные сферы сотрудничества между «Экономическим поясом Шёлкового пути» и ЕАЭС возможны по двум уровням.

На *государственном уровне* сотрудничество главным образом направлено на следующие сферы: энергетика, транспорт, торгово-экономическое сотрудничество, наука, техника и культура, инфраструктура и коммуникация.

На *региональном уровне* – экономика и торговля, сельское хозяйство, наука и техника, гидроэлектроэнергетика, региональное сотрудничество вдоль «Экономического пояса Шёлкового пути».

Это касается, в частности, СУАР, так как этот район имеет много общего в культуре, религии, вероисповедании со странами региона. К тому же СУАР обладает большим преимуществом в сфере гуманитарного сотрудничества.

При нынешних обстоятельствах Китай должен воспользоваться возможностью, чтобы превратить свою инициативу в реальность.

Во-первых, следует и дальше поддерживать активный дипломатический курс и прочные отношения с Россией, устранять настроение настороженности и психологического сопротивления с её стороны.

Среди государств Евразии Россия, несомненно, является наиболее важной страной для Китая. После распада Советского Союза отношения между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой развиваются на принципах дружбы, конструктивного стратегического партнёрства и движутся к всестороннему стратегическому партнёрству. Главы России и Китая высоко оценили отношения между своими странами, которые служат примером сотрудничества между крупными государствами, поэтому развитие китайско-российских отношений имеет большое значение как для региона, так и для всего мира. Этим объясняется тот факт, что в политике Китая Россия занимает самое важное место, и развитие отношений с ней будет крайне полезным для КНР.

Практика показывает, что, так как Китай рационально установил отношения стратегического партнёрства и взаимодействия с Россией, последняя сыграла весьма конструктивную роль в определении государственной границы на северо-западе Китая, в создании Шанхайской организации сотрудничества и в других вопросах.

Центральная Азия является традиционной сферой влияния России и стратегически влияет на укрепление её статуса великой державы. Евразия является приоритетным направ-

лением внешней политики Российской Федерации, и Россия не позволяет внешним силам вторгаться в этот чувствительный для себя район. Китай в последние годы усилил торгово-экономическое сотрудничество со странами СНГ, что вызвало настороженность российской стороны. Поэтому КНР обязана проводить активную всестороннюю политику для создания системы международной координации и достижения консенсуса стран, охваченных данным проектом, надлежащим образом разрешать проблемы, устранять их неблагоприятные последствия и продолжать совершенствовать механизм взаимного доверия. Если стороны смогут это реализовать, то строительство «Экономического пояса Шёлкового пути» достигнет успеха.

Во-вторых, необходимо и дальше усиливать экономическое сотрудничество со странами Центральной Азии.

Экономическое сотрудничество является основой для создания «Экономического пояса Шёлкового пути», а общенародное и социальное понимание – стимулом. Как отметил в своём выступлении на заседании Совета глав государств – членов ШОС в Киргизии председатель КНР Си Цзиньпин, надо усиливать гуманитарные обмены и народные связи, заложить прочную общенародную и социальную основу для развития сотруднинчества в «Экономическом поясе Шёлкового пути». За счёт экономического сотрудничества можно содействовать развитию всех заинтересованных стран.

На данный момент страны региона реагируют на китайскую инициативу положительно, поскольку причин ей препятствовать не существует. В экономической плоскости уровень участия и поддержки проекта странами Центральной Азии будет зависеть от того, насколько выгодны им станут его отдельные компоненты. Следует отметить, что в настоящее время экономические отношения между КНР и странами Центральной Азии настолько глубоки, что Китай становится для них одним из наиболее значимых торговых партнёров, инвестором и финансовым спонсором.

Согласно официальной статистике, в 1992 г., когда были установлены дипломатические отношения между Китаем и пятью странами Центральной Азии, совокупный товарооборот Китая с этим регионом составил лишь 460 млн долл. Спустя 20 лет (в 2012 г.) этот показатель достиг почти 46 млрд долл., увеличившись в 100 раз [9].

С развитием экономических связей с Центральной Азией Китай займёт ещё более важное место в экономическом развитии этого региона. Поэтому экономической сфере Китаю необходимо уделять особое внимание.

Наконец, необходимо использовать базу ШОС для создания «Экономического пояса Шёлкового пути».

ШОС стала мощной региональной организацией и имеет большой международный вес. Китай должен воспользоваться этой возможностью, чтобы максимально использовать многосторонние механизмы консультаций, разработать разумные правила игры, включить Китай и Россию в многосторонние механизмы для снижения настороженности и укрепления взаимного доверия между странами-участницами. Следует шире использовать площадку

ШОС, действуя на основе взаимной выгоды, развивать сотрудничество со странами, заинтересованными в совместном создании «Экономического пояса Шёлкового пути». В результате все стороны смогут получить выгоды от этого сотрудничества, сформировать общность интересов и ослабить психологическую настороженность.

Таким образом, на данном этапе темпы Китая по созданию «Экономического пояса Шёлкового пути» не должны быть слишком быстрыми, в противном случае его политика будут обречена на провал. Для начала необходимо взяться за экономику, постепенно укреплять общенародное и социальное понимание, шире использовать многосторонние механизмы, укреплять роль Шанхайской организации сотрудничества, устранять настроение враждебности России к китайской политике и добиваться максимального успеха при минимальных издержках.

Примечания

1. *Путин В.* Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября.
2. URL: http://kremlin.ru/acts/15256
3. Послание Президента РФ В.В.Путина Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2013 г. // URL: http://www.rg.ru/2013/12/12/poslanie.htm
4. Концепция внешней политики Российской Федерации // URL: http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f
5. Доклад Национального экономического совета «Экономическое сотрудничество – фактор интеграции стран СНГ». Екатеринбург, 2004. С. 9.
6. О Программе многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств – членов Шанхайской организации сотрудничества // Региональное экономическое сотрудничество Шанхайской организации сотрудничества // URL: http://www.sco-ec.gov.cn/crweb/scor/info/Article.jsp?a_no=721&col_no=67
7. *Лукьянов Ф.* Евразийская интеграция не по-нашему // РГ. 2013. № 6237. 20 ноября.
8. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия. 20 мая 2014 года // URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1642
9. Эксперты: Концепция создания «экономического коридора вдоль Великого шёлкового пути» послужит движущей силой для комплексного сотрудничества в Евразии // По материалам Агентства Синьхуа. 2013. 24 октября.

Афганистан: вчера, сегодня, завтра

К 35-летию ввода советских войск в Афганистан

Анатолий Исаков
Денис Филиных

Афганистан – важный исторический узел противоречий между государствами

Афганистан – древняя центральноазиатская страна, занимающая площадь 662 тыс. кв. км с населением около 19 млн чел. Он расположен на пересечении путей, ведущих из Индии в Иран и из Пакистана в республики Средней Азии.

Афганистан всегда был узлом противоречий сильных держав мира.

Историческая справка

Прошлое этой страны складывалось так.

Первые люди появились на территории Афганистана около 5000 лет назад, и сельские общины этого региона были одними

ИСАКОВ Анатолий Исаакович – доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, независимый эксперт. *E-mail:* anatoly2010@gmail.com

ФИЛИНЫХ Денис Васильевич – независимый эксперт по центральноазиатским странам. *E-mail:* fillinx@mail.ru

Ключевые слова: саурская революция, ограниченный контингент советских войск, «Талибан», операция «Несокрушимая сила», вывод Международных сил безопасности.

из первых в мире. Между 1800 и 800 годами до н.э. иранское царство Ахеменидов включило Афганистан в состав Персидской империи. Но в 330 г. до н.э. империя Ахменидов пала под ударами Александра Македонского, и Афганистан вошел, правда, ненадолго, в состав его империи. После распада империи Александра Македонского Афганистан стал частью государства Селевкидов, контролировавших регион до 305 г. до н.э. Доминирующей религией в регионе стал буддизм.

Затем регион стал частью Греко-бактрийского царства, которое просуществовало до 125 г. до н.э.

В I в. н.э. Афганистан покорила Парфянская империя, а затем здесь обосновалась Кушанская империя. Но кушаны в III в. были разбиты Сасанидами. На смену им пришли эфталиты, создавшие в регионе в первой половине V в. свое государство. В 557 г. они были разбиты царём Хосровом I и войсками Тюркского каганата. Однако эфталитам всё же удалось создать небольшое государство – Кабулистан, которое в VII в. было захвачено арабами. Они принесли на территорию Афганистана свою культуру и религию – ислам, который довольно медленно прививался в регионе.

В I в. в страну из Средней Азии пришли тюрки. На территории Афганистана возникла Газневидская империя (со столицей в Газни), включающая в себя части Ирана, Средней Азии и Индии. В XII в. усилилась местная афганская династия Гуридов, объединившая под своей властью Афганистан и соседние территории, но в начале XII в. держава Гуридов была покорена Хорезмом.

В середине XII в. регион подвергся вторжению монгольских войск Чингисхана, и Афганистан оказался в составе Монгольской империи. На территории образовалось вассальное государство Куртов. Во второй половине XIV в. Афганистан входил в состав империи Тимура, а после его смерти здесь правили Тимуриды, из которых наиболее известен правитель Кабула Бабур, основавший империю Великих Моголов. В XV–XVII вв. за территорию Афганистана вели борьбу Иран и империя Великих Моголов.

В XVIII в. территория Афганистана входила в состав Персидской империи (династии Сефевидов). После ослабления Персии и нескольких восстаний афганцы сумели создать независимое княжество – Кандагарское и Гератское, которое находилось под властью Пуштунской династии Хотаки. В 1722 г. афганские войска предприняли поход на Персию и даже захватили её столицу – Исфаган, однако затем потерпели поражение от Надиршаха, который временно захватил Афганистан, но после его гибели (1747 г.) страна превратилась в Дурранийскую державу во главе с её создателем – военным предводителем Ахмад-шахом Дурра-

ни. Она стала первым единым афганским государством. Однако при его преемниках империя распалась на ряд самостоятельных княжеств – Пешаварское, Кабульское, Кандагарское и Гератское.

Начиная с XIX в., благодаря своему стратегическому положению, Афганистан становится ареной борьбы между двумя мощными державами того времени – Британской и Российской империями. Эта борьба получила название «Большой игры». Для контроля над Афганистаном Британская империя провела серию войн, но 9 августа 1919 г. была вынуждена признать независимость Афганистана. Это же сделала РСФСР.

В 1921 г. в Кабуле был подписан Договор о дружбе между РСФСР и Афганистаном, который вошёл в историю как первый равноправный договор с великой державой. Во время Второй мировой войны, несмотря на попытки Германии и Турции привлечь на свою сторону Афганистан, он сохранил нейтралитет.

В послевоенные годы Советский Союз тесно сотрудничал с Афганистаном в экономической, военной и культурной областях. Тысячи афганских специалистов получили образование в СССР.

Под влиянием мировых общественно-политических процессов в конце 60-х годов XIX в. в Афганистане началась политизация общества. Появились политические партии, общества, движения. Одной из первых в 1965 г. стала Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА) социалистической ориентации, с её соперничающими группировками – «Хальк» (народ, левые) и «Парчам» (умеренные либералы, правые). Тон в политической жизни страны стали задавать интеллигенция, студенты, армейские офицеры, немногочисленный рабочий класс.

Всё больше стала проявляться тяга Афганистана к Советскому Союзу – как примеру серьёзных социально-экономических преобразований. В свою очередь, возрос интерес к Афганистану и в СССР.

В такой обстановке опальный генерал Мохаммад Дауд, опираясь на поддержку офицеров, симпатизирующих НДПА, воспользовавшись отсутствием в стране короля Мохаммеда Захир-Шаха, в ночь на 17 июля 1973 г. совершил военный переворот и захватил власть. Но, сделав несколько шагов по пути демократизации общества, М.Дауд уже 27 июля фактически приостановил действия Конституции 1964 г. Запретил деятельность всех политических партий, включая НДПА, и ввёл военное положение. В последующем (1974–1985 гг.) он начал массовое подавление прогрессивных сил и объявил о введении в Афганистане однопартийной системы.

К апрелю 1978 г. обстановка в стране обострилась. М.Дауд, видя рост авторитета НДПА, стремился всячески её ослабить. Более того, в ночь на 26 апреля 1978 г. он арестовал нескольких лидеров НДПА (Н.Тараки, Б.Кармаля, А.Ратебзад, И.Нура). Оставшиеся на свободе лидеры партии А.Кадар и А.Ватенджар 27 апреля совершили военный переворот (по оценке афганцев – революцию), ликвидировали М.Дауда и его брата Наима, отменили Конституцию 1977 г. и объявили о переходе

власти к НДПА. Афганистан был провозглашён Демократической Республикой (ДРА), высшим органом законодательной власти стал Революционный совет, а высшим исполнительным органом Демократической Республики Афганистан – правительство. Председателем Революционного совета и одновременно премьер-министром стал генеральный секретарь ЦК НДПА Н.Тараки, его заместителями – Х.Амин и Б.Кармаль.

Сотрудничество «Халька» и «Парчима» продолжалось недолго. У них были различные взгляды на дальнейшее развитие республики: хальксисты настаивали на радикальных преобразованиях в обществе, парчамисты предлагали более гибкий и осто- рожный подход в проведении реформ. Уже в мае 1978 г. Н.Тараки и Х.Амин обратились с просьбой к Советскому Союзу о создании в Кабуле постоянного представительства КГБ СССР при органах безопасности ДРА. Несколько позже между СССР и ДРА было подписано соглашение о командировании в Афганистан советских военных советников, а затем о поставке в ДРА боевой техники и вооружения. Это отвечало интересам обоих государств. К этому времени сотрудничество между двумя группировками НДПА закончилось.

Н.Тараки вместе с Х.Амином стали постепенно выдавливать сторонников Б.Кармаля с руководящих постов в НДПА и правительстве, многие из которых были уволены со своих постов или направлены за рубеж на дипломатическую работу. Были сняты с должностей и арестованы видные военные деятели во главе с начальником генштаба А.Шапуром.

В первой половине 1979 г. обстановка в ДРА продолжала осложняться. Оживились оппозиционные племена. Мусульманское духовенство усилило антиправительственную агитацию. Н.Тараки и Х.Амин начали искать поддержку у Ирана и Пакистана, не забывая об усилении контактов с США. Но после убийства афганскими террористами американского посла А.Доббса американское присутствие в Афганистане было сокращено, прекратилось оказание экономической и технической помощи. К единоличной власти стал рваться Х.Амин, который занял пост главы правительства и всячески ограничивал влияние сторонников Н.Тараки.

Советский Союз не остался в стороне от этих событий. Он конспиративно вывез из Афганистана несколько видных деятелей НДПА, которым грозила расправа со стороны Х.Амина (А.Ватанджара, С.Гулябзоя, А.Сарвари), а также усилил в ДРА аппарат военных советников и органов безопасности (группа «Зенит»).

Когда в марте 1979 г. в Герате вспыхнул военный мятеж афганской оппозиции, руководство ДРА обратилось к Советскому Союзу за военной помощью. Руководство СССР пошло навстречу Афганистану и развернуло на афганско-советской границе две мотост релковые дивизии, а также начало поставку в ДРА боевой техники, оружия и боеприпасов.

Между тем разногласия между Х.Амином и Н.Тараки разрастались. При этом Х.Амин всячески стремился дискредитировать Н.Тараки как руководителя страны. Попытки СССР примирить их закончились неудачей. 15 сентября 1979 г. Н.Та-

раки был отстранён от власти, а затем и уничтожен. Председателем Революционного совета и главой правительства был избран Х.Амин.

В дальнейшем курс Х.Амина сопровождался усилением репрессий.

В сентябре-октябре 1979 г. в Афганистане были уничтожены без суда и следствия более 60 членов НДПА, военнослужащих и других лиц, заподозренных в антиаминовских настроениях. Раскол в НДПА обострился.

В отношениях с СССР Х.Амин продолжал двойную игру: с одной стороны, он ратовал за расширение сотрудничества с СССР, а с другой – поощрял антисоветские настроения, всё более сближаясь с США.

Афганистан под руководством Х.Амина постепенно превращался в очаг напряжённости и источник постоянной нестабильности в регионе.

Видя стремление Х.Амина к перемене политической ориентации и решительному подавлению оппозиции, советское руководство продолжало, с одной стороны, через своих представителей в Афганистане вести активную работу с ним, а с другой – разрабатывало планы, как в случае его отхода от наметившихся в стране демократических преобразований помочь здоровым силам страны, в том числе находящимся в эмиграции, установить в Афганистане порядок, способствующий его развитию по демократическому пути.

Советское руководство, желая прекратить репрессии и не допустить окончательного разгрома НДПА, посчитало, что единственным возможным изменением обстановки в стране является ввод в Афганистан советских войск с одновременным отстранением от власти Х.Амина.

В свою очередь Х.Амин, видя критическое положение, в середине декабря 1979 г. стал решительно настаивать на вводе советских войск в Афганистан для сохранения собственного режима за счёт вооружённого подавления оппозиции. Советское руководство, преследуя свои цели, откликнулось на просьбу Х.Амина как главы государства и 25 декабря 1979 г. начало ввод советских войск в Афганистан по суше и воздуху.

27 декабря части спецназа КГБ и МО СССР провели операцию «Шторм-333», в ходе которой, захватив ключевые объекты в Кабуле, в том числе дворец Тадж-Бек, ликвидировали Х.Амина. Это позволило создать в Афганистане новое демократическое правительство во главе с вернувшимся из эмиграции Б.Кармалем. В это время советские войска (4 мотострелковые и одна воздушно-десантная дивизии) вышли в назначенные районы, разместились в полевых лагерях и были объединены в составе 40-й общевойсковой армии, которая приступила к выполнению задач по обеспечению общественного порядка в стране и подавлению противников нового правительства.

Интересно отметить широкий разброс мнений по целям ввода в Афганистан советских войск. Одни политологи и учёные утверждают, что ввод войск преследовал цель закрепления в стране новой власти, сохранения в ней демократических порядков и сдерживания попыток вооружённой оппозиции помешать преобразованиям в Афганистане. Другие эту цель толкуют расширительно, вплоть до обеспечения проведения в стране социалистических преобразований (такая попытка в

действительности была). Такие учёные, как В.Христофоров, В.Галицкий, В.Топорков, говорят о том, что ввод советских войск в Афганистан преследовал ограниченную цель – сохранение власти в стране под руководством Б.Кармаля, одного из основателей НДПА (фракция «Парчам»); создание условий для строительства объектов экономики, транспортной и социальной инфраструктуры; силовое подавление вооружённой оппозиции; помощь в подготовке в стране на новой основе вооружённых сил, органов государственной и общественной безопасности.

За годы пребывания советских войск в Афганистане (1979–1989 гг.) указанные цели, несмотря на ряд крупных ошибок и просчётов, были достигнуты. Но это далось СССР дорогой ценой. Он понес миллиардные расходы в материальных средствах и значительные людские потери – 15 тыс. убитых, умерших от ран и болезней, погибших в катастрофах, более 60 тыс. раненых. Пропали без вести и оказались в плену 417 советских военнослужащих.

В то же время Афганистан значительно укрепил свои позиции в экономическом, политическом и военном отношениях, стал страной, способной к дальнейшим преобразованиям.

Возрос авторитет органов власти, укрепились силовые структуры (они в 1989 г. насчитали: в армии 165 тыс. чел., Министерстве внутренних дел – 97 тыс. чел., Министерстве госбезопасности – 57 тыс. чел.). Отмечались успехи в области образования (количество неграмотного населения с 1979 г. до 1989 г. уменьшилось на 20%).

Не случись распада Советского Союза в 1991 г., эта страна могла бы к настоящему времени достигнуть более значительных результатов во всех сферах. А она, к сожалению, очутилась перед лицом новых политических и социальных потрясений.

Политическая нестабильность режима Наджибуллы привела к глубочайшему кризису. Начался развал госаппарата и политической системы. Афганская армия превратилась в деморализованную толпу, расколотую борьбой офицерского корпуса, приверженцев фракций «Хальк» и «Парчам». Под контролем оппозиции оказывались всё новые и новые районы. В марте 1992 г. перешёл на сторону оппозиции командир 53-й пехотной дивизии Р.Дустам, создавший политическую организацию «Национальное исламское движение Афганистана». Руководство Минобороны установило контакт с одним из лидеров оппозиции – Г.Хекматьяром. В этих условиях вооруженные отряды оппозиции стремительно приближались к Кабулу и 16 апреля 1992 г. вступили в столицу. Наджибулла был отстранён от власти и взят под защиту миссии ООН.

Афганистан был провозглашён исламским государством и сформировано новое правительство во главе с Б.Раббани, но оно и полевые командиры не смогли навести должного порядка в стране и не придавали значения появлению в 1994 г. на афганской политической сцене новой силы – исламского движения «Талибан», основу которого составляли этнические пуштуны. Целью «Талибана» было восстановление мира, разоружение прежней армии, установление законов шариата и обеспечение единства исламского Афганистана. Его поддерживали Пакистан и Сау-

довская Аравия. Поэтому популярность талибов быстро росла, и в сентябре 1996 г. они заняли Кабул, жестоко расправились с Наджиббулой и провозгласили образование Исламского Эмирата Афганистана (ИЭА) во главе с их лидером – Муллой Омаром.

Талибы провели ряд этнических чисток, подвергли репрессиям немусульманское население страны, дали приют лидеру «Аль-Каиды» Усаме бен Ладену и продолжили политику дальнейшей изоляции страны, став настоящим прибежищем международных террористов.

Воспользовавшись непопулярностью руководства талибов, их поддержкой международного терроризма, США и НАТО после совершения в США террористического акта (7 октября 2001 г.) начали операцию «Несокрушимая свобода». Её целью стала не только ликвидация международных террористов, но и изменение социально-политического статуса Афганистана.

Подавив вооружённое сопротивление талибов, США и их союзники 22 декабря 2001 г. привели к власти правительство во главе с Х.Карзаем. Но борьба с талибами продолжилась. К ней в 2003 г. подключились и подготовленные американцами правительственные войска.

9 декабря 2004 г. состоялись выборы президента Афганистана. Им стал сторонник США и НАТО Х.Карзай. Через 5 лет, 20 августа 2009 г., в Афганистане состоялись очередные выборы, на которых в соперничестве с бывшим министром иностранных дел А.Абдуллой вновь победил Х.Карзай. Несмотря на присутствие в Афганистане военных контингентов США и НАТО, страну захлестнула коррупция, акты саботажа, неповиновение властям. Стал назревать очередной политический кризис. А талибы вновь вышли на арену политической и вооружённой борьбы.

В такой напряжённой и сложной обстановке в апреле 2014 г. в Афганистане состоялись очередные президентские выборы, в которых, по конституции страны, Х.Карзай не участвовал. На пост президента претендовали А.Адбулла и А.Ахмадзай – молодой политический функционер. Но ни один из них тогда не набрал более половины голосов, и на июнь 2014 г. был назначен второй тур выборов, на которых победил А.Ахмадзай.

Еще не зная результатов второго тура голосования, президент США Б.Обама 25 мая 2014 г. посетил с однодневным визитом Афганистан, где имел встречу с обоими претендентами на президентский пост.

По сообщениям западных СМИ, проговаривались вопросы сотрудничества США с новой главой государства накануне вывода из Афганистана Международного воинского контингента и оставления в стране только около 10 тыс. военнослужащих для «завершения подготовки вооружённых сил Афганистана к выполнению своих функций в новых условиях».

Таким образом, чётко прослеживается стремление американцев следовать давно сложившейся традиции «уходя из страны, оставаться в ней».

Туманные перспективы

Что ждёт Афганистан завтра? Об этом в последнее время, не переставая, спорят политологи и аналитики.

Наиболее интересны две точки зрения. Одна сформулирована группой политологов Гарвардского университета (США), а другая – ответственным руководителем одного из главных управлений ГШ МО России генерал-лейтенантом И.Сергуном.

Так, американские аналитики после избрания нового президента Афганистана, таджика А.Абдуллы, тяготеющего к Ирану, заявили, что они видят Афганистан завтра как исламское демократическое государство, где значительную роль будут играть талибы как традиционное националистическое ядро афганской оппозиции, исключающие какое-либо иностранное давление на страну, но рассчитывающие на поддержку Пакистана и Саудовской Аравии. Однако они забывают, что в истории этой страны никогда не было сколько-нибудь значительного периода, когда она не подвергалась бы иностранному вмешательству, если не оккупации. Таково геополитическое положение Афганистана как узла противоречий между государствами за господство в Центрально-Азиатском регионе.

При этом американцы делают упор на то, что XXI в. развитие Афганистана будет происходить под непосредственным влиянием Соединённых Штатов Америки. Видимо, они рассчитывают на результат своего почти 14-летнего пребывания в этой стране, когда они создали себе определённые позиции в руководстве страны, армии, системе безопасности, полиции, экономике, образовании и был в определённой степени ослаблен «Талибан».

Небезынтересна такая деталь. Одержавший победу во втором туре президентских выборов в Афганистане (14 июня 2014 г.) Ахмадзай большую часть жизни провёл за границей.

Получив университетское образование в США, он затем преподавал в американских вузах и долгое время работал во Всемирном банке. Возвратившись в Афганистан, он несколько лет возглавлял министерство финансов, а в последнее время являлся главой Переходного координационного совета, занимавшегося передачей политической власти от оккупационной администрации национальным афганским структурам. Ко всему этому следует добавить, что Ахмадзай имеет американское гражданство и не собирается менять его на афганское.

Поэтому результаты второго тура избрания президента вызвали в стране массовые протесты и создали угрозу возникновения новой гражданской войны.

Мнение российской стороны о будущем Афганистана прозвучало в выступлении генерал-лейтенанта И.Сергуна на III Московской конференции по международной безопасности (23–24 мая 2014 г.).

Генерал-лейтенант И.Сергун в своём выступлении сообщил о результатах моделирования трёх наиболее вероятных путей развития военно-политической обстановки в Афганистане, а также хода и перспектив завершения вывода Международных сил безопасности с афганской территории.

Основываясь на всестороннем анализе военно-политической обстановки в Центрально-Азиатском регионе можно констатировать, что ситуация в Афганистане будет развиваться по следующим основным направлениям:

– сохранение текущей расстановки внутриполитических сил при ог-

раниченном иностранном военном присутствии;

– захват власти исламским движением «Талибан»;

– распад Афганистана на национальные анклавы.

Расчёты показывают, как заявил генерал-лейтенант И.Сергун, что вероятность сохранения текущей расстановки внутриполитических сил в Афганистане, т.е. развитие страны по первому варианту, составит 0,39, по второму – 0,27 и по третьему – 0,31.

Что касается вариантов возможного сокращения иностранного военного присутствия в Афганистане, то здесь, по словам И.Сергуна, обстоятельства могут сложиться так, что к 2014 г. США и их союзники вряд ли сумеют вывести 40 тыс. личного состава, 40 тыс. бронетанковой и автомобильной техники, около 300 вертолётов и другое имущество. Поэтому этот срок может быть продлён до 2017 г., а если будут нарушены коммуникации (а это вполне возможно), этот период сможет растянуться до 2018–2020 гг. В случае обострения обстановки в Пакистане и закрытия южного маршрута полный вывод может быть завершён не ранее 2022 г.

Несмотря на громкие политические заявления, Соединённые Штаты не смогут завершить вывод войск из Афганистана до конца 2014 г. В этих условиях американская администрация будет вынуждена развернуть очередную информационную кампанию, направленную на убеждение мирового сообщества, и прежде всего населения США, в необходимости корректировки планов присутствия в Афганистане. Поводом для этого может послужить и якобы обостряшаяся внутриполитическая обстановка в этой стране в результате активизации деятельности талибов.

Генерал-лейтенант И.Сергун считает, что военное присутствие США в Афганистане сохранится как минимум до 2024 г., однако это не окажет значительного влияния на снижение боевого потенциала вооружённой оппозиции, а «Талибан» по-прежнему будет являться главным источником угрозы стабильности в Центрально-Азиатском регионе.

У авторов статьи есть несколько соображений о будущем Афганистана.

Первое. В обозримом будущем Афганистан из-за социальной и экономической отсталости и низкого культурного уровня населения вряд ли сможет рассчитывать на свои собственные силы. Потребуется серьёзная подпитка извне со стороны иностранных государств. Здесь основную роль могут сыграть Соединённые Штаты Америки, Пакистан и Саудовская Аравия.

Второе. В настоящее время Афганистан нуждается в серьёзных социальных преобразованиях, без которых немыслимо дальнейшее развитие страны. На повестку дня должен быть поставлен вопрос о ликвидации остатков феодальных отношений в сельском хозяйстве, ликвидации извечных междоусобиц и укреплении президентской власти. «Впрыгнуть» в социализм Афганистану не удастся. Об этом говорит опыт такой попытки в 80-х годах XIX в.

Третье. Дальнейшее развитие Афганистана в значительной степени будет зависеть от отношения к нему соседних стран – Пакистана и Ирана, и конечно, России и Соединённых Штатов Америки, которые

явно заинтересованы в сохранении в этой стране лояльного по отношению к ним режима. Не сказали своего последнего слова по отношению к Афганистану и такие страны с более чем миллиардным населением, как Китай и Индия. Поэтому Афганистан в ближайшее время будет продолжать ощущать влияние указанных государств, особенно в сфере экономики, финансов, образования и т.д.

Четвёртое. Для достижения позитивных шагов в своём развитии Афганистан должен в кратчайшее время покончить с производством и торговлей наркотиками.

Как сообщил 27 мая 2014 г. на заседании Международного координационного штаба ОДКБ в Душанбе директор Федеральной службы России по контролю за оборотом наркотиков В.Иванов, в Афганистане сейчас посевные площади опиумного мака достигли 250 тыс. га, в стране производится 90% героина в мире.

Только за время правления в Афганистане талибов (1994–2001 гг.) производство героина по сравнению с 1985 г. увеличилось в 8 раз, а за время проведения США и НАТО в Афганистане операции «Несгибаемая воля» (2001–2013 гг.) – в 30 раз.

Он также подвёл итоги недавней антинаркотической операции «Канал – Южный капкан», во время которой изъято 12,5 т наркотиков, из них более 10 т афганского происхождения, 900 кг гашиша, 250 кг героина, 19 кг синтетики и около 700 кг марихуаны.

Естественно, такое положение нельзя признать нормальным, и мировое сообщество должно принять все от него зависящие меры для сокращения производства наркотических средств, а затем и его прекращения вообще.

Выводы

1. Афганистан занимает важное географическое положение в Центрально-Азиатском регионе и поэтому на протяжении веков остаётся стратегическим узлом противоречий между государствами, преследующими здесь свои военно-политические и экономические интересы.

2. Страна в силу ряда объективных и субъективных причин значительно отстала от других государств мира в своём социально-экономическом развитии и нуждается в существенной экономической, финансовой, культурной и военной помощи со стороны развитых стран, без кардинального вмешательства их в его внутренние дела.

3. Афганистан в ближайшем будущем останется исламской республикой, где руководящую роль будет занимать исламская национальная организация «Талибан», которая весьма чувствительно относится к иностранной помощи, включая Соединённые Штаты Америки.

4. Афганистану на пути своего развития, возможно, придётся преодолеть очередное военное вмешательство в свои дела иностранных государств, ликвидировать внутренние разногласия, оживить экономику, активизировать разработку полезных ископаемых, поднять образовательный и культурный уровень населения, укрепить государственный аппарат, органы безопасности и полицию.

К сотворчеству российской дипломатии и науки*

Евгений Кутовой

Преамбула

Окружающий мир меняется на наших глазах стремительно, испытывая на себе воздействие масштабных перемен политического, социально-экономического, научно-технологического плана. Мировая панорама формируется под влиянием мощного потока усложняющихся глобальных, региональных и иных проблем, пронизывающих систему международных отношений и мирохозяйственных связей. На политической арене мира мы всё чаще становимся свидетелями новых явлений и тенденций, которые, в отличие от прошлого, протекают в сжатые сроки, прибавляя динамизма глобальной системе международных отношений, переживающей этап сложнейшей многоплановой трансформации.

Достижения научно-технической революции становятся всё более востребованными. Новейшие открытия в области фундаментальных наук, ракетных и космических технологий проложили человечеству путь в космос. С выходом человека в космос в рамках международного права начало формироваться космическое

КУТОВОЙ Евгений Георгиевич – профессор, доктор исторических наук (Дипломатическая академия МИД России). *E-mail:* ekutovoy1@yandex.ru

Ключевые слова: международные отношения, дипломатическая деятельность, взаимодействие дипломатов и учёных.

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 14-01-00324 «Пути взаимодействия дипломатии и науки в деле повышения эффективности внешней политики и дипломатической деятельности России».

право, заложившее основы для исследования и использования космического пространства в мирных целях. Развитие глубоководных морских технологий позволило приступить к исследованию и добыче ранее не доступных человечеству минеральных ресурсов на дне морей и океанов. Хозяйственное освоение морских и океанских просторов дало толчок разработке и кодификации принципов и норм морского права. Прорыв в области информационно-компьютерных технологий революционизирует мировую экономику, содействует сближению государств и народов.

XX в. отвёл учёному достойное место в обществе и политике. После Второй мировой войны учёные с мировым именем выступили за демократизацию международных отношений. Они были в первых рядах тех, кто, опираясь на результаты научных исследований о влиянии радиации на здоровье людей, призывал к прекращению ядерных испытаний и запрещению ядерного оружия.

Важную роль в сближении учёных государств Востока и Запада в послевоенный период сыграли Пагуошское движение, инициаторами которого были А.Эйнштейн, Ф.Жолио-Кюри, Б.Рассел, Дартмутские встречи, другие научные форумы. Участники этих форумов, на которые приглашались представители внешнеполитических ведомств ведущих государств, обсуждали актуальные вопросы международной безопасности, ограничения гонки вооружений, прекращения ядерных испытаний.

В неофициальной обстановке рассматривались некоторые идеи, ставшиеся впоследствии предметом ответственных межгосударственных переговоров.

Критическая масса встающих сегодня перед человечеством проблем, с одной стороны, побуждает мировое сообщество предпринимать шаги, ориентированные на укрепление полицентричной системы международных отношений. При содействии ООН утверждаются, хотя и не без труда, принципы верховенства международного права, уважение демократических норм и коллективных начал. С другой стороны, человечество всё больше сталкивается с новыми трансграничными угрозами и вызовами. В их числе: опасность расползания по миру ядерного оружия, терроризм и трансграничная организованная преступность, нарастающие миграционные потоки, наркотрафик и наркомания, распространение опасных эпидемий типа Эболы, деградация окружающей среды. Источником опасности являются неурегулированные межгосударственные и межэтнические конфликты. Все эти угрозы и вызовы так или иначе проецируются на политическую и социально-экономическую обстановку современного мира.

Выступая на совещании послов и постоянных представителей России 1 июля 2014 г., Президент России В.В.Путин отмечал: «На карте мира появляется всё больше регионов, где обстановку хронически лихорадит. От дефицита безопасности страдают Европа, Ближний и Средний Восток, Южная Азия, Азиатско-Тихоокеанский регион, Африка. Проявляются системные дисбалансы в мировой экономике, в финансах, в торговле, продолжается размывание традици-

онных нравственных и духовных ценностей» [1].

Расширение комплекса двусторонних и многосторонних международных отношений и связей, стирание граней между внутренней и внешней политикой государств, сопровождаемое усиливающимся воздействием приоритетов внутренней политики на стратегии стран в области международных отношений, требует углублённого осмысления факторов, определяющих закономерности и тенденции развития современного мира, оценки их влияния на ход мирового развития.

С учётом задач, которые ставятся политическим руководством страны перед российской дипломатией, представляется важным не только умело использовать имеющийся в её распоряжении внешнеполитический инструментарий, но и новейшие достижения общественных и естественных наук, потенциал отечественных экспертных центров с целью повышения эффективности дипломатической деятельности страны, превращения её в действенный инструмент обеспечения безопасности и национальных интересов Российской Федерации на мировой арене.

В контексте повышения взаимодействия дипломатии и науки полезно было бы проследить эволюцию их взаимоотношений на более ранних ступенях цивилизационного развития, но автор исходит из того, что эта тема исследована в трудах российских и зарубежных историков. Свою цель он видит в том, чтобы познакомить читателя с опытом использования ведущими государствами достижений науки и техники в интересах внешней политики и дипломатии, повышения профессиональных компетенций своих дипломатических представителей, использования их опыта в этой области применительно к российской внешней политики и дипломатии.

Зарубежный опыт использования научного потенциала в дипломатической деятельности

Тот факт, что именно в Соединённых Штатах в начале XX в. научный потенциал в области международных отношений и внешней политики оказался востребованным политической элитой и монополистическими кругами страны, обусловлен рядом причин:

– *во-первых*, бурный рост американской промышленности после окончания гражданской войны между Севером и Югом выводит США в лидеры мировой экономики; появляются претензии на овладение колониями; перед правительством и монополистическими кругами встаёт вопрос об определении позиции страны на международной арене;

– *во-вторых*, рывок вперёд инженерно-технической мысли в США стимулировал развитие фундаментальных и общественных наук, представители которых поддерживали контакты с западноевропейскими научными кругами и могли предложить руководству и бизнесу страны идеи и рекомендации по продвижению американских интересов на международной арене.

На средства ведущих финансово-промышленных групп в стране учреждаются такие исследовательские центры, как «Рассел Сейдж

фаундейшн» (1907 г.), Фонд международного мира Карнеги (1910 г.), Гуверовский институт войны, революции и мира (1919 г.).

В первой половине XX в. учреждаются Фонды Рокфеллера, Форда, Кеттеринга.

К использованию научно-исследовательского потенциала во внешней политике интерес проявило Правительство США, стремившееся, опираясь на экономическую мощь страны, войти в круг ведущих держав мира, оказывать влияние на мировую политику.

В 1917 г. Эдвард Хаус, советник президента Вудро Вильсона, с ведома президента приступил к проведению консультаций с некоторыми американскими учёными для выработки подхода США к устройству мира после окончания Первой мировой войны.

Участники группы Хауса привлекались в качестве консультантов к работе американской делегации на Парижской мирной конференции.

В 1921 г. к группе подключились другие американские учёные, и она стала функционировать в формате Совета по международным отношениям. Его участники поставили перед советом «задачу распространения знаний о международных отношениях с акцентом на развитие рациональной американской внешней политики» [2]. Совет приступил к выпуску авторитетного и сегодня журнала по вопросам международных отношений, внешней политики и дипломатической деятельности – *Foreign Affairs*.

Для укрепления своего исследовательского потенциала и оказания влияния на работу ведомств, занятых в области внешней и оборонной политики, фонды стали приглашать в свой штат сотрудников госдепартамента, Пентагона, ЦРУ.

Примечательна в этом плане судьба известного американского дипломата Дина Раска. При президенте Трумэне Раск занимал пост помощника госсекретаря США, а при Эйзенхауэре стал президентом Фонда Форда [3]. С победой Дж.Кеннеди на выборах в 1960 г. он оказался в кресле госсекретаря (1961–1969 гг.).

В XXI столетии научно-исследовательские центры страны, фигурирующие как «мозговые центры», «думающие центры», играют свою роль в формировании американской внешней политики.

По оценке Пенсильванского университета, в конце 2009 г. в Соединённых Штатах насчитывалось 1815 таких центров [2] из более чем 6540 таких центров, функционирующих в 122 странах мира в 2013 г. [3].

«Мозговые центры» США, в составе которых работают учёные разных профессий, готовят по заказам госдепартамента, Пентагона, других правительственных ведомств, конгресса и американского бизнеса исследования по широкому кругу проблем внутренней и внешней политики, промышленности, транспорта, обороны и т.д. За десятилетия работы таких центров сформировалась достаточно чёткая система получения заказов от заинтересованных государственных и частных структур на подготовку исследовательских материалов, порядка привлечения в случае необходимости помимо собственного персонала компетентных специалистов со стороны, организации оптимального научно-производственного процесса выполнения заключённых контрактов, представления готовой аналитической продукции, оплачиваемой заказчиком.

Тесные связи с научно-исследовательскими кругами страны позволили Госдепартаменту США в числе первых внешнеполитических ведомств увидеть в приближавшейся научно-технической революции эффективное средство мобилизации

дополнительных ресурсов в интересах американской внешней политики и дипломатии. С появлением в его стенах компетентных учёных в области НТР было положено начало внедрению во внешнеполитическую деятельность системного анализа, прогнозирования эволюции международной обстановки. Для налаживания устойчивого сотрудничества с американскими научными центрами, располагающими научно-технологическими ресурсами, использовались такие средства, как:

– привлечение специалистов по внешнеполитической проблематике на работу в госдепартамент по контрактам или в качестве консультантов;

– направление американских учёных для подготовки аналитических материалов в краткосрочные командировки в посольства США или в научные центры стран, с которыми Вашингтон поддерживает тесные политические отношения;

– заключение контрактов с американскими и зарубежными научными центрами по подготовке исследований по актуальным международным или страноведческим вопросам, что позволяло опереться на более широкий диапазон мнений специалистов по тем или иным вопросам;

– проведение закрытых совещаний с участием кадровых дипломатов и компетентных научных специалистов для обсуждения и разработки аналитических материалов.

Госдепартамент поощрял создание, в том числе и университетами страны, исследовательских центров по международной проблематике, финансировал их научные разработки в своих целях.

В числе ведущих исследовательских центров, продукцией которых пользуются управления госдепартамента, известность получили международный исследовательский центр «Брукингс институшн», возглавляемый бывшим замгоссекретаря США Строубом Тэлботом, Центр по международным отношениям Гарвардского университета, Центр международных исследований Массачусетского технологического института, Исследовательский институт внешней политики Пенсильванского университета, Исследовательский центр Принстонского университета, Стэнфордский научно-исследовательский институт.

Высокий уровень взаимодействия между госдепартаментом и американским научным сообществом позволяет дипломатическим работникам получать аналитическую продукцию «думающих центров», базирующуюся на информации, почерпнутой из широкого круга источников: научной литературы, докладов, выступлений участников международных научных форумов, из бесед американских учёных с зарубежными партнёрами. В свою очередь учёные, работающие по контрактам с госдепартаментом, получают для подготовки порученных им исследований доступ к его информационным материалам. Это позволяет им лучше ориентироваться в вопросах внешней политики и дипломатической деятельности США и тех зарубежных государств, которые становятся предметом их исследований.

Важным направлением укрепления взаимоотношений между американским дипломатическим истеблишментом и научным сообществом страны в послевоенный период стало привлечение учёных на работу в госдепартамент, что позволило поднять качество его информационно-аналитической продукции.

В 70-е годы в Управлении разведки и анализа 120 сотрудников из 360 имели учёные степени, а ключевые посты в управлении были в основном заняты выходцами из академической среды [4]. Из научных кругов на пост госсекретаря США были приглашены Генри Киссинджер, Мадлен Олбрайт, Кондолиза Райс.

Повышенное внимание руководства госдепартамента к взаимодействию с научно-исследовательскими кругами страны определяется серьёзными переменами в современном мире, природу и движущие силы которого, по американским оценкам, весьма трудно оценить, не прибегая к помощи учёных. Хиллари Клинтон* в опубликованных летом 2014 г. мемуарах «Трудные решения» к таким переменам относит «технологию и глобализацию, которые сделали мир более взаимосвязанным»; рост влияния в глобальной полемике большего числа стран, в том числе Китая, Индии, Бразилии, Турции и Южной Африки; повышение в международных делах таких акторов, как «активисты гражданского общества, многонациональные корпорации и террористические сообщества», которые, по её оценке, играют всё большую роль в международных делах. Соответственно, пишет Клинтон, «помимо традиционной работы – ведения переговоров с целью разработки договоров, участия в дипломатических конференциях, нам (т.е. госдепартаменту. – *Авт.*) пришлось заняться такими вещами, которые являются критически важными компонентами нашей национальной мощи [5]. К этим компонентам она относит многое, чем занимается сам госдепартамент, объединяя их в концепцию так называемой разумной силы. Полемизируя в этой связи с профессором Гарвардского университета Джозефом Наем, автором понятия «мягкой силы», с Сюзан Носсел из «Хьюман Райтс Уоч» и некоторыми их сторонниками, сама Клинтон определяет концепцию «разумной силы» как выбор «правильной комбинации инструментов: дипломатических, экономических, военных, политических, правовых и культурных для каждой ситуации» [5].

В целом в своём шестисотстраничном труде Клинтон уделяет меньше внимания вопросам сотрудничества госдепартамента с научным сообществом, чем можно было от неё ожидать. В какой-то мере это, похоже, отражает довольно сдержанное восприятие некоторыми американскими дипломатами ценности научных разработок, поступающих из «мозговых центров», для практической деятельности госдепартамента.

Поощрению контактов с научно-исследовательскими учреждениями страны уделял внимание госсекретарь Колин Пауэлл, который подчёркивал, что американская наука должна освящать государственную политику США, а внешняя политика в XXI в. опираться на прочный научный фундамент, чтобы положить конец распространению оружия массового поражения, избавить людей от бедности и вывести государства на путь устойчивого развития.

Связи госдепартамента с американскими исследовательскими центрами обеспечивает отдел по науке и технологии, который «содей-

* Клинтон Х.Р. – государственный секретарь США в 2009–2013 гг.

ствует продвижению науки, технологии и инжиниринга как интегральных компонентов американской дипломатии» [6]. Отдел несёт ответственность за осуществление свыше 50 двусторонних и многосторонних соглашений по науке и технологии, составляющих основу международного научно-технического сотрудничества. Госдепартамент достаточно широко использует научно-технические возможности, объединяемые в понятии «наука дипломатия» (*science diplomacy*) во внешней политике как для оказания помощи другим государствам, так и привлечения талантливых учёных из других государств в экономику и научно-исследовательские центры Соединённых Штатов.

Госдепартамент первым среди внешнеполитических ведомств приступил к применению компьютерных систем для создания обширной информационной базы и стимулирования внешнеполитического прогнозирования. Для нужд госдепартамента и дипломатических представительств была разработана целевая программа, содержащая информационные материалы по мировой политике и дипломатии.

В её создании участвовали научный сотрудник департамента компьютерной науки Университета Техаса Тиффани Смит и исследователь Бейкеровского института общественной политики того же университета Крис Бронк. Цель программы, получившей название «Диплопедия», – повысить качество информационных и справочно-аналитических материалов, которыми пользуются в своей работе дипломатические и административные сотрудники, существенно сократить время поиска необходимых им сведений – словом, сделать использование внешнеполитической информацией более оперативным и ориентированным на профессиональные нужды дипломатов США. Достоинством программы является то, что содержащиеся в ней материалы апробированы и отредактированы квалифицированными специалистами госдепартамента [7].

Действующая информационная система госдепартамента, связывающая его с 260 загранучреждениями страны, обеспечивает доступ в режиме реального времени к источникам информации, связь и обмен информацией с другими странами и агентствами новостей. Признавая, что функционирование такой системы связано с разного рода рисками утечки информации, создатели системы придают большое значение её защите от вирусов и возможных кибернападений.

Американский опыт использования потенциала исследовательских центров страны в областях международных отношений, внешней политики и дипломатической деятельности применяется и в других государствах, о чём наглядно свидетельствуют данные Университета ООН [8]. С учётом американской практики и местной специфики в странах Западной Европы, Азии и Латинской Америки начали создаваться собственные научно-исследовательские центры при ведущих университетах, а также разные фонды.

В *Германии*, например, из почти 200 исследовательских центров вопросами внешней политики, мира и безопасности занимаются Институт международных дел и безопасности, Немецкий совет по международным отношениям. Институт исследует проблематику европейской интеграции и внешних связей ЕС. В фокусе исследовательской деятельности Немецкого совета – вопросы франко-немецких отношений, а также ситуация в странах Центральной и Восточной Европы.

Существенную роль играют фонды, за которыми стоят политические партии: ХДС – Фонд Конрада Аденауэра, СДПГ – Фонд Фридриха Эберта, ХСС – Фонд Зайделя.

Своими научными исследовательскими разработками известны частные фонды, например Фонд Фольксвагена.

В сфере внешнеполитических исследований Германии ведущие позиции занимают Немецкое общество внешней политики, фонд «Наука и политика».

Активную роль в аккумулировании внешнеполитической и международно-экономической информации и формировании идей и концепций международного плана играют исследовательские центры *Великобритании* (общая численность по состоянию на 2009 г. – 285). Ведущие позиции в их рядах занимают Институт стратегических исследований, «*Chathem House*», которые готовят исследования по широкому кругу международных проблем и по военно-политическим вопросам.

Международной известностью пользуется продукция научно-исследовательских центров *Швеции*, в первую очередь Стокгольмского института исследований международного мира (СИПРИ).

Во *Франции* первые исследовательские центры были учреждены в начале прошлого столетия. Однако значительно больший объём исследований по внешней политике и международной проблематике проводится в аналитических центрах французских университетов.

Популярностью пользуются исследования Института международных отношений (*IFRI*), специализирующегося в области внешней политики, а также работы Института Европейского союза по проблемам мира и безопасности в Европе.

Деятельность исследовательских центров Франции финансируется в основном государством, но объём его невелик – примерно в три раза меньше, чем в Германии.

Советский опыт использования научного потенциала в дипломатической области

В предвоенном Советском Союзе ведущим направлением использования научного потенциала в области внешней политики и дипломатической деятельности была практика командирования научных сотрудников на работу в Наркомат иностранных дел. Это имело большое значение в связи с той массированной чисткой дипломатических кадров, которая была проведена в 30-е годы в самом наркомате и его загранучреждениях.

Из научных учреждений на дипломатическую работу пришли А.А.Громыко, В.М.Хвостов, А.Л.Нарочницкий, В.Н.Дурденевский, Г.И.Тункин, С.А.Голунский, другие учёные, из которых со временем выросли компетентные дипломатические работники.

Большое внимание было уделено подготовке дипломатических кадров на базе Высшей дипломатической школы, преобразованной в 1974 г. в Дипломатическую академию МИД СССР, и Института международных отношений (МГИМО). Эти образовательные учреждения, готовившие кадры для МИД, становятся средоточием научных работников. В структурах ДА и МГИМО со временем создаются научные центры, на которые была возложена подготовка, в том числе по заказам министерства, различных информационно-аналитических материалов.

Оправдавшим себя направлением использования научного ресурса в интересах дипломатии стало приглашение советских учёных в МИД СССР в качестве консультантов, включение их в состав делегаций на крупных международных переговорах. В Думбартон-Оксе в 1944 г. при разработке проекта важного международного документа XX в. – Устава ООН – в составе делегации СССР работали наряду с дипломатами видные советские юристы-международники профессора С.А.Голунский и С.Б.Крылов.

Начиная с середины 50-х годов в рамках Академии наук СССР создаётся ряд исследовательских институтов, ориентированных на изучение международных отношений, мировой экономики и политики, подго-

товку исследований по актуальным международным, региональным и страноведческим проблемам.

В их числе: Институт мировой экономики и международных отношений, Институт США и Канады, Институт Латинской Америки, Институт востоковедения, Институт Дальнего Востока, Институт Европы.

Для углубления взаимодействия между дипломатией и наукой немаловажное значение имело включение в уставы некоторых институтов положения, в соответствии с которым им разрешалось привлекать в качестве консультантов работников МИД СССР, а министерству – ведущих специалистов из институтов.

В 80-е годы в посольстве СССР в Вашингтоне, например, трудился сотрудник Института США и Канады С.М.Рогов, ныне директор этого института, академик РАН.

Институты получили возможность издавать свои журналы, публиковать книги, устанавливать и поддерживать контакты с исследовательскими центрами зарубежных стран, обмениваться с ними учёными, проводить у себя международные научные форумы, командировать своих представителей для участия в зарубежных конгрессах и конференциях.

Как результат, в стране сформировалось научно-исследовательское содружество, занимавшееся изучением глобальных и региональных проблем, вопросов внешней политики и экономики зарубежных стран. МИД и другие ведомства начали получать из институтов интересные материалы, которые использовались при подготовке информационно-аналитических записок самого министерства.

Целям укрепления взаимодействия между наукой и дипломатией отвечала практика приглашения в МИД для выступлений на коллегии министерства или на совещаниях видных советских учёных, в частности, академиков АН СССР А.Г.Аганбегяна, Г.А.Арбатова, В.М.Глушкова, Н.Н.Иноземцева, проведение совместных конференций и других мероприятий дипломатов и учёных по некоторым актуальным вопросам международных отношений и внешней политики.

Весомый вклад в укрепление взаимодействия дипломатии с общественными науками начало вносить созданное в МИД СССР в середине 60-х годов Управление планирования внешнеполитических мероприятий (УПВМ).

В его структуре существовал небольшой отдел, на который были возложены вопросы поддержания контактов с научно-исследовательскими центрами. УПВМ было заинтересовано в привлечении ресурсного потенциала ведущих исследовательских институтов Академии наук для подготовки аналитических материалов. УПВМ был не единственным каналом взаимодействия между МИД и научными учреждениями. Разветвлённые связи с учёными разных направлений были у Историко-дипломатического управления, у Отдела международных организаций, в круг ведения которого входил комплекс вопросов деятельности ООН, Совета Безопасности ООН, разоружения, сокращения обычных вооружённых сил и вооружений, запрещения ядерных испытаний, у Отдела международных экономических организаций, а также у ряда отделов МИД, ведавших двусторонними отношениями Советского Союза с зарубежными странами.

Особо хотелось бы отметить ту важную роль, которую играет в укреплении взаимодействия российской дипломатии и науки Историко-документальный департамент (ИДД) МИД России с соответствующими фондами Архива внешней политики Российской империи и Архива внешней политики Российской Федерации.

В рамках серии «Внешняя политика России. Сборник документов» МИД публикует наиболее важные документы внешней политики и дипломатии России. За шесть десятилетий своего существования ИДД опубликовал около 300 различных сборников документов и научных трудов, включая «Историю дипломатии»

в пяти томах, «Историю внешней политики СССР» в двух книгах, «Дипломатический словарь» в трёх томах, «Очерки истории Министерства иностранных дел России». В подготовке очерков наряду с историками министерства участвовали учёные Института российской истории РАН, Дипакадемии МИД России, МГИМО.

В 2006 г. МИД и МГИМО опубликовали сборник «Выступления глав делегаций СССР/Российской Федерации на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН» за период 1946–2005 гг.

В 2010 г. в двух книгах был опубликован том XXV «Документы внешней политики СССР», в котором впервые учёные и дипломаты смогли ознакомиться с более 300 документами, находившимися в закрытом режиме хранения.

ИДД тесно сотрудничает при публикации архивных документов с коллегами из министерств иностранных дел других стран.

В 2009 г. МИД России и МИД КНР совместно подготовили документальный сборник к 60-летию установления дипотношений между двумя странами, в который включены в том числе документы из архивов России и Китая, публикуемые впервые.

В 2007 г. совместно МИД России и МИД Португалии был опубликован в двух томах сборник документов, отражающих развитие отношений между двумя странами начиная с 1722 г.

Интерес представляет сборник документов, составленный МИД России и Госдепартаментом США к 200-летию установления дипотношений между Россией и Соединёнными Штатами: «Советско-американские отношения. Годы разрядки. 1969–1976». Т. 1. 1969 – май 1972.

В сборник были включены записи переговоров на высшем уровне, шифротелеграммы, другие документы, позволяющие проследить процесс перехода отношений между двумя государствами к разрядке.

Совместно МИД России и МИД Республики Сербия был составлен и опубликован в 2010 г. сборник «Советско-югославские отношения. 1945–1956 гг.», содержащий дипломатические документы из российского и сербского архивов, значительная часть из которых ранее не публиковалась. Особый интерес представляет опубликованный ИДД МИД России к столетию начала Первой мировой войны сборник документов «Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны».

Публикации ИДД, в которых впервые были обнародованы документы, ранее находившиеся на закрытом режиме, открывают учёным, представителям общественности, да и многим интересующимся историей дипломатам реальную картину отношений нашей страны с зарубежными государствами.

Оценивая достигнутый в СССР уровень сотрудничества между дипломатией и наукой, можно сказать, что он оставался в целом невысоким. Причины были разные: и отсутствие своей политологической базы, и традиционная закрытость министерства и его собственного «мозгового центра» в лице УПВМ, что препятствовало налаживанию взаимного информационного обмена, который, несмотря на предпринимавшиеся попытки, оставался «улицей с односторонним движением» в направлении Смоленской площади. Ощущалась сильная зависимость общественных наук страны от партийного догматизма, что нередко препятствовало и дипломатам, и учёным объективно оценивать отдельные аспекты международной безопасности и мировой обстановки.

Советской дипломатии подчас приходилось продвигать на внешнеполитическом фронте и такого рода инициативы, которые принимались в партийном руководстве келейно, без предварительной проработки не только с учёными, но и с дипломата-

ми, и были рассчитаны исходя из сиюминутных интересов и далеко не всегда отвечали жизненным интересам нашего государства.

Недостаточный уровень обеспечения МИД информационно-компьютерной техникой годами не позволял развернуть в министерстве солидную информационную базу. Сказывалось не в последнюю очередь и то, что у министерства не было целостной концепции налаживания перспективного сотрудничества с научным сообществом страны.

Положение дел в данной области стало меняться с началом перестройки. Альянс науки с дипломатией провозглашался руководством МИД важнейшим условием демократизации политики, необходимым компонентом оснащения для прорывов во внешнеполитической сфере.

В июле 1987 г. коллегия МИД СССР, опираясь в том числе на полезные соображения, полученные от посольств, приняла специальное постановление о развитии связей дипломатии с наукой.

В министерстве были учреждены Научный совет и его рабочий орган в лице Научно-координационного центра. В распоряжение центра были выделены финансовые средства для оплаты контрактов с советскими научными центрами и учёными по внешнеполитической проблематике. На центр были возложены задачи по налаживанию и поддержанию связей с научно-исследовательскими учреждениями страны.

Управлениям и отделам МИД рекомендовалось формировать научно-консультативные советы в составе дипломатов и учёных, проводить конференции, симпозиумы и семинары с участием научных работников для обсуждения практических и теоретических вопросов международной политики и внешнеполитического курса страны.

Принятые меры по использованию научного потенциала в практической деятельности министерства обеспечили более тесное взаимодействие дипломатии и науки. Но в условиях сложившейся на рубеже 80-х – 90-х годов обстановки, кризиса в экономике СССР, возраставшей внутриполитической нестабильности большинство из указанных мер осталось на бумаге. Однако в целом был взят правильный курс на укрепление сотрудничества дипломатии и науки. Он оправдал себя, когда после роспуска Организации Варшавского договора и СЭВ и распада Советского Союза перед Российской Федерацией встала задача выработки в сжатые сроки принципиально новых подходов к ведению дел с окружающим миром, поиска достойного места страны в постконфронтационной системе международных отношений.

Повышение взаимодействия российской дипломатии и науки

С распадом СССР Российская Федерация не растеряла свой дипломатический потенциал. Она стала правопреемницей Советского Союза, заняла его место постоянного члена Совета Безопасности ООН, стала членом других главных органов ООН, её специализированных учреждений. С включением в кадры МИД Российской Федерации большой группы научных работников из исследовательских институтов страны общая атмосфера в министерстве начала меняться в сторону повышения интереса дипломатического аппарата к научному измерению внешней политики, большей демократизации и открытости как основы повышения уровня взаимодействия дипломатии и науки.

В изменившейся мировой обстановке и в связи с распадом социалистической системы, российской дипломатической службе и исследовательским центрам страны потребовалось уделять больше внимания вопросам прогнозирования политики и эволюции стратегий других государств, разработке внешнеполитических мероприятий, призванных обеспечить национальные интересы Российского государства.

Первая внешнеполитическая концепция Российской Федерации вырабатывалась в 1992 г. в содружестве дипломатов и учёных страны, а её окончательный проект обсуждался на заседании коллегии министерства с участием руководителей ведущих исследовательских институтов Москвы, чьи соображения получили отражение в проекте. Важное значение для адекватного определения преобладающих тенденций глобального и регионального развития в современном мире, утверждения внешнеполитических позиций и обеспечения национальных интересов нашей страны на мировой арене имели концепции внешней политики России 2000, 2008 и 2013 гг., в которых получили отражение в том числе интересные идеи и соображения наших учёных-международников и политологов.

Принимая во внимание, что современная экономика базируется на знаниях и высоких технологиях, то и надстроечные структуры, включая дипломатию, также опираются на знания и высокие технологии. Современная российская дипломатия по арсеналу используемых средств и стоящим перед нею задачам является **дипломатией научной**. Она опирается на высокие технологии, ресурсы общественных и естественных наук. Её эффективность во многом зависит и от такого потенциала, как **дипломатическое искусство**. От дипломатии нашей страны традиционно ожидают, выражаясь словами наркома иностранных дел Г.В.Чичерина, исчерпывающего анализа действующих исторических сил с точной конкретизацией политических и экономических факторов каждого момента. Такой взгляд на дипломатию тем более актуален в нынешних условиях, в том числе с учётом увеличившегося объёма мировых и региональных проблем в современной международной жизни, возросшей роли во внешней политике проблем внутриполитического плана, переговоров на высшем уровне, когда обсуждаются принципиальные вопросы современных международных отношений, принимаются решения, имеющие для государств и их национальных интересов судьбоносные последствия.

Задача учёных в области международных отношений и международного права – анализировать с разных точек зрения глубинные процессы, протекающие в современном мире, подвергая критическому осмыслению содержащиеся в них объективные связи и закономерности.

Как подчёркивалось в Декларации о науке и использовании научных знаний, принятой на Всемирной конференции по науке в Будапеште (1999 г.), «неотъемлемая функция научной деятельности заключается во всеобъемлющем и тщательном изучении природы и общества с целью получения новых знаний. Эти новые знания служат образовательному, культурному и интеллектуальному обогащению и обеспечивают технологические достижения наряду с экономическими благами» [9].

Реалии межгосударственного общения на современном этапе развития таковы, что предъявляемые к внешней политике и дипломатической службе стран требования делают весьма актуальным более высокий уровень взаимодействия российской дипломатии и науки. Необходимо оценить роль и место науки международных отношений в объяснении сути процессов и тенденций в глобальной системе межгосударственных отношений.

В своё время академик Н.Н.Иноземцев определял место **науки международных отношений** на стыке таких наук, как экономика, политика, история, право, а также дипломатии, которая реально осуществляет международные отношения. Теперь, очевидно, спектр охватываемых ею наук должен быть расширен за счёт использования информационно-компьютерных и других передовых технологий. Это, в свою очередь, требует подключения большего круга специалистов, которые участвуют в прогнозировании глобальных и региональных процессов и тенденций, в разработке внешнеполитических концепций и подготовке аналитических материалов.

Заслуживает в этой связи точка зрения министра иностранных дел С.В.Лаврова. Выступая в Москве 20 июля 2011 г. на общем собрании членов Российского совета по международным делам (РСМД), министр отмечал, что «внешняя политика уже давно не является прерогативой исключительно внешнеполитических ведомств, в её выработке и осуществлении участвуют академические круги, представители НПО и бизнеса» [10].

В практическом плане это означает, что и переговорные позиции российских дипломатических делегаций, и проекты международно-правовых документов по конкретным областям межгосударственного сотрудничества, таким как энергетика, использование ядерной энергии в мирных целях, космос, экология и др., должны готовиться в тесном взаимодействии дипломатов, учёных, специалистов из отраслевых министерств и из сферы бизнеса. Подключение учёных – носителей знаний в конкретных областях науки и техники к дипломатическим переговорам, особенно в рамках многосторонних форматов, облегчает дипломатическому составу задачу разработки переговорных позиций, прогнозирования направлений достижения договорённостей. В делегациях с участием представителей различных профессий сами переговорщики-дипломаты выступают в роли координаторов-менеджеров, способных организовать на должном уровне работу сотрудников делегации, увязать специфические интересы отдельных федеральных ведомств и частных бизнес-сообществ с общегосударственными интересами России.

Так как российской дипломатии потребуется и в будущем на переговорах соблюдать высокие нормы, стандарты и «правила игры», освящённые дипломатическим протоколом и этикой, представляется целесообразным дополнять их за счёт использования соответствующих средств и технологий, которые предоставляет в распоряжение дипломатов научно-исследовательский потенциал. Набор внешнеполитического инструментария и технологии его

применения не являются застывшими категориями. Со временем некоторые из них устаревают. В связи с этим должно быть налажено их обновление, внедрение новых международно-правовых средств для пополнения внешнеполитического инструментария, повышения эффективности его применения.

При подготовке комплексных исследований по внешнеполитической тематике желательно давать участвующим в них учёным конкретные поручения, предоставляя при этом в их распоряжение необходимую информацию. Путь к проведению качественного анализа не в последнюю очередь лежит через освобождение учёных от чрезмерной зависимости от определённых партийных и деловых кругов, которые готовы финансировать разработку некоторых интересующих их внешнеполитических тем в ключе, отвечающем их политическим или коммерческим интересам, что не может не отражаться на качестве и направленности интеллектуальной продукции. Власть придержащие не должны программировать учёных на выполнение такого рода заданий, которые не могут быть исполнены в строго научном плане, ибо будут получены результаты, отвечающие пожеланиям определённых официальных лиц, политиков или коммерсантов, но которые не обязательно будут соответствовать развитию обстановки на том или ином направлении.

К сожалению, мы нередко становимся свидетелями, когда в тех или иных государствах «политическая целесообразность» правит балом, побуждая в том числе и некоторых учёных, участвующих в исследовательских проектах, прибегать к двойным стандартам, что идёт вразрез с критериями настоящего научного анализа. В то же время серьёзные работы учёных, которые не вписываются в освящённую политической элитой «целесообразность», остаются невостребованными и далеко не всегда с ними знакома общественность страны. Очевидно, что сами объекты аналитических исследований должны рассматриваться во всей их диалектической многогранности и противоречивости и не втискиваться в умозрительные построения, далёкие от реалий. Аналитические исследования могут содержать многовариантные оценки развития той или иной ситуации, но при этом их авторы должны брать на себя ответственность по отстаиванию наиболее вероятного варианта такого развития.

Новые форматы более тесного и плодотворного сотрудничества дипломатии и науки будут подсказываться самой жизнью и будут носить разнообразный характер.

Например, академик РАН И.С.Иванов, занимавший пост министра иностранных дел России в 1998–2004 гг., ссылаясь на углубляющуюся экономизацию внешней политики, делает вывод, что российская дипломатия в XXI в. нуждается в добротной научно-операционной базе (НОБ). Можно сказать, что сегодня в рамках расширяющихся международных отношений и связей в качестве самостоятельного направления утвердилось международное научно-техническое сотрудничество. При неравномерном распределении мирового научно-технологического потенциала по регионам и странам объектом такого сотрудничества может быть обмен научно-технической информацией между государствами, в том числе в рамках таких международных структур, как «Группа 20», АТЭС, ШОС, совместное на двусторонней основе проведение научных ис-

следований внешнеполитического плана, подготовка научных и технических кадров. С учётом возрастающего значения данной области в мировой политике и межгосударственных отношениях можно говорить не только об экономизации внешней политики и международных отношений, но и об их науко-технологизации как важной предпосылке обеспечения сотрудничества заинтересованных государств в данной области на долгосрочной основе.

Очевидно, что такого рода факторы должны учитываться при создании научно-операционной базы дипломатии. Чтобы сделать её успешно функционирующей, недостаточно лишь отдавать соответствующие распоряжения. До неё необходимо доработаться, продвигаясь шаг за шагом, оценивая достигнутое и ориентируясь в качестве главной цели на перевод научно-дипломатического взаимодействия на этап созидательного, тесного сотворчества. Успех этой непростой операции будет во многом зависеть от нашей способности подвести под внешнюю политику и дипломатию солидный научный фундамент. Такой фундамент, по всей очевидности, должен включать достижения общественных и естественных наук в той их части, которая относится к сфере международных отношений. В контексте рассматриваемой проблематики главенствующим призван стать вклад общественных наук в изучение современных международных отношений и актуальных проблем под углом зрения выявления их базообразующих констант. Эффективная научно-операционная база предполагает тесное взаимодействие дипломатии и науки, совершенствование их исследовательского инструментария, создание ими более совершенных технологий и методов исследования современных явлений и тенденций международной жизни.

На протяжении целого ряда лет в рамках российского МИД функционирует Научный совет при министре иностранных дел. Под председательством министра на его заседаниях с участием видных учёных-международников, политологов и экономистов нашей страны и компетентных дипломатических работников обсуждаются актуальные проблемы международных отношений и внешней политики.

Расширилось использование в практических целях действующих в рамках соответствующих департаментов МИД рабочих групп в составе дипломатов и научных работников-специалистов для обстоятельного исследования конкретных проблем.

Особое значение на данном этапе приобретает внедрение в сферу внешней политики и дипломатии передовых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), включая факсимильную связь, Интернет, электронную почту, видеосвязь, мобильную телефонную связь. Такие средства позволяют интенсифицировать дипломатическую деятельность, обеспечивать в режиме реального времени постоянную связь внешнеполитических ведомств с находящимися за рубежом дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями, поддерживать с ними регулярный обмен информационно-справочными материалами, координировать их работу.

Информационно-коммуникационные технологии оказывают существенную поддержку проведению внешнеполитических мероприятий, динамизируя дипломатическую деятельность и существенно повышая её оперативность. Опираясь на средства ИКТ, российское внешнеполитическое ведомство получает возможность формировать свои информационные поля, использовать их в поддержку проводимых политических акций.

Эти аспекты обстоятельно анализируются, в частности, в ряде монографий, в том числе в опубликованной в 2014 г. «Глобальная безопасность в цифровую эпоху: стратагемы для России» российского исследователя и дипломата А.И.Смирнова.

Солидную исследовательскую помощь российской дипломатии оказывают исследовательские центры Дипломатической академии и МГИМО, которые готовят справочно-аналитические материалы по широкому кругу международных проблем в соответствии с ежегодным планом-заказом министерства.

Учреждённый в 2010 г. Российский совет по международным делам (РСМД) стал центром подготовки интересных научных исследований по актуальным вопросам мировой политики.

Под эгидой центра был проведён ряд международных конференций, в которых наряду с учёными участвовали российские и иностранные дипломаты.

Полезную работу выполняет Центр международной безопасности ИМЭМО РАН, занимающийся изучением мировых, региональных и страноведческих проблем, а также другие российские исследовательские центры.

В разработке внешнеполитических исследований на восточном направлении большую работу проводит Институт Дальнего Востока РАН.

Образцово ведётся научная деятельность в Институте международных организаций и международного сотрудничества НИУ Высшей школы экономики. В исследования института о деятельности «Группы 20», БРИКС, ОЭСР наряду с российскими учёными вносят вклад специалисты из Бельгии, Канады, Нидерландов, Франции и других стран. В проводимых институтом научных конференциях участвуют российские и зарубежные дипломаты, члены РСПП, представители российских органов власти.

Весьма полезным для российских дипломатов представляется налаживание деловых контактов с ведущими зарубежными «мозговыми центрами». Достоинством некоторых зарубежных «мозговых центров» является то, что определённый круг их исследователей, готовя научные труды по международной проблематике, не подстраивается под официальный курс и провозглашаемые политическим руководством того или иного государства оценки, а сохраняет определённую независимость в своих суждениях по поводу международных проблем. Это позволяет им давать более объективную картину происходящих в мире или в отдельных регионах событий. Такого рода продукция может представлять практический интерес для российских дипломатов и учёных-международников для выявления существа и направленности внешнеполитических курсов и стратегий тех или иных западных держав.

Дипломаты и учёные принадлежат к категории людей, хорошо информированных в соответствующих областях своей деятельности. У них могут быть как совпадающие источники информации (публикуемые правительственные и парламентские документы, заявления официальных лиц), так и специальные (почерпнутые из источников СМИ, бесед с официальными представителями и компетентными лицами). Дипломаты получают значительный объём необходимой для них информации из посольств, которая проходит там предварительную проверку и отбор, а также из некоторых других источников. Информация, поступающая к учёным из СМИ, выступлений их коллег на конференциях, зачастую нуждается в дополнительной перепроверке и анализе, чтобы на неё можно было положиться при подготовке информационно-аналитических материалов.

Будучи ориентированной на то, чтобы заниматься углублённым изуче-

нием расширяющегося круга актуальных внешнеполитических, экономических, гуманитарных и социальных проблем, современная российская дипломатия использует гораздо больший объём информации при подготовке аналитических материалов, чем это было в недавнем прошлом. Углубление сотрудничества дипломатии и науки позволило развернуть в МИД России информационную базу, располагающую сегодня новейшими компьютерными и телекоммуникационными технологиями, которые используются в том числе и для принятия решений по внешнеполитическим вопросам. Опираясь на имеющийся исследовательский потенциал, наука международных отношений, будучи подкреплённой из источников МИД России в информационном плане, сможет увереннее оценивать открывающиеся перед страной перспективы на мировой арене, давать обоснованные рекомендации дипломатам по их использованию в геополитических интересах страны.

В дипломатии многое зависит от человеческого фактора, профессионализма дипломатов. Усложнившийся мировой политический ландшафт, на котором приходится сейчас действовать современной российской дипломатии, требует от её кадров обширных знаний, высокого интеллекта и гибкости ума. Дипломат особенно высокого уровня должен видеть близкие и дальние горизонты развития, хорошо ориентироваться в сложном переплетении политических, экономических и социальных проблем, оценивать их влияние на отношения его собственной страны с другими странами, на обстановку в регионе, да и в мире в целом. Актуализируются в этой связи задачи повышения качества подготовки дипломатических кадров, их профессиональных компетенций, расширения научного кругозора за счёт ознакомления с достижениями общественных и естественных наук. Чтобы успешно работать в обстановке меняющегося мира, российский дипломат должен обладать максимальным объёмом дипломатического искусства.

Подготовка дипломатов к работе в сфере многосторонней дипломатии предполагает повышение внимания к обучению искусству ведения многосторонних переговоров, к умению отстаивать в самых сложных ситуациях национальные интересы страны. Высокий профессионализм должен сочетаться с умением дипломатического общения с представителями других стран. В ходе ведущихся переговоров разрабатываются и заключаются новые межправительственные договоры и соглашения о сотрудничестве, в том числе в военно-политической, торгово-экономической и научно-технической областях. Советский Союз и Российская Федерация как правопреемница СССР – участники заключённых в последние десятилетия сотен двусторонних и многосторонних договоров, конвенций и соглашений по линии правительства, федеральных ведомств, субъектов федерации, Российской академии наук. Разработка и согласование растущего числа международно-правовых договорённостей на международных переговорах становится объектом совместной деятельности дипломатов и научных экспертов.

Современный дипломат, особенно выступающий в роли переговорщика, должен быть

оснащён необходимыми профессиональными компетенциями и знаниями дипломатического искусства, уметь применять эти знания. Он должен быть инициативным, обладать широким кругозором, творческим мышлением, пытливым и цепким умом, интуицией, сильной волей и целеустремлённостью, высокой трудоспособностью. Ему должны быть свойственны меткость наблюдений, глубина проникновения в сущность политических процессов в стране пребывания, умение собирать и тщательно анализировать и обрабатывать информацию из разных источников, проявлять глубину обобщений. В условиях рыночной экономики полезный вклад учёного-международника, политолога должен достойно оплачиваться. Инвестиции в укрепление сотворчества дипломатии и науки для обеспечения жизненных интересов страны не менее важны, чем капиталовложения в экономику и сферу услуг.

Украинский кризис последних месяцев в череде других кризисов вдоль границ нашей страны и на Ближнем Востоке, обострение отношений с Европейским союзом ведут к непредсказуемому развитию международной ситуации, росту в мире конфликтного потенциала, серьёзному обострению старых противоречий и провоцированию новых. В своём выступлении на совещании послов и постоянных представителей России 1 июля 2014 г. Президент России В.В.Путин особо отметил: «Прочные гарантии неделимой безопасности, стабильности, уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга должны стать той основой, на которой мы сможем эффективно продвигаться к созданию единого пространства экономического и гуманитарного сотрудничества, простирающегося от Атлантики до Тихого океана» [1]. Поставленная в этой связи президентом перед Министерством иностранных дел задача – подготовить комплексный пакет предложений – также должна заинтересовать российских учёных, ведущих исследования по данной проблематике.

В нынешней мировой обстановке важно ориентировать содружество дипломатов и учёных на разработку мероприятий по продвижению положительного образа Российской Федерации, формированию в общественно-политических и деловых кругах зарубежных государств дружественного отношения к нашей стране, её внешнеполитическим инициативам. Модернизация российской экономики должна стать другим направлением взаимодействия дипломатии и науки. Как важный инструмент внешней политики, дипломатия не может обойтись без проведения компетентными специалистами научно обоснованного анализа мировой обстановки, взвешенной оценки новых трансграничных проблем, перспектив внешнеполитического развития на тех или иных направлениях. Необходимо, чтобы дипломатическая деятельность опиралась на фундамент компетентных научных разработок, которые, в свою очередь, будут во многом зависеть от достигнутого уровня сотворчества науки и дипломатии.

Примечания

1. Выступление Президента Российской Федерации В.В.Путина на совещании послов и постоянных представителей России. Москва, МИД, 1 июля 2014 г. // Международная жизнь. 2014. Июль. С. 6, 10.

2. *Abelson D.E.* A Capitol Idea. Think Tanks & US Foreign Policy. McGill-Queens University Press, 2006. P. 72.
3. Foreign Affairs. 1960. April.
4. *Петровский В.Ф.* Американская внешнеполитическая мысль. М., 1976. С. 37.
5. *Clinton H.R.* Hard Choices. Simon and Schuster. London, New York, 2014. P. 32, 33.
6. US Department of State. Office of the Science and Technology. Press-release // URL: http://www.state.gov/Press
7. Дипломатическая служба. 2011. № 6. С. 11–17.
8. Коммерсант.ru. 21 января 2013. С. 6.
9. Всемирная конференция по науке. Будапешт, Венгрия, 26 июня – 1 июля 1999 г. Наука для XXI века. Новые обязательства. Декларация о науке и использовании научных знаний. Париж, ЮНЕСКО. 2000. С. 11.
10. Выступление С.В.Лаврова на общем собрании РСМД. 20 июля 2011 г. // www.mid.ru

Подписка на 2014 г.

на журнал «Обозреватель–Observer»

в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:

47653 — на полугодие

36789 — на год

Русофобия – инструмент британской внешней политики*

XIX век – взгляд с позиций политического реализма

Никита Сетов
Андрей Топычканов

Британская русофобия

Изучение восприятия России в Британии имеет длительную историю.

События на Украине подогрели интерес научного сообщества к историческим практикам конкуренции мировых держав и позволили заговорить о возвращении реализма в международную политику [1]. Современный конфликт существенно отличается от конфликтов эпохи холодной войны.

Д.В.Тренин предложил сравнивать отношения России и Соединённых Штатов Америки с отношениям Российской и Британской империй в период «Большой игры» XIX в. [2]. Конкуренция двух империй в военной, экономической, политической сферах тогда опиралась на мощную идеологическую поддержку, предполагающую создание негативного образа соперника.

СЕТОВ Никита Романович – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ им. М.В.Ломоносова. *E-mail:* nsetov@gmail.com

ТОПЫЧКАНОВ Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ им. М.В.Ломоносова. *E-mail:* topychkanov@gmail.com

Ключевые слова: Великобритания, XIX в., русофобия, международные отношения, политический реализм.

* Статья подготовлена по результатам участия авторов в издательском проекте: Русский вопрос в истории политики и мысли / под ред. А.Ю.Шутова и А.А.Ширинянца. М.: МГУ, 2013.

В историографии и общественном сознании утвердилось представление о том, что русофобия играла определяющую роль в восприятии России в Британии XIX в. [3].

Основания для такого представления действительно существуют. Россия и Британия на протяжении века довольно часто оказывались по разные стороны баррикад как в Европе, так и на Востоке. Представления о враждебности Британии складывались также под влиянием её участия во внутренней политике России, начиная с убийства императора Павла I и заканчивая участием в революции 1917 г. Несмотря на эти свидетельства, русофобия не могла полностью определять восприятие России в британском обществе. Сами британцы нередко выступали с критикой русофобских памфлетов и тех отрицательных стереотипов, которые в них воспроизводились*.

Как свидетельствует А.Н.Зашихин, в Британии существовали интерес к России и желание получить объективное представление о её внутренней и внешней политике, культуре и повседневной жизни [4].

Два взгляда, условно назовем их русофобским и объективным, присутствовали в сфере политики. Даже во время Крымской войны (1853–1856 гг.) и Русско-турецкой войны (1877–1879 гг.), сопровождавшихся масштабной антироссийской пропагандой, британское правительство и парламент часто не могли выработать единую позицию по отношению к Российской империи. Безусловно, это было связано с тем, что в Британии так и не сформировалось гомогенное имперское общество и ценности имперской политики были ближе лишь представителям высших и средних классов [5].

Антироссийские настроения артикулировали преимущественно либералы, выражавшие интересы определённой части электората [6]. Партия вигов на выборах 1832 г. смогла преодолеть рубеж в 2/3 голосов (67,01%), а на остальных выборах, даже после объединения с радикалами и пилитами (умеренными консерваторами) в составе Либеральной партии (1859 г.), результаты либералов были скромнее. В сформированном в 1832 г. кабинете министров пост секретаря (министра) по иностранным делам занял лорд Пальмерстон, способствовавший радикализации британской внешней политики [7]. В отличие от антироссийских памфлетов, ассоциирующихся с либеральными политическими взглядами, критика русофобии иногда подчеркнуто называлась непартийной [8].

Русофобия и международные отношения

Британские антироссийские тексты основное внимание уделяли международным отношениям, поскольку именно в этой сфере Британская и Российская империи в XIX в. контактировали больше всего. Рас-

* Ричард Кобден раскритиковал серию памфлетов Уркхарта первой половины 1830-х годов и соответствующую им внешнюю политику Британии (Russia / By a Manchester Manufacturer. L., 1836).

пространение русофобии имело несколько причин. И.Нойманн в исследовании «Использование “Другого”: Образы Востока в формировании европейских идентичностей» показал тесную связь представлений о себе и другом в государственном строительстве, или воображения нации (если использовать термин Б.Андерсона). Оппозиция «Я» – «Другой» активно использовалась и используется при конструировании государственной идентичности и репрезентации её как внутри страны, так и за её пределами [9]. Формирование положительной идентичности своей страны нередко шло по пути противопоставления «Я» и «Другого», что приводило к созданию негативной идентичности – отрицательного образа «Другого», который обеспечивал устойчивость «истинной» идентичности [10].

Примером такой негативной идентичности и является русофобия. Конфликт положительной и негативной идентичностей, в данном случае британской и российской, также можно рассматривать в качестве своеобразной замены военных конфликтов, которые, по наблюдениям Ч.Тилли, стимулировали формирование в Европе национальных государств [11].

Во внешней политике негативная идентичность служила актуализации угроз [12], что способствовало налаживанию отношений Британской империи с потенциальными союзниками. Подобное сближение «перед лицом общего врага» было характерно и для лидеров общественного мнения, нередко принадлежавших к разным политическим лагерям. Таким образом, нашли общий язык борец с чартизмом Д.Уркхарт (1805–1877 гг.) и К.Маркс (1818–1883 гг.), издавший в Британии ряд памфлетов против внешней политики Российской империи и кабинета Пальмерстона, якобы недостаточно радикального.

Восприятие союзниками Британской империи английских антироссийских памфлетов зависело прежде всего от характера союзнических отношений.

Здесь следует, разделять, как и С.Уолт альянсы, созданные для поддержания баланса сил и идеологической солидарности, и практику следования «слабых» союзников за сильными государствами [13]. У сильных партнёров Британии, например Франции, существовали свои независимые традиции русофобии, которые успешно конкурировали с британской русофобией как внутри страны, так и за её пределами.

«Слабые государства» находились под значительным влиянием британской публицистики [14]. Британия была заинтересована в том, чтобы привлечь на свою сторону «потерпевших» от России, и активно пользовалась услугами политической эмиграции из России, польской «великой эмиграции» 1830–1870 гг., венгерской эмиграции и т.д. [15]. Их антироссийские выступления были более мотивированны.

Например, венгерский учёный и путешественник Арминий Вамбери (1832–1913 гг.) в молодости был свидетелем подавления Венгерской революции 1848–1849 гг., в котором участвовал русский экспедиционный корпус. Впоследствии Вамбери стал секретным британским агентом и тайным корреспондентом Министерства иностранных дел и по делам

Содружества Британской империи и создал серию антироссийских памфлетов [16].

В подобном сотрудничестве на почве русофобии была заинтересована не только Британия. По наблюдениям И.Нойманна, государства Центральной Европы использовали антироссийскую риторику для собственной идентификации [9].

Агенты британского влияния способствовали формированию на своей родине негативного образа России и её внешней политики. Таким образом, антироссийские выступления можно рассматривать как пример информационной войны, в которой, по наблюдениям К.Холсти, государство с помощью идеологии политизирует сознание своих граждан и союзников, формируя у них образ врага: «В войнах третьего типа смертельная игра ведётся в каждом доме, церкви, государственном учреждении, школе, на каждом шоссе и в каждой деревне» [17]. Главным объектом воздействия в этой войне были члены парламента, правительства и сотрудники Форин-офиса. Зная, что последние руководствуются британским общественным мнением, собственными интересами в регионах и учитывают внешнюю политику великих держав, авторы памфлетов одновременно решали несколько задач:

– формировали общественное мнение, необходимое для принятия тех или иных внешнеполитических решений;

– изображали внешнюю политику России в выгодном для себя свете

– настаивали на том, что внешняя политика России угрожает британским интересам [18].

Инструменты влияния

Участники идеологической борьбы далеко не всегда догадывались о происходящем из-за того, что авторы антироссийских сочинений умело использовали весь арсенал инструментов влияния для воздействия на общественное мнение в целом и внешнеполитическое ведомство в частности. Рассмотрим эти приёмы, опираясь на работу Р.Чалдини «Психология влияния» [19]. Учёный выделил такие инструменты влияния, как навязывание стереотипных реакций, принципов взаимного обмена, требование последовательности и выполнения навязанных обязательств, создание ощущений дефицита и возможной потери, социальное доказательство, обеспечение доверия к агенту влияния с помощью искусственно созданного ощущения благорасположения и авторитета.

Чтобы вызвать доверие читателей, авторы памфлетов позиционировали себя как непосредственных свидетелей внешнеполитических действий России.

Генерал Роберт Томас Уилсон (1777–1849 гг.) во время Отечественной войны 1812 г. находился при Главной квартире М.И.Кутузова, а затем при Александре I в качестве представителя английского командования.

Учёный и политик Генри Кресвик Роулинсон (1810–1895 гг.) имел богатый опыт работы в Персии, Британской Индии и Османской Аравии, был директором Ост-Индской компании (1856–1858 гг.).

А.Вамбери приобрёл общеевропейскую известность, издав описание своего путеше-

ствия по Закавказью и Центральной Азии, совершённого в 1861–1864 гг.

Они подчёркивали достоверность, «объективность» своих данных и отсутствие личных интересов. В то же время немногие могли продемонстрировать хорошее знание источников по российской внешней политике. Уникальным преимуществом обладал Д.Уркхарт, использовавший подлинные дипломатические документы, которые ему предоставили польские эмигранты и британский посол в Турции Дж.Понсонби.

Авторы памфлетов сосредоточивали своё внимание на оценке российской угрозы для системы международных отношений. Они учитывали следующие параметры: физическую базу государства, потенциал проецирования силы (возможность оказывать влияние на определённом расстоянии), наступательную мощь (потенциал возможной атаки) и наступательные намерения [20]. Такой подход к оценке военно-политических рисков в традиции политического реализма известен как «функционирование угроз» (*The Operation of Threats*). Иногда подобный анализ был завуалирован.

В «Очерке о военном и политическом могуществе России в 1817 году» (*A Sketch of the Military and Political Power of Russia in the Year* 1817. L., 1817) генерал Р.Т.Уилсон, беспристрастно на первый взгляд, рассказал о событиях, предшествующих Отечественной войне 1812 г., и самих военных операциях. Однако из дальнейшего становится ясно, что это описание и подробный разбор ошибок наполеоновской армии сделаны на тот случай, если Британия будет воевать с Россией [21].

Информативная насыщенность памфлетов должна была создать у читателей впечатление, что в тексте собрана вся информация, необходимая для выработки и принятия внешнеполитических решений, которые на самом деле ему навязывались авторами.

Создатели памфлетов представляли британско-российскую конкуренцию в виде столкновения ценностных систем:

– Европа – Азия;

– цивилизованное государство – варварская/полуварварская страна;

– просвещение – необразованность;

– демократия/свобода – авторитаризм;

– независимость – зависимость;

– поведение в соответствии с принципами морали, чести и доверия – безнравственное поведение;

– где Запад олицетворял положительные ценности, а России – отрицательные [22].

Внешняя политика России несла угрозу не просто политическим и экономическим интересам Британии, но ценностям Запада и, соответственно, каждого представителя западной цивилизации.

Таким образом, сплочение европейского мира против России обосновывалось «идеологической солидарностью», т.е. сходством политико-культурных черт западных стран. Превратив «российскую угрозу» в дело каждого, памфлетисты использовали особенности контрастного восприятия, усиливающего различия противоположностей, и страх перед возможной утратой ценностных оснований и таким образом запускали в сознании читателей стереотипные негативные реакции [19].

Чтобы убедить в необходимости защиты западных ценностей, авторы требовали от Британии последовательности во внешней политике, демонстрировали выгоды этого, а также ожидаемые потери от внешнеполитических действий России, в частности, возможного завоевания ею Стамбула или продвижения в Центральной Азии. Чтобы альтернатива казалась ещё более наглядной, они предлагали детально представить развитие ситуации в будущем, опираясь на «традиционную» внешнюю политику России [23].

В меньшей степени антироссийские сочинения могли использовать принцип социального доказательства. Однако Д.Уркхарт нашел способ использовать и этот инструмент влияния на общественное мнение, создав комитеты по иностранным делам для пропаганды радикального патриотизма среди рабочих, особенно накануне Крымской войны [23].

Заключение

Британские антироссийские сочинения, не будучи официальными изданиями, были тесно связаны с двумя центрами принятия внешнеполитических решений Британской империи. В парламенте и правительстве радикальные выступления поддерживали представители Либеральной партии (сначала виги, а с 1859 г. Либеральной партии). Форин-офис открыто поощрял наиболее популярных памфлетистов.

За книгу «Турция и её ресурсы» Уркхарту был предложен пост британского консула в Стамбуле, но он отказался, чтобы провести новую кампанию в поддержку Турции и через год выпустил памфлет «Англия, Франция, Россия и Турция», после чего был назначен секретарём британского посольства в Османской империи [24].

После первой публикации «Меморандума» (1868 г.) Роулинсон был назначен членом Совета Индии.

Однако активные антироссийские действия своих сотрудников, противоречившие нормам внешнеполитического ведомства, Форин-офис пресекал.

Так, в отставку были отправлены Уркхарт за попытку нарушить российское эмбарго на международную торговлю вдоль восточного побережья Чёрного моря и доставить оружие черкесам и Чарльз Томас Марвин (1854–1890 гг.) за разглашение секретного договора с Россией.

Антироссийские сочинения одновременно решали несколько задач. С одной стороны, они служили конструированию британской идентичности и её репрезентации как внутри страны, так и за её пределами. С другой стороны, они актуализировали внешнеполитические угрозы, с тем чтобы подтолкнуть Британию к восстановлению баланса угроз, якобы нарушенного Россией. Памфлетисты пытались убедить читателей, что Британии это сделать сравнительно легко: «Лишь намекните на оттоманский вопрос, затроньте чувствительные проблемы, и эта высокомерная держава мгновенно окажется на коленях». Одновременно предлагались, или, точнее, навязывались, конкретные внешнеполитические решения. Развиваемое в памфлетах противостояние «Я» – «Другой» одновременно должно было укрепить отношения Британской империи со своими союзниками.

В антироссийских сочинениях представлен весь арсенал инструментов психологического влияния, используемых для воздействия на британскую внешнюю политику. Успех подобных произведений измерялся степенью такого влияния.

Из перечисленных авторов наилучших результатов достиг Д.Уркхарт, который внёс заметный вклад в подготовку общественного мнения накануне Крымской войны, а также Роулинсон, который смог убедить британское правительство и парламент в необходимости политики интервенционизма, что привело к смене политики «искусного бездействия» в Центральной Азии на политику «дружеского вмешательства».

Можно заключить, что в XIX столетии, когда политический реализм ещё не существовал как целостный теоретико-методологический подход к анализу политики и международных отношений, британские политические деятели и публицисты активно использовали его различные элементы.

Для изучения международных отношений наибольший интерес представляет практика использования памфлетистами ценностных бинарных оппозиций. Вызывая у читателя контрастное восприятие, авторы добивались максимальной поддержки своих взглядов. Значение этих оппозиций вышло далеко за рамки решения конкретных внешнеполитических задач. От издания к изданию антироссийские произведения, по сути, занимались пропагандой биполярной модели международных отношений.

Духовник Наполеона, аббат Доминик де Прадт, считал, что «Англия правит на море, Россия на земле: таково действительно разделение мира» [25]. Уркхарт подчёркивал, что «мастодонт сарматских степей» (Россия) стремится стать «Левиафаном морей Запада», т.е. занять место Британской империи.

Анализ различных систем международных отношений привёл К.Н.Уолца к убеждению, что биполярная система является наиболее стабильной [26]. Однако для памфлетистов XIX в. стабильность этой системы была обусловлена прежде всего самими дискурсивными практиками, в которых отношения двух империй выстраивались в логике бинарной оппозиции «Я» – «Другой».

Примечания

1. *Tsygankov A.P.* Russophobia: Anti-Russian Lobby and American Foreign Policy. N.Y.: Palgrave, 2009; Maitra S. U.S. Foreign Policy: Back to Realism // International Affaires Review. 2013. Jan. 13 // URL: http://www.iar-gwu.org/node/453; Khoo N. Is Realism Dead? Academic Myths and Asia's International Politics // Orbis. 2014. Vol. 58. Issue 2. P. 182–197.
2. *Тренин Д.* Украинский кризис и возобновление великодержавного соперничества. М.: Московский Центр Карнеги, 2014. (В печати).
3. *Gleason J.H.* The Genesis of Rusophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion. Cambridge: Harvard University Press, 1950; *Krautheim H.-J.* Offentliche Meinung und imperiale Politik: Das britische Russlandbild, 1815–1854. Berlin: Dunker und Humblot, 1977 et al.
4. *Зашихин А.Н.* «Глядя из Лондона»: Россия в общественной мысли Британии. Вторая половина XIX – начало XX в. Очерки. Архангельск: Изд-во Поморского межд. пед. ун-та, 1994.

5. *Porter B.* The Absent-Minded Imperialists: Empire, Society, and Culture in Britain. Oxford: Oxford University Press, 2004.
6. *Jonathan P.* The Politics of Patriotism: English Liberalism, National Identity and Europe, 1830–1886. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
7. *Webster C.K.* The Foreign Policy of Palmerston, 1830–1841: Britain, the Liberal Movement, and the Easter Question. In 2 vol. N.Y.: Humanities Press, 1969; *Taylor A.* Palmerston and Radicalism, 1847–1865 // Journal of British Studies. 1994. Vol. 33. №. 2. P. 157–179; *Виноградов В.Н.* Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 182–209.
8. *Bryant W.C.* Advertisement // Cobden R. The Political Writing. Vol. 1. L.; N.Y.: D. Appleton, 1867. P. 158.
9. *Нойманн И.Б.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое изд-во, 2004. Гл. 5.
10. *Connolly W.E.* Identity\Difference: Democratic Negotiations of Political Paradox. Expanded Edition. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 1991. P. 64–68.
11. *Tilly C.* War Making and State Making as Organised Crime // Bringing the State Back in / ed. P.B. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 169–191.
12. *Campbell D.* Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. Rev. Ed. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998.
13. *Walt S.M.* Alliance Formation and the Balance of World Power // International Security. 1985. Vol. 9. № 4. P. 4; *Mearsheimer J.* The Tragedy of Great Power Politics. N.Y.: W.W. Norton, 2001.
14. *Barratt G.* Russophobia in New Zealand, 1838–1908. Palmerston North (New Zealand): Dunmore Press, 1981; Barratt G. Russian Shadows on the British North-west Coast of North America, 1810–1890: A Study of the Rejection of Defence Responsibilities. Vancouver: University of British Columbia Press, 1983; *Каремаа О.* Русофобия в Финляндии 1917–1923 гг. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. Материалы российско-финляндских симпозиумов историков, Санкт-Петербург, февраль 1999 г.; Хельсинки, май 2001 г.; Санкт-Петербург, сентябрь 2004 г. М.: ИРИ РАН, 2006. С. 212–220.
15. *Brock P.* Polish Democrats and English Radicals, 1832–1862: A Chapter in the History of Anglo-Polish Relations // The Journal of Modern History. 1953. Vol. 25. № 2. P. 139–156; From the other Shore: Russian Political Emigrants in Britain 1880–1917 / Ed. J. Slatter. L.: Frank Cass, 1984; Miller M. The Russian Revolutionary Emigres 1825–1870. Baltimore; L.: The John Hopkins University Press, 1986; Романюк С.К. «Русский» Лондон. М.: АСТ, 2009.
16. *Bartholoma R.* Von Zentralasien nach Windsor Castle. Leben und Werk des ungarischen Orientalisten Arminius Vambery (1832–1913). Wurzburg: Ergon, 2006.
17. *Holsti K.J.* The State, War, and the State of War. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 39.
18. *Taylor A.J.P.* The Trouble Makers: Dissent over Foreign Policy, 1792–1939. L.: Hamish Hamilton, 1957.
19. *Чалдини Р.* Психология влияния. М.: Питер, 2012. Гл. 1.
20. *Buzan B.* People, States & Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. Dorchester: Pearson-Longman, 1991. P. 134.
21. *Орлов А.А.* «Английский обер-шпион» или «солдат удачи»: оценка деятельности и личности генерала Р.Т.Вильсона в русской и англоязычной историографии // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография: Сб. материалов / ред.-сост. В.М.Безотосный. М.: Гос. ист. музей, 2005. Т. 4. С. 272–286.
22. *Саид Э.В.* Ориентализм: Западные концепции Востока. СПб.: Русский мір, 2006. С. 99, 104, 105, 107, 108, 116, 127–128, 194, 208.

23. *Taylor M.* The Old Radicalism and the New: David Urquhart and the Politics of Opposition // Currents of Radicalism: Popular Radicalism, Organized Labour and Party Politics in Britain, 1850–1914 / ed. E.F.Biagini, A.J.Reid. N.Y.: Cambridge University Press, 1991. P. 23–43.
24. *Lamb M.* The Making of a Rusophobe: David Urquhart – The Formative Years, 1825–1835 // The International History Review. 1981. Vol. III. № 3. P. 330–357.
25. *Pradt D.* de. Du systeme permanent de l'Europe a l'egard de la Russie et des affaires de l'Orient. Paris: Pichon et Didier, 1828. S. 1.
26. *Линклейтер Э.* Неореализм в теории и на практике // Теория международных отношений на рубеже столетий / под. ред. К.Буса и С.Смита; общ. ред. и предисл. П.А.Цыганкова. М.: Гардарики, 2002. С. 255.

Подписка на 2014 г.

на журнал «Обозреватель–Observer»

в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:

47653 — на полугодие

36789 — на год

Рецензия

Политика и военная стратегия – *uniti aeternum*

Взгляд Андрея Кокошина

Сергей Лавренов

Новая книга академика РАН А.А.Кокошина* «Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности» посвящена более чем актуальным и по-прежнему дискуссионным (несмотря на многовековой опыт их исследования) проблемам, от решения которых в немалой степени зависит не только национальная безопасность России, но и международная безопасность в целом, а значит, прямо или косвенно – судьба каждого, живущего на планете.

К числу этих проблем академик отнёс:

– проблемы взаимодействия и взаимовлияния политики и военной стратегии;

ЛАВРЕНОВ Сергей Яковлевич – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник факультета мировой политики Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова. *E-mail:* lavrs2009@yandex.ru

Ключевые слова: политика, военная стратегия, национальная безопасность, стратегическая стабильность, разведка, процесс принятия решения, неядерное содержание.

* Андрей Александрович Кокошин приобрёл известность в научной среде ещё в доперестроечные времена, в связи с участием в научных разработках по проблемам стратегической стабильности и космической противоракетной обороны. В мае 1992 г. он был назначен первым заместителем министра обороны России. В 1997–1998 гг. занимал посты Государственного военного инспектора – секретаря Совета обороны России, затем – секретаря Совета безопасности РФ. Под руководством А.А.Кокошина была разработана первая Государственная программа вооружений Российской Федерации, утверждённая правительством в 1994 г. Он курировал создание оперативно-тактического ракетного комплекса «Искандер», бомбардировщика Су-34, боевых вертолётов, стратегических подводных ракетоносцев проекта «Борей», ракетных комплексов «Тополь-М» и «Ярс», высокоточного дальнобойного оружия в неядерном оснащении, строительство крейсера «Пётр Великий» и ударных вертолётов Ми-28 и Ка-50 («Чёрная акула»), программы создания электроники военного назначения «Интеграция-СВТ», «Багет» и др.

– особенности принятия решений в сфере стратегического управления;
– роль и место разведки в системе стратегического руководства;
– долгосрочные проблемы обеспечения стратегической стабильности;
– некоторые тенденции в развитии современных вооружённых сил и их воздействие на стратегическую стабильность;
– ряд проблем в системе неядерного (предъядерного) сдерживания в оборонной политике России, что особенно важно в условиях углубляющейся напряжённости в отношениях России и США.

Особый интерес исследования обусловлен тем, что рассматриваемые проблемы анализируются не просто на уровне политико-военного теоретизирования, но в конкретно-историческом контексте с привлечением огромного фактологического материала как из недавнего прошлого (внезапное нападение Германии на Советский Союз, Карибский кризис и др.), так и актуального политического времени, что придаёт полученным выводам не только достоверность, но и тревогу сегодняшнего дня.

Свой критически-дискурсивный анализ академик А.А.Кокошин в значительной степени основывает на обновлённом прочтении книги К.Клаузевица «О войне», которая, как и любое крупное произведение, сохраняет свою научную востребованность по настоящее время, лишний раз подтверждая, что Клаузевицу удалось совершить переворот во взглядах на войну и армию.

По мнению А.А.Кокошина, классическая формула Клаузевица: «Война есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами» [1], несмотря на глубокие изменения в военной теории и практике, по-прежнему сохраняет свою истинность, определяя сущностный характер взаимоотношений между политической и военной стратегией, разграничивая сферы ответственности между гражданскими политическими руководителями и военными профессионалами, по долгу службы призванных материализовывать политические установки в планах стратегических действий, определении наиболее эффективных военных способов достижения конкретных политических целей.

Уяснение смысла формулы Клаузевица предполагает дальнейшую «расшифровку», уточнение тех аспектов его учения, которые, несмотря на прошествие длительного времени, по сей день остаются не до конца осмысленными.

Автор книги прежде всего обращает внимание на определение собственно понятия войны, данного Клаузевицем и ещё не попавшего в центр научного дискурса. Война, с точки зрения Клаузевица, «представляет собой своеобразную троицу», составленную из следующих элементов: «из насилия как первоначального своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать как *слепой природный инстинкт*»; «из игры вероятностей и случайностей, что делает *её свободной душевной деятельностью*»; «из подчинённости её в качестве орудия политики, благодаря чему она становится достоянием непосредственно *рассудка*» [2]. Первая из трёх сторон «обращена больше к *народу*, вторая – *к*

полководцу и его войску, а третья – к *правительству*» [2].

Подобный подход предполагает, что политик, следующий принципу «если хочешь мира, готовься к войне», при принятии соответствующих решений должен учитывать помимо рациональных факторов иррациональную составляющую войны с её «слепым природным инстинктом», способным значительно ускорить втягивание в орбиту войны, серьёзно деформируя изначально рациональные планы политиков и военных.

Возможность наложения при этом различных «вероятностей и случайностей» в немалой степени может способствовать такому ходу событий. Именно в этом одна из причин того, что события кризисного и военного времени нередко выходят из-под контроля как государственного руководства («политики»), так и военного командования.

В этих условиях особую важность для предотвращения нежелательного развития событий имеет готовность и умение политиков, а также высших военных различать «войны по характеру своих мотивов и тех обстоятельств, при которых они зарождаются» [2], что является далеко не простым делом. Это умение трудновыполнимо не только в практической, но и в профессионально-исследовательской деятельности, чему свидетельство непрекращающиеся по сей день, несмотря на прошествие века, дискуссии о причинности Первой мировой войны, как и ответственности за её развязывание [3]. Одна из предпосылок подобной ситуации заключается в том, что основные протагонисты стремятся тщательно завуалировать свои истинные мотивы, превращая исследование механизма зарождения в трудноразрешимый ребус.

Очередным свидетельством этого является углубляющийся украинский кризис, когда киевская власть и её закулисные «спонсоры» не только не готовы признать как минимум «равную ответственность» за происходящее и на этой основе искать компромисс, но во всех смертных грехах обвиняют Россию, тем самым способствуя эскалации конфликта. Несмотря на то что планы инициаторов кризиса очевидны и уже расписаны, иррациональность подобного поведения заключается в том, что их шансы на победу в остром противостоянии совершенно не очевидны.

Как бы там ни было, но мотивы политиков и военных, а также стоящих за ними могущественных финансово-экономических группировок в немалой степени определяют масштаб войны и характер используемых средств, оперативные формы применения вооружённых сил и тактику боевых действий. Это тем более справедливо в современную эпоху, когда в условиях огромного влияния глобальных массмедиа, освещающих войны и вооруженные конфликты почти в реальном масштабе времени, действия, считающиеся тактическими, могут одномоментно превратиться в серьёзную проблему для высшего политического и военного руководства.

После Клаузевица неоднократно предпринимались попытки конкретизировать, «операционализировать» его положение о примате политики над военной стратегией.

В своё время бывший заместитель начальника Генерального штаба СССР генерал-полковник М.Повалий дал убедительную аргументацию о руководящей роли политики по отношению к военной стратегии: «Политика, на основе оценки мировых политических, классовых сил, состояния экономического, военного и морально-политического потенциалов своих и вероятных противников, определяет политическую цель войны, т.е. её политическое содержание… Она намечает важнейшие промежуточные задачи военных действий, вытекающие из общей цели, порядок вступления в войну, сроки или последовательность ударов, которые необходимо осуществить на различных театрах или в стратегически важных районах земного шара. Политика… определяет состав вооружённых сил, которые необходимо иметь к началу войны и в ходе её развития, их группировку и задачи с учётом значимости театров военных действий и сил противника» [4].

Что касается роли военной стратегии, то Повалий отвечает на этот вопрос цитатой из книги маршала Б.М.Шапошникова «Мозг армии»: «Что касается стратегии, то она призвана вооружёнными силами добиться поставленной ей цели… Соответственно, главной задачей стратегического руководства является разработка конкретного плана войны против явных и вероятных противников» [4].

Большинство военных теоретиков считают, что войны начинаются тогда, когда противодействующие политические силы уже не в состоянии наличными политико-дипломатическими средствами предотвратить её, не видят иного выхода, кроме применения крайнего средства для разрешения накопившихся межгосударственных противоречий. Помимо причинно-следственной отмечается также сущностная связь между войной и политикой, которая определяет характер политической цели войны, её социальный характер, т.е. в интересах какой социальной группы она ведётся, и, как следствие – её исторический смысл и значение. Политика в лице соответствующих институтов руководит как ходом самой войны, так и жизнью страны, мобилизуя все силы на достижение победы. Политика, как внешняя, так и внутренняя, отвечает за обеспечение благоприятных условий для выполнения поставленных военно-стратегических задач.

Решение этой задачи, по мнению автора, осуществляется в рамках того, что можно именовать как **высшую стратегию**, являющуюся категорией более высокого и многопланового уровня, чем военная стратегия. Под высшей стратегией, как правило, подразумевают целенаправленную деятельность государства во время войны (и в период подготовки к ней) по наиболее эффективному использованию всех компонентов его мощи (потенциала) для достижения победы [1].

Соответственно, высшая стратегия предполагает не только использование вооружённых сил, но и дипломатию, экономическое принуждение (включая разные формы экономической блокады), разведывательные мероприятия, многоплановое пропагандистско-психологическое воздействие, мобилизацию в необходимых масштабах и формах национальной промышленности и трудовых ресурсов ради достижения победы.

Такое определение высшей стратегии во многом созвучно понятию «“**большая стратегия**” (*Grand Strategy*), принятому в англосаксонских странах. Что касается отечественной традиции, то здесь, до последнего времени, чаще использовался тер-

мин "**военная политика**". Последняя непосредственно связана с созданием военной организации, техническим оснащением вооружённых сил, определением перспектив развития вооружений и военной техники, мобилизационных возможностей государства, подготовки военно-обученных резервов, в случае необходимости – их мобилизационного развёртывания, а при необходимости – с решением о применении средств вооружённого насилия для достижения политических целей. При этом она должна опираться на оценку своих сил и сил вероятных противников, потенциалов, составляющих военную мощь государства, и факторов, решающих ход и исход войны» [5].

Клаузевиц, по мнению автора, совершенно справедливо считал, что *действие политических факторов не прекращается с началом боевых действий.* Говоря об особенностях войны, он отмечал: «То, что ещё остаётся в ней своеобразного, относится лишь к своеобразию её средств» [2].

Однако, как подчёркивал Клаузевиц, у военного командования есть свои права в отношении политиков и политики. Военная стратегия имеет право «выставлять свои требования к политике», для максимально чёткого формулирования политических целей применения военной силы.

«Военное искусство в целом и полководец в каждом отдельном случае вправе требовать, чтобы направление и намерение политики не вступали в противоречие с военными методами» [2].

Со своей стороны высшее военное командование обязано полностью информировать руководство о том, соответствуют ли наличные военные средства поставленным политическим целям.

Однако и эти обстоятельства не отменяют доминирования политики, ибо «политическое намерение является целью, война же – только средство, а никогда нельзя мыслить средство без цели» [2]. Опасения Клаузевица о возможности инверсии этой, с его точки зрения, аксиомы, подтвердил опыт Германии в Первую мировую войну, когда всё руководство страны фактически оказалось в руках генерального штаба во главе с Гинденбургом и Людендорфом и в определённый момент политика стала подчиняться военной стратегии.

Как подчёркивал немецкий фельдмаршал Х.Мольтке-старший, для хода войны руководящими являются главным образом военные соображения, политические же – лишь поскольку «они не требуют ничего с военной точки зрения недопустимого» [6].

Фактическое отстранение политиков от принятия решения способствовало катастрофическому поражению Германии. Однако сторонников того, что политика должна установить политическую цель войны и затем предоставить стратегии полную свободу действий, история и после этого знала немало.

В отечественной военной мысли наиболее яркий след в истории изучения вопросов, касающихся соотношения политики и военной стратегии, оставили Б.М.Шапошников в книге «Мозг армии» и А.А.Свечин в фундаментальном труде «Стратегия».

Оба военных теоретика в целом разделяли взгляды Клаузевица. А.А.Свечин писал: «Утверждение о господстве политики над стратегией, по нашему мнению, имеет все-

мирно-исторический характер… Стратегия, естественно, стремится эмансипироваться от плохой политики; но без политики, в безвоздушном пространстве, стратегия существовать не может; она обречена расплачиваться за все грехи политики»[7].

«Политическое безголовье» Германии в начале XX в., по мнению Свечина, отчасти характеризовалось «эмансипацией германской стратегии от политических директив».

Сложная архитектоника взаимоотношений политики и военной стратегии, от характера которых в определённый исторический момент может зависеть судьба страны, по мнению автора, требует, чтобы государственное руководство было готово к тому, чтобы ставить задачи военной стратегии. В истории случается, писал Клаузевиц, что «политика ошибочно ожидает от применения некоторых боевых средств и мероприятий несоответственного их природе действия». К тому же политика, не знакомая с вопросами военной стратегии, оперативного искусства, «может поставить задачи (перед военной стратегией. – *Авт.*), не соответствующие её собственным намерениям» [2]. Последнее в истории имело место множество раз; в силу этого, замечает Клаузевиц, *«политические вожди не должны быть чужды известному пониманию военного дела»* [2].

«Ответственные политические деятели, – писал Свечин, – должны быть знакомы со стратегией… Политик, выдвигающий политическую цель для военных действий, должен отдавать себе отчёт, что достижимо для стратегии при имеющихся у неё средствах и как политика может повлиять на изменение обстановки в лучшую или худшую сторону. Стратегия является одним из важнейших орудий политики; политика и в мирное время в значительной степени должна основывать свои расчёты на военных возможностях дружественных и враждебных государств» [7].

В то же время, по мнению Свечина, вполне допустимо говорить: военный стратег должен постоянно думать о том, что то или иное стратегическое действие может значить для политики [1]. К сожалению, знание высшим командным составом реальных проблем внешней и внутренней политики своего государства далеко не всегда соответствует такого рода требованиям.

«Известное понимание» предполагает, что государственные руководители (и их аппарат) обязаны не только быть сведущими в том, какими военными средствами может быть достигнут тот или иной военно-стратегический результат, но и иметь представление об основных компонентах механизма выработки и принятия военно-стратегических решений и механизма их реализации, то, что Клаузевиц называл «трением войны», поскольку специфика управления в военной сфере существенно отличается от общегосударственного гражданского управления.

Таким образом, взаимоотношения между государственным политическим руководством и военным командованием, с точки зрения А.А.Кокошина, исходящего из позиции К.Клаузевица, это *набор взаимных встречных обязательств, взаимная ответственность друг перед другом при главенствующей роли политики* [1].

Более чем актуально, по мнению А.А.Кокошина, звучат размышления Клаузевица о путях достижения победы. Подчёркивая, что именно бой – прежде всего решающее сражение – занимает центральное место на

войне, автор тем не менее утверждает, что это не должно заслонять собой возможности использовать для достижения победы другие средства, как военные, так и невоенные. По Клаузевицу, достижение победы – это не простое перемалывание живой силы противника; главная задача – сломить его волю, т.е. вынудить противника и его союзников подписать мир или привести народ к покорности [2].

Соответственно, Клаузевиц упоминает в составе этих средств и «предприятия, непосредственно предназначенные для оказания давления на политические отношения», т.е. фактически на внутриполитическую обстановку в стране [2].

На эту сторону учения Клаузевица о войне до сих пор большинство специалистов обращали мало внимания, подчёркивает А.А.Кокошин, однако масштабные информационные войны и череда «цветных революций» во многих странах, в том числе постсоветских, показывают, что западные политические и военные технологи в полной мере оценили и операционализировали это положение немецкого военного теоретика для достижения далеко идущих целей при цивилизационной и геополитической экспансии на Восток [8].

Клаузевиц не стремился дать полную классификацию различных способов и методов преодоления воли человека, не желая быть «педантом», справедливо полагая, что их перечень будет пополняться и видоизменяться.

Впрочем, по мнению автора, идея Клаузевица о том, что уничтожение вооружённых сил противника есть прежде всего подавление его воли к сопротивлению, давно уже вошла в плоть и кровь немецкой военной мысли – от стратегического до тактического уровня.

Она лежит, например, в основе зародившейся ещё в конце Первой мировой войны тактики штурмовых групп пехоты с активным использованием лёгкого автоматического оружия (сначала ручного пулемёта, затем пистолета-пулемёта), призванного прежде всего производить сильнейшее психологическое воздействие на обороняющихся непрерывным огнём с невысоким уровнем прицельности.

На подавление воли к сопротивлению были рассчитаны тактика, оперативное искусство и стратегия применения германских танковых соединений во Второй мировой войне. Они были ориентированы прежде всего на глубокие прорывы в оперативный тыл группировок противника, чтобы в основном воздействовать на психику командующих, командиров и бойцов, создавать в сознании угрозу быть отсечёнными от соседей и уничтоженными. Танковые соединения вермахта с минимальным числом пехоты действовали при этом на большом удалении от основных сил. Они вводились на стыках соединений противника, там, где не ожидалось сколько-нибудь серьёзного сопротивления, где не было задач «прогрызания» или «взламывания» обороны, решение которых было чревато большими потерями в бронетанковой технике. А для этого больше всего подходили лёгкие (и отчасти средние) танки с небольшим потреблением горючего, что облегчало действия танковых соединений и частей на большом удалении от тыла [1].

Устарела ли формула Клаузевица о примате политики над военной стратегией с появлением ядерного оружия?

Советские исследователи уже в конце 50-х – начале 60-х годов обратили внимание на радикальное изменение как положения о том, что война является продолжением политики в изменившихся условиях, так и характера самой военной стратегии в связи с появлением ракетно-ядерного оружия.

Маршал Советского Союза Н.В.Огарков, будучи начальником Генерального штаба, констатировал: «Появление в 1945 г. и быстрое совершенствование в последующем ядерного оружия, обладающего невероятной силой поражения, по-новому поставили вопрос о целесообразности войны как средства достижения политической цели...» [9].

По мнению известного историка Д.М.Проэктора, ядерное оружие «становится скорее, так сказать, политическим оружием, выходя за рамки традиционного средства войны» [10].

Эта точка зрения получила поддержку научного сообщества. В 80-е годы был вообще поднят вопрос о правомерности применения к такому гипотетическому понятию, которое принято называть ракетно-ядерной войной, самого термина «война».

Однако не все придерживались столь категоричной точки зрения.

В частности, А.Кокошин цитирует маршала Н.В.Огаркова, который считал возможным развязывание «термоядерной войны» в качестве продолжения политики со стороны иррационально действующих сил [1].

История ядерного оружия знает несколько примеров использования ядерного шантажа в качестве инструмента политики как со стороны США, так и Советского Союза, который, при неблагоприятном стечении обстоятельств, мог перерасти в термоядерную войну. Соответственно, ракетно-ядерная политика остаётся продолжением политики, пусть иррациональной, неверной или «дурной» политики, как утверждал известный советский военный теоретик А.А.Свечин.

Исследователь Н.Грачёв замечает по этому поводу: «Само ракетно-ядерное оружие создано, накапливается и совершенствуется по заказу политиков, оно есть выражение вполне осознанной политики. Политика решила и будет решать вопрос о применении или неприменении ядерного оружия. Агрессивные силы США уже не один десяток раз хотели применить ядерное оружие против СССР и других стран. И чего-либо принципиального, от чего это оружие перестало бы быть орудием войны, не произошло. Не лишает политического содержания ракетно-ядерную войну и её случайное, из-за технического сбоя, начало, ибо в самой этой случайности повинна всё-таки политика, готовившая войну. Тем более, что ответные меры в этой непреднамеренно начавшейся войне уже не будут случайностью. И вопрос об их применении будет решаться политическим руководством» [11].

А.А.Кокошин в своей книге выделяет как минимум четыре основных источника опасности непреднамеренного, случайного возникновения ядерной войны:

– технические ошибки в системах раннего предупреждения и управления ядерным оружием;

– неудачные принципы организации движения информации в системе принятия решений;

– человеческие ошибки в оценке военно-стратегической ситуации в результате неверной интерпретации поступающих данных;

– механические ошибки или нервные срывы человека в результате неадекватного состояния – усталости, болезни.

Наиболее опасный, необратимый характер могут принять события при наложении ошибок нескольких видов [1].

Автор монографии придерживается точки зрения, что ядерная война «по ошибке» не может по определению быть рациональным продолжением государственной политики, но она вполне может оказаться логическим продолжением ошибочной политики, в том числе и при решении ряда сравнительно частных проблем: в подборе кадров, имеющих отношение к принятию решений о применении ядерного оружия и к его эксплуатации, в технической политике, касающейся соответствующих средств управления и контроля, и т.п. Для предотвращения несанкционированного, случайного применения ядерного оружия, по его мнению, необходимы регулярные тренировки с участием высшего государственного руководства [1].

Важное значение имеет вывод А.А.Кокошина о том, что в современных условиях формально рациональным продолжением политики с использованием военных средств вполне может оказаться ограниченная ядерная война ядерного государства против неядерного [1]. В такой войне могут, в частности, ставиться ограниченные политические и военные задачи по уничтожению объектов другой стороны, на которых ведётся разработка ядерного оружия (и других видов оружия массового поражения – химического, биологического) и средств его доставки, по «обезглавливанию» системы либо государственного, либо военного управления, поражению определённых наиболее ценных объектов, сил и средств общего назначения.

Такая война ядерного государства против неядерного может представляться вполне мыслимой западными планировщиками, поскольку ядерное государство не рассчитывает на ответный удар со стороны неядерного государства. Серьёзную угрозу для международной безопасности являет возросшая вероятность получения радикальными неправительственными организациями в свои руки оружия массового поражения с дальнейшим использованием его в качестве орудия ядерного шантажа для получения политических уступок.

Существенному изменению в ядерную эпоху подверглась и военная стратегия. По мнению генерала армии С.Н.Козлова, «теперь стратегия обладает возможностью достигать своих целей не только через совокупность тактических и оперативных результатов, но и непосредственно… Сам эффект стратегических ударов прямо и более или менее непосредственно определяет обстановку, ход и результаты всех других усилий и масштабов, как оперативных, так и тактических» [12].

Несмотря на то что гигантские жертвы и разрушения, вызываемые применением ракетно-ядерного оружия, выводят его использование за пределы военного искусства, различные планы «ограниченной ядерной войны» по-прежнему разрабатываются, в том числе и на военно-стратегическом уровне.

Одной из важнейших проблем сложного взаимодействия политики и военной стратегии является принятие решения как в условиях предвоенного кризиса, так и войны.

Автор подчёркивает, что принятие решения является центральным звеном всего управленческого процесса.

Отличие решений в военной сфере состоит в том, что они определяют вопросы жизни и смерти в условиях ядерного века – сотен миллионов, а может быть, даже и миллиардов человек.

Политико-военные решения в условиях острого международного кризиса отличаются особой сложностью. В большинстве случаев их приходится принимать при отсутствии полноты информации, недостатке времени и стрессовой обстановки, необходимости быстрого выбора из ряда альтернатив [1].

Принятие решения на войне – сложный процесс с активным вторжением эмоций, всякого рода случайностей, несуразностей, нарушающих ход формализованной логики. На эту особенность решения в политико-военной сфере обращал внимание и Клаузевиц, который отмечал, что на войне «вождь крупного целого находится постоянно под ударами волн ложных и истинных сообщений, ошибок, допущенных вследствие страха, небрежности, торопливости или упрямства, проявленного на основании правильных или неправильных взглядов, по злой воле или из ложного или подлинного чувства долга, вследствие лености или переутомления он окружён случайностями, которые никто не смог бы предусмотреть» [2].

Рассматривая Клаузевица, А.А.Кокошин обращает внимание, что он в своих трудах тщательно анализировал многие детали, в частности: как принимались решения, какую роль играли при этом конкретные люди и т.д. Обстоятельные и весьма рельефные характеристики основных действующих лиц в системе стратегического управления – это непременный атрибут работ Клаузевица. В своём труде «О войне» он писал, что «искры личных отношений», которые пролетают «через любые материальные перегородки», имеют «исключительное значение на войне, где личность деятелей – в кабинете и в поле – играет такую крупную роль» [2].

Но и в условиях формально мирного времени стратегические решения высшего политического уровня не менее сложны и ответственны. Они, по мнению А.А.Кокошина, предполагают: определение основных угроз национальной безопасности страны, их соотношение с другими видами угроз, установление вероятных противников, возможных (и желаемых) союзников и партнёров, оценку глубины и надёжности союзнических или партнёрских отношений, стратегическое сосредоточение и развёртывание войск, проведение крупномасштабных военных операций, в том числе выбор направления главного удара, и т.д. За многими решениями такого рода, нацеленными на определение характера и содержания предстоящей войны, стоят решения в экономической и военно-технической сферах. И цена ошибки может быть огромной [1].

Просчёты в этих сферах, допущенные военным министерством Российской империи за несколько лет до начала Первой мировой войны, имели трагические последствия для нашей страны. Эта цена ещё более возрастает в современных условиях, когда стоимость новейших систем вооружения может достигать огромных величин.

Серьёзным просчётом подобного плана автор небезосновательно считает односторонний выход США из Договора по ПРО (1972 г.) осенью 2001 г., вызванный намерением развернуть систему ПРО в ряде европейских стран. Это решение радикально меняет основные параметры системы обеспечения стратегической стабильности, сложившейся с начала 70-х годов.

В ответ Россия заявила о возможности воспользоваться правом выхода из нового (Пражского) Договора о стратегических наступательных вооружениях (СНВ-3), подписанного в 2010 г.

Политико-стратегическая значимость ограничения системы ПРО заключается прежде всего в том, что в этом случае становятся безосновательными надежды на снижение собственных потерь в ядерной войне до приемлемого уровня и, соответственно, перечёркивается сама идея достижения сколько-нибудь реальной победы в ядерной войне. Поскольку невозможно снизить свой ущерб от ответного удара другой стороны, постольку фактически лишается смысла и первый упреждающий удар [1].

Возвращаясь к эпохе холодной войны, автор отмечает, что работа над системами ПРО стала объективной основой для эрозии стратегической обстановки, так же как и ускоряющийся военно-технический прогресс, причём не только в ядерной сфере. Ускоренными темпами, например, развивались в 70-е годы и неядерные средства поражения повышенной точности, которые можно было бы устанавливать на носителях большой дальности, отнесённых к категории стратегических; в сочетании со значительным увеличением точности наведения на цель это рассматривалось как потенциальная угроза для ряда компонентов стратегических ядерных сил.

Одновременно обе стороны занимались разработкой технологий, различных способов, систем, повышающих боевую устойчивость стратегических ядерных сил в условиях применения против них ядерного оружия.

Это касалось:

– различных дополнительных вариантов базирования межконтинентальных баллистических ракет на подвижных стартах (ПГРК, БЖРК, воздушного запуска – БРВЗ и др.) [13];

– снижения шумности подводных лодок и увеличения глубины их погружения;

– снижения заметности для самолётов стратегической авиации и крылатых ракет большой дальности;

– повышения дальности баллистических ракет подводных лодок, что значительно увеличивало площадь акваторий для боевого патрулирования стратегическими подводными ракетоносцами.

Неконтролируемое и неограниченное развитие сил и средств противолодочной борьбы вместе с различными средствами ПРО также несло и несёт в себе угрозу стратегической стабильности. Соответственно, развивались и развиваются различного рода элементы теории ядерного сдерживания, которые строились не только на возможности обмена взаимно самоубийственными «ударами возмездия» по крупным городским агломерациям, но и возможности удара по другим объектам, что позволяло бы завершить войну с применением ядерного оружия тем или иным вариантом «победы». Этот процесс становится ещё более опасным в связи с дальней-

шим расширением клуба ядерных держав, число которых только за последние годы пополнились Индией, Пакистаном и др.

Ошибочность ставки на систему ПРО как определённой гарантии для «обезоруживающего» первого удара в немалой степени обусловлена тем, что любая подобная система ПРО требует огромных расходов. Ещё бывший министр обороны США Р.Макнамара обратил внимание на колоссальную стоимость противоракетной обороны территории страны как аргумент для поиска альтернативного решения обеспечения национальной безопасности [1].

Автор обстоятельно рассматривает ещё одно направление, непосредственно связанное с обеспечением национальной безопасности. Любое политико-военное решение для своей адекватности требует достоверной оценки как вероятного противника, так и собственного потенциала. В подготовке информационной основы для принятия решения в области внешней политики, обороны и обеспечения внутренней безопасности огромную роль играет разведка. Государственный руководитель ждёт от разведслужбы обоснованного предупреждения о тех событиях и процессах, которые могут произойти в будущем и которые несут в себе угрозу национальной безопасности. Соответственно, особое внимание в деятельности разведки должно уделяться соотношению текущей и перспективной информации [1]. Это тем более важно, что подавляющее большинство политиков в своей деятельности сосредоточены прежде всего на решении текущих проблем.

Задача адекватного предупреждения высшего государственного руководства, вопреки расхожим мнениям, решается не только за счёт заблаговременного получения сообщений отдельных суперагентов или агентурных связей. Она предполагает серьёзнейшую аналитическую работу на основе многообразных данных, полученных как открытым, так и «неоткрытым» путём. Соответственно, традиционной спор о том, кому принадлежит первенство в разведывательном сообществе – разведчикам-операторам или аналитикам, является надуманным, каждый из них на своём месте играет неоценимую роль.

Автор подчёркивает, что функция разведки не сводится только к оценке возможностей, не менее важна оценка намерений оппонента, что является значительно более сложной задачей. Возможности той или иной страны, связанные прежде всего с материальными ресурсами, которые государство выделяет на развитие оборонной промышленности и строительство собственно вооружённых сил, меняются относительно медленно.

По-иному протекают процессы, связанные с изменением намерений высшего государственного руководства, которые могут произойти в гораздо более короткие сроки и при этом гораздо труднее поддаются «расшифровке» [14].

Так, новейшие исследования на основе анализа, в том числе архивных материалов, убедительно говорят о том, что германские разведслужбы не имели представления о реальной военной мощи Советского Союза, особенно о гигантских масш-

табах той подготовки советской промышленности к войне, которая была осуществлена в конце 30-х – начале 40-х годов. Это было связано прежде всего с исключительно высоким уровнем секретности в СССР.

Однако незнание Сталиным подлинных расчётов и оценок Гитлера советской военной мощи, системы стратегического управления привели к неверной оценке руководством СССР намерений Третьего рейха. Весь характер поведения Сталина в первые дни Великой Отечественной войны подтверждает вывод о том, что он будто бы полагал, что Гитлер преследует какие-то ограниченные цели в войне, что с ним ещё можно будет договориться и т.п. [1].

За последние 20–30 лет произошёл гигантский рост возможностей разнообразных технических средств разведки, которыми она пользуется для получения результатов, в том числе с помощью космических аппаратов оптико-электронной разведки (в ясную погоду в любое время суток) и космических аппаратов радиолокационной разведки (в сложных погодных условиях).

В ядерный век наряду с разведкой всё более значимую роль стали играть специальные системы предупреждения – системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), призванные обеспечить предупреждение о начале использования стратегических ядерных сил. Однако сверхкороткий промежуток времени, в течение которого государственное руководство должно принять решение об ответных мерах, практически обесценивает возможность использования полученного предупреждения. Автор делает важнейший вывод: никакая СПРН в современных условиях не может заменить заблаговременное предупреждение о подготовке нападения, за которое в первую очередь отвечает «разведывательное сообщество». Это означает, что многочисленные разговоры о ненужности «человеческой разведки» вследствие бурного развития технических средств не имеют под собой основания.

При этом автор отмечает, что не только разведка несёт обязанности перед государственным руководством. Нередко все оценки разведок и дипломатического ведомства перевешиваются личными установками и мировосприятием государственного руководителя.

А.А.Кокошин приводит любопытный факт о том, что ещё в 50-е годы Р.Хилсмен, известный американский политолог и теоретик разведки, обратил внимание на то, что работникам разведслужб, представляющих свои выводы и результаты анализа, приходится сталкиваться с «антиинтеллектуализмом» государственных деятелей (поскольку последние «сильно верят в силу практического опыта»). Многие деятели такого рода, писал Хилсмен, «высокомерно относятся» к аналитическим разработкам разведок, сделанным на базе социальных наук, считая, что они хороши в теории, но представляют ограниченную ценность на практике [15].

Помимо получения адекватной информации о внешнем окружении не менее важной является объективная оценка реального положения дел в собственных вооружённых силах, оборонной промышленности и науке. Эта задача, как это не покажется странным, не менее, а может

быть, более сложная, чем получение сведений о противнике. При этом она не сводится лишь к оценке численности войск и наличных вооружений. Необходимо также хорошо знать сильные и слабые стороны своего командного состава всех уровней, его способность решать тактические, оперативные и стратегические задачи, управлять войсками и находящейся на вооружении сложной военной техникой.

У высшего государственного руководства должно быть предельно трезвое понимание степени боеспособности собственных вооружённых сил. При этом далеко не все параметры боеспособности подвергаются количественному измерению. Поэтому, по мнению автора, в различных системах стратегического управления необходимо иметь специальные аналитические подразделения, способные дать взвешенную, беспристрастную оценку. Создание и укомплектование таких подразделений, как показывает отечественный и зарубежный опыт, непростая задача.

В этом плане представляет интерес опыт деятельности особого органа, созданного в 1971 г. в Министерстве обороны США, – Управления комплексных оценок, которое изначально было организационно поставлено как вне разведки, так и вне органа оперативно-стратегического планирования – Комитета начальников штабов США (в чём-то эквивалентного Главному оперативному управлению Генштаба Вооружённых Сил СССР (РФ). Данное подразделение со временем стало носителем огромной информационной базы и институциональной памяти, уникальных знаний по любым вопросам, касающимся как собственных вооружённых сил, так и вооружённых сил всех противников, оппонентов и союзников США [1].

Автор также обращает внимание на казалось бы второстепенную технико-организационную сторону этого вопроса. Принять взвешенное решение, по его мнению, это лишь полдела, не менее важным является обеспечение его реализации [1]. В ходе отработки документов, в процессе согласований с различными ведомствами и их подразделениями, как показывает исторический опыт, часто утрачивается смысл стратегического решения. Межведомственного компромисса в подавляющем большинстве случаев избежать невозможно, но нельзя допускать, чтобы при его выработке выхолащивалась суть управляющего воздействия, которое должно возникнуть при принятии решения.

И вновь автор вынужден констатировать, что, несмотря на обилие публикаций по деятельности разведок в последние годы, работ, в которых системно рассматривались бы вопросы использования разведданных в принятии стратегических решений, крайне мало.

В книге изложен ряд других важных проблем. Среди них – влияние идеологии на политику и военную стратегию, а также процесс принятия решения, характеристика основных видов стратегических решений, функциональные требования к деятельности генерального штаба в современных условиях. Безусловный научно-практический интерес представляет анализ долгосрочных проблем обеспечения стра-

тегической стабильности, некоторых тенденций развития вооружённых сил и средств общего назначения и их воздействие на стратегическую стабильность, а также рассмотрение системы неядерного (предъядерного) сдерживания в оборонной политике России.

Практическую ценность имеют предложения А.А.Кокошина по совершенствованию сферы военного управления. Нельзя не согласиться с ним, что для России исключительную актуальность имеет вопрос о системной и целенаправленной подготовке гражданских специалистов в политико-военной сфере и о дополнительном образовании для командного состава вооружённых сил в области политологии, экономики и социологии.

С этой целью, по мнению А.А.Кокошина, на постоянной основе должны функционировать форумы, где бы профессиональные военные могли бы общаться с политологами и политическими деятелями, сотрудниками госаппарата по актуальным проблемам мировой политики, национальной безопасности и военной стратегии. Безусловно, должна поощряться совместная работа над соответствующими исследованиями и документами государственного уровня. Такого рода опыт в нашей стране имеется, однако он нуждается в значительном расширении и в более углублённом взаимодействии политической и военно-стратегической составляющих для обеспечения обороноспособности страны.

Теоретические вопросы соотношения политики и военной стратегии, рассмотренные в книге, имеют прямое отношение к вопросу дальнейшего совершенствования системы стратегического управления (руководства) Вооружёнными Силами Российской Федерации. Автор исходит из того, что для этого должны быть в законодательном порядке определены роль, полномочия, ответственность в стратегическом руководстве вооружёнными силами не только Президента, Верховного Главнокомандующего и Правительства Российской Федерации, но и министра обороны и начальника Генерального штаба ВС, а также командующих объединёнными командованиями на потенциальных театрах военных действий.

По мнению автора, Генштаб ВС России может уподобиться Комитету начальников штабов ВС США, который, как правило, не включается в контур стратегического управления. В России генштаб, безусловно, должен быть одним из главнейших элементов стратегического управления в военной сфере. При этом следует иметь в виду, что политика (и внешняя, и внутренняя) в условиях глобализирующегося мира и информационного общества пронизывает все уровни боевого применения вооружённых сил – стратегический, оперативный и даже тактический. Это в полной мере относится и к гуманитарным операциям, и операциям по поддержанию мира [1].

При этом деятельность военного ведомства, в том числе Генштаба ВС России, различных компонентов вооружённых сил при проведении тех или иных операций должна тесно сопрягаться с деятельностью других ведомств РФ – Министерства иностранных дел, Службы внешней разведки, Федеральной службы безопас-

ности, Министерства по чрезвычайным ситуациям, Министерства транспорта, РЖД и др. Это взаимодействие необходимо тщательно отрабатывать на различных учениях и в ситуационных играх, для чего и в Минобороны России, и в других ведомствах должны иметься специальные подразделения. Естественно, важную роль в оказании всесторонней помощи высшему государственному руководству в подготовке принятия решения, связанных с применением военной силы, должен играть Совет безопасности России и его аппарат.

А.А.Кокошин, не избегая неудобных вопросов, не стесняясь назвать вещи своими именами, представил труд в равной степени интересный как для узких специалистов, так и для широкой аудитории, что делает его заметным явлением в политологическом научном пространстве.

Примечания

1. *Кокошин А.А.* Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. М.: ИД ВШЭ, 2013. С. 11, 24, 49, 22, 37, 61, 65, 66, 72, 73, 154, 150, 113–114, 129, 122, 82, 69.
2. *Клаузевиц К.* О войне. 4-е изд. М.: Госвоениздат, 1937. Т. 1. С. 57, 54, 55, 56; Т. 2. С. 380; Т. 1. С. 58–59, 209–210, 66.
3. Мировые войны XX века. Кн.1. Первая мировая война. Исторический очерк. М.: Наука, 2002. С. 8–18, 21–32, 33–44.
4. *Повалий М.* Политика и военная стратегия // Военная мысль. 1970. № 7. С. 10–11.
5. *Михалев С.Н.* Военная стратегия: подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени / под ред. В.А. Золотарева. М.: Жуковский: Кучково поле, 2003. С. 25; Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1983. С. 137.
6. *Мольтке Г.* Военные поучения фельдмаршала графа Мольтке / пер. с нем. СПб.,1913. С. 14.
7. *Свечин А.А.* Стратегия. 2-е изд. М.: Военный вестник, 1927. С. 30–31, 20.
8. *Штоль В.В.* Армия «нового мирового порядка». М.: ОГИ, 2010. С. 53–60.
9. *Огарков Н.В.* История учит бдительности. М.: Воениздат, 1985. С. 88.
10. *Проэктор Д.М.* О политике, Клаузевице и победе в ядерной войне // Международная жизнь. 1988. №1. С. 88.
11. *Грачев Н.* О ракетно-ядерной войне и её последствиях // Международная жизнь. 1988. № 1. С. 103.
12. *Козлов С.Н., Смирнов М.В.* [и др.]. О советской военной науке. М.: Воениздат, 1964. С. 255.
13. Отечественный военно-промышленный комплекс и его развитие / под ред. О.Д.Бакланова, О.К.Рогозина. М.: Ладога-100, 2005. С. 287.
14. *Кокошин А.А.* Прогнозирование и политика. М.: Международные отношения, 1975. С. 41–43.
15. *Хилсмен Р.* Стратегическая разведка и политические решения / пер. с англ. М.: Иностранная литература, 1957. С. 79–80.

ISSN 2074–2975 OCTOBER 2014 № 10 (297)

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

SCIENTIFICIALLY-ANALYTICAL MAGAZINE

It is published since 1992

Contents 16+

Great Poet and Patriot (Poem) 5

A.Tsvetkov

Right to self-determination and territorial integrity of states 6

V.Kartashkin

The article analyses the contents of the principle of the right to self-determination of people and that of territorial integrity of States. The author discloses their great importance for peaceful settlement of disputes among states and international security.

About the autor: KARTASHKIN Vladimir A. – meritorious lawyer of Russian Federation, professor, doctor of law.

Key words: self-determination, integrity, disputes, settlement, treaty, international law.

Russian Civilization: The Attainment of Identity 16

V.Avksentev, B.Aksyumov

The challenges that Russia has to face in context of the crisis over Ukraine are discussed in the paper. It is concluded that in the new geopolitical situation it is necessary to revise the pro-Western strategy of development of post-Soviet Russia and to focus on the formation of Russia's civilizational identity as an original unique civilization.

About the autors: AVXENTYEV Victor A. – Director of the Institute of Socio-Economic and Humanitarian Research of Southern Scientific Center of RAS, Doctor of Philosophy, Professor.

AKSYUMOV Boris. V. – Professor of the Chair of Social Philosophy and Ethnology of the North-Caucasian Federal University, Candidate of Philosophy.

Key words: Civilizational Identity, Civilization, Civilizational Choice, Cultural and Civilizational System.

Global problems: challenges and possible solutions 28

A.Zadokhin

In article global problems and the reasons of their occurrence and aggravation are considered. The author offers possible ways of the decision of these problems.

About the autor: ZADOKHIN Alexandr G. – Professor of the Diplomatic MFA of Russia academy.

Key words: global problems, global management, human safety Global problems: challenges and possible solutions.

Associated relations of the states and new regional clientele 40

A. Bagaeva

The idea of this article was born after the tragic events that have taken place in Ukraine recently. These events were detonated by rejection of the previous government to make decisions on association with the European Union. The history of associated relations between countries has been going on for more than one century. Although it has a positive display there are also the negative manifestations, including the emergence of a new type of client relationship.

About the autor: BAGAEVA Alisa Valeryevna – is Associate Professor, Chair of Sociology of International relations, Sociological Department, Lomonosov Moscow State University. Holds Russian Scientific Degree (Candidate of Sociological Sciences).

Key words: government, society, associated relations, regional integration, clientele.

Why society needs an ideology? 48

V. Surguladze

Present day processes of the world clash of cultures necessitate understanding of the moral values of each society, on the basis of which it will go in the future. Today it is evident that the Western ideological concepts do not meet the long-term interests of harmonious social development, ignore the traditional values and civilizational features of non-Western societies.

About the autor: SURGULADZE Vakhtang Shotovich – senior researcher at Russian Institute for Strategic Studies (RISS), Ph.D in Philosophy.

Key words: identity, ideology, national identity, culture, common values.

Silk Road Economic Belt and EEU – competitors or partners? 56

Wang Shuchun, Wan Qingsong

Eurasia never caused such widespread attention around the world as it is today. Major Powers one by one offered various Eurasian concepts, especially including the new integration

project of Putin – Eurasian Economic Union and the Chinese project «Silk Road Economic Belt». While crossing a large geographical area and overlapping function in a certain extent determine the competitive relationship between the two projects. However, thanks to an agreed solution between China and Russia, these two projects are not competing with each other. Instead, they show some willingness to cooperate. There are promising areas of cooperation between them.

About the autors: Wang Shuchun – the Director and a Professor in the Law School of Guangdong University of Foreign Studies;
Wan Qingsong – a PhD Student in the Faculty of European Languages and Cultures of Guangdong University of Foreign Studies.

Key words: Silk Road Economic Belt, EEU, Russia, China, areas of cooperation.

Afghanistan: yesterday, today and tomorrow. The 35th anniversary of the Soviet invasion of Afghanistan 69

A.Isakov, D.Filin

Based on a significant factual material the article unveils geostrategic importance of Afghanistan in the system of the Central Asian states, the most important stages of its historical development, and expresses the author's opinion about the near future.

About the autors: ISAKOV Anatoly Isaakovich – Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Military Sciences, an independent expert.
FILIN Denis Vasilyevich – independent expert on Central Asian countries.

Key words: Saur Revolution, a limited contingent of Soviet troops, the Taliban, «Operation Enduring power», concluded the International Security Force.

Towards Collaboration of Russian diplomacy and Science 79

E.Kutovoy

Changing modern world and world system of international relations influenced by the complicated global and regional problems put forward new tasks for the ministries of foreign affairs. Their solution requires a higher level of interaction between diplomacy and science, the use in the field of foreign policy of the achievements of scientific and technological revolution, including means of ICT. The article includes some recommendations related to enhancing effective cooperation between the Russian diplomacy and science.

About the autor: KUTOVOY Evgeny G. – Doctor of History, Professor.

Key words: world panorama, international relations, diplomatic activity, scientific potential, interaction of diplomats and scientists.

Russophobia as an instrument of British foreign policy. The XIX century: view from the standpoint of political realism 98

N.Setov, A.Topychkanov

The paper deals with British russophobia of the XIX century as a tool of international relations building. The anti-Russian pamphlets used the entire arsenal of tools of influencing, described by R. Cialdini. They needed for the formation of public opinion, the adoption of certain foreign policy decisions and organization of alliances. A very important role belonged to used by pamphleteers binary oppositions, involved in the formation of

positive and negative identities of Great Britain and its allies and justify the bipolar system of international relations.

About the autors: SETOV Nikita Romanovich – Candidate of Political Science, Senior Lecturer, Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University;

TOPYCHKANOV Andrey Vladimirovich – Candidate of History, Senior Researcher, Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.

Key words: Great Britain, russophobia, international relations, political realism.

Review

Politics and Military Strategy – uniti aeternum. Position of A.Kokoshin 107

S.Lavrenov

The article analyzes main statements of new scientific work of full member of the Russian Academy of Sciences Andrey Kokoshin "Politico- Military and Military-Strategical Issues of the Russian National and International Security" what is the final of long-term studies of this well-known public figure and scholar.

About the autor: LAVRENOV Sergey – Doctor of Political Sciences, Chief Scientific Researcher of Faculty of World Policy of the Moscow State University of M.Lomonosov.

Key words: politics, military strategy, national security, international security, strategic stability, intelligence, decision-making process, non-nuclear containment.

Требования к материалам, представляемым на рассмотрение редакции журнала «Обозреватель–Observer» в соответствии с указаниями ВАК

В редакцию журнала направляется статья с сопроводительным письмом по электронной почте: E-mail: observer@.ru.ru или предоставляется на дискете в программе Word (с расширением **DOC**, **DOCX** или **RTF**) вместе с распечаткой: текст дается кг. 14 через 1,5 интервала.

Текст статьи должен быть **структурирован (иметь разделы)**.

Общий объем материала не должен превышать 20–25 тыс. знаков с пробелами.

Ссылки на источники должны даваться арабскими цифрами только на цитаты и данные, подкрепляющие информацию, и быть привязаны к тексту с указанием выходных данных, источников и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию (не более 300–500 знаков), отражающую основные идеи материала, ключевые слова и краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество полностью, ученую степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны, SPIN-код) на русском и английском языках, наличие библиографических ссылок с транслитерацией латинскими знаками (Английская версия размещается на сайте журнала).

Рисунки, графики, схемы даются в программах JPG или EPS отдельными файлами.

Статья и все необходимые данные должны присылаться в одном файле.

В качестве сопроводительных документов автор прилагает выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Оригиналы этих документов в случае принятия статьи к публикации должны быть представлены в редакцию.

Требования к материалам опубликованы на сайте:

http://observer.materik.ru

Подробнее смотри сайт ВАК: http://vak.ed.gov.ru

Дизайн и верстка
Юданова Н.И.
Интернет-издание, компьютерное обеспечение
Королев Н.В.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.

Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписные индексы **47653** (на полугодие), **36789** (на год)
в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Согласно ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
журнал «Обозреватель-Observer» относится к категории
информационной продукции для детей, достигших возраста шестнадцати лет

16+

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, а также данных не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: г. Москва, 119180, ул. Б.Полянка, д. 7/10, стр. 3
Тел.: 8(499) 799-8076.
E-mail: observer@ru.ru Электронная версия: http://observer.materik.ru

Подписано в печать 14.10.2014. Формат 70x100 $^{1}/_{16}$. Печ.л. $8^{1}/_{4}$. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Фирма А-Форт-Юг». Заказ № 230.